

Андрей ПОЗДЕЕВ

ОПЕРАЦИЯ «АРТЕФАКТ»

16+

@ЭЛИТА

Андрей Поздеев
Операция «Артефакт»

Электронное издательство "Аэлита"

2019

УДК 82-312.9
ББК 84-445(2Рус-Рос)6

Поздеев А.

Операция «Артефакт» / А. Поздеев — Электронное издательство "Аэлита", 2019

Остросюжетный роман-диалогия в двух книгах: «Архип» и «Алексей». По художественному жанру роман можно отнести к категории фэнтези, в котором присутствуют элементы мистики и фантастики. Копьё Судьбы (Копьё Лонгина, Копьё Господа, Копьё Иисуса Христа) – согласно Евангелию от Иоанна, одно из Орудий Страстей, пика, которую римский воин Лонгин вонзил в подреберье Иисуса Христа, распятого на Кресте. Как и все Орудия Страстей, копьё считается одной из величайших реликвий христианства. В современном мире существуют четыре наконечника копья, каждое из которых претендует на роль настоящего артефакта, однако никто на планете не знает, где на самом деле находится истинное Копьё Судьбы, владелец которого получит власть над всем Миром! Этот роман повествует о том, при каких обстоятельствах истинное Копьё Судьбы оказалось на территории России, какую незримую роль оно играло, и продолжает играть в жизни российского государства. Несмотря на то, что главные события романа разворачиваются с марта по декабрь 2013 года, сюжетная линия произведения охватывает исторический период протяжённостью в двести пятьдесят лет, приподнимая завесу над многими тайнами современности. Книга предназначена для широкого круга читателей (16+), интересующихся историей современной России, работой спецслужб, магией и вопросами мироздания, находящимися под грифом «Совершенно секретно».

УДК 82-312.9
ББК 84-445(2Рус-Рос)6

© Поздеев А., 2019
© Электронное издательство
"Аэлита", 2019

Содержание

Книга первая	7
Пролог	8
Часть первая	10
Глава 1. Начало	10
Глава 2. Дорога	12
Глава 3. Перелёт	16
Глава 4. Из дневника Алексея Бурмистрова	19
Часть вторая	30
Глава 1. Воскрешение	30
Часть третья	35
Глава 1. Исповедь Архипа	35
Глава 2. В банде «Серого»	37
Глава 3. Чистяков	40
Глава 4. Война	42
Глава 5. Возвращение Чистякова	46
Глава 6. Подземелье	48
Глава 7. Операция «Экспроприация»	52
Глава 8. Уроки медитации	54
Глава 9. Последняя вылазка	58
Глава 10. Преображение	66
Часть четвёртая	72
Глава 1. Взаперти	72
Глава 2. Проверка	83
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Андрей Поздеев

Операция «Артефакт»

История одного расследования

В современном мире существуют тайны, которые скрыты от наших глаз за « семью печатями ». Эти тайны хранят в себе секреты мироздания, доступ к которым имеют лишь несколько человек на планете, а любые попытки приблизиться к этим тайнам извне, мгновенно пресекаются могущественными тайными обществами. Эта книга является своеобразной попыткой автора преодолеть запретный барьер, и донести до читателя в литературной форме одну из величайших тайн нашей цивилизации, которая по своей значимости и масштабу превосходит все ранее известные тайны на Земле. Речь идёт, о знаменитом артефакте, известном под названием « Копьё Судьбы », которое является не только величайшей реликвией христианства, но и магическим ключом, с помощью которого открывается проход в другое измерение . . .

Книга первая Архип

*«Вначале было Слово, и Слово было у Бога,
и Слово было Бог.
Оно было в начале у Бога.
Всё через Него начало быть...»*

Евангелий от Иоанна

Сначала к нему вернулось чувство ощущения собственного тела. Оказалось, что гравитация реально существует, и она своими невидимыми нитями продолжала удерживать его в исходной точке пространства и времени. Сознание, которое до этого мгновения находилось в состоянии прострации, подало первые признаки жизни, сначала еле уловимые, но постепенно этот процесс принял необратимый, лавинообразный характер, и нервные окончания начали реагировать на внешние раздражители. Тело предприняло неуверенную попытку изменить своё положение, и вслед за этим послышался глубокий вздох, в котором одновременно присутствовали ноты боли, отчаяния и безысходности. Мышцы лица напряглись, последовало еле заметное шевеление век, которые, как тяжёлые несмазанные ворота, начали рывками приподниматься вверх, размыкая слипшиеся ресницы, и миру предстали два карих зрачка, подёрнутые матовой пеленой. Продолжая оставаться в таком положении, глядя перед собой в никуда, тело пыталось вспомнить и осознать своё предназначение и сопричастность к этому миру. Медленно, очень медленно обрывки каких-то видений начали проявляться сквозь дымку спящего разума. Затем, как будто бы из глубины туннеля, послышался нарастающий гул, и картина реальности начала проявляться в виде цвета, звука, запаха и неприятного привкуса запёкшейся крови во рту, и вслед за этим в сознании произошёл «взрыв», вернувший реальность на своё место...

Пролог

Глядя немигающими глазами в потолок, Алексей пытался соединить воедино все трагические события прошедшего года. Ещё недавно у него была крепкая дружная семья, любящая жена и красавица-дочка, престижная, денежная работа, крутая «тачка», в общем, всё, что олицетворяет собой образ успешного делового человека. И всё это в одночасье рухнуло, исчезло, развалилось, рассыпалось, как карточный домик, словно по роковому вмешательству чьей-то невидимой руки, злого рока или проклятия.

Две недели назад, его жена Татьяна вместе с дочерью Дарьей попали в жуткую автомобильную аварию. На полупустой дороге, белым днём, у встречного гружёного самосвала оторвалось колесо, и две машины на огромной скорости влетели одна в другую. Татьяна скончалась на месте, а Дашу в состоянии глубокой комы доставили в институт Склифосовского, где она, не приходя в сознание, скончалась в день похорон матери. А за восемь месяцев до этой трагедии произошёл другой несчастный случай. Родители Алексея и Татьяны отправились в автомобильное путешествие на Чёрное море и по дороге попали в полосу сильнейших дождей. Решив переждать непогоду в окрестностях ближайшего населённого пункта, свернули в сторону Крымска, где их и накрыл водяной вал, пронёсшийся по устью реки Адагум.

Пока хоронили Татьяну и Дашу, до Алексея дошли слухи, что компания, в которой он работал, обанкротилась, а их генеральный директор уехал со своей молодой любовницей за «бугор», выведя из оборота все активы компании. И теперь пороги их фирмы обивала целая армия обманутых клиентов, сотрудников следственного комитета и прокуратуры. Ввиду того, что Алексей работал в должности ведущего инженера проекта и не был связан с денежными и финансовыми потоками, его пока на допрос не вызывали.

Только одному Богу известно, что он пережил за эти несколько дней, но какая-то невидимая сила продолжала удерживать его на плаву, не давая свалиться в пропасть, из которой обычно уже никто не поднимается на поверхность. Ему абсолютно не хотелось никого видеть и слышать, он отключил телефоны, компьютеры, дверной звонок и целыми днями лежал на не заправленной кровати, бесцельно глядя в потолок. Ночь плавно перетекала в день, за ним следовала следующая ночь, и все эти ночи ему снился один и тот же сон, в котором не было ни начала, ни конца. На ступеньках большого деревенского дома стоит группа крестьян, одетых в русские национальные костюмы. Все они выглядят такими счастливыми и весёлыми, что хочется невольно присоединиться к ним. Среди них он видит отца с матерью, деда и бабушку, а на переднем плане Татьяну с Дашей. Они улыбаются и зовут его к себе. И как только он делает в их сторону первый шаг, сон внезапно обрывается, а на следующую ночь всё повторяется заново...

Если можно так сказать, то из постели его подняло обыкновенное чувство голода. Странно устроен человек, разум отказывается жить, а инстинкты самосохранения диктуют телу выполнение своих алгоритмов. Он поднялся с постели, осмотрелся по сторонам и понял, что надо как-то начинать жизнь заново. Посмотрев на своё отражение в зеркале, Алексей не узнал в нём себя. Лицо вытянулось и стало каким-то холодным и чужим. Под глазами образовались мешки, кожа пожелтела, нижнюю часть подбородка обрамляла щетина внушительных размеров, а на голове торчала копна нечёсанных волос. Ближе к полуночи он всё-таки пересилил себя и вышел в магазин. Его непрезентабельный бомжеватый внешний вид абсолютно никого не интересовал. Около магазина местные алкаши даже предложили ему сложиться на бутылку, чем вызвали у него на лице первую за последние три недели улыбку. Купив всё необходимое, он решил сократить обратную дорогу домой и пошёл через местный сквер, но лучше бы он

этого не делал. Живя в отрыве от реальной жизни, он не учёл фактора опасности пеших прогулок в столь поздний час. Как оказалось, сквер давно уже облюбовала банда местных скинхедов, которые с наступлением тёплых весенних дней оставались в нём до глубокой ночи. Приняв Алексея за опустившегося интеллигента, банда бритоголовых подонков пустила в ход весь набор словесного унижения человека, пытаясь доказать ему своё превосходство. В какой-то момент ситуация вышла из-под контроля, и он почувствовал на своём затылке удар чудовищной силы, после чего его сознание отключилось, и он провалился в пустоту...

Часть первая Зов предков

Глава 1. Начало

Теперь я знаю, как чувствует себя раненое недобитое животное, какими инстинктами переполнено его пробудившееся сознание и что на самом деле представляет собой настоящая телесная боль. Я реально почувствовал этот звериный инстинкт самосохранения, неудержимое желание спрятаться и забиться в нору, где можно было бы спокойно отлежаться илизать полученные раны. С большим трудом я поднялся на ноги и, постепенно переходя от одного дерева к другому, поплёлся в свою «берлогу». Когда зашёл в квартиру, часы на стене показывали пять часов утра, но сил, чтобы раздеться, уже не осталось, поэтому я упал в постель прямо в том, в чём был. Проспав больше суток, я наконец-то пришёл в себя. Анализ полученных повреждений был неутешительный, но и не смертельный. На затылке торчала шишка величиной с грецкий орех, а всё тело покрывали гематомы от ударов бейсбольных бит и подкованных ботинок. Задавая себе снова и снова вопрос о случившемся, я невольно вспомнил старую поговорку: «Пришла беда – открывай ворота», и от этого на душе стало так противно и гадко, что захотелось волком выть. Идти в полицию и писать заявление на этих отморозков не имело никакого смысла. Просто-напросто не хотелось попусту тратить время, зная наперёд, что никто никого искать не будет, а если и будет, то безрезультатно. По крайней мере, меня успокаивало только то, что я остался жив. Хотя на самом деле жить-то мне как раз и не хотелось...

Ближе к полудню где-то на задворках моего подсознания начал разгораться уголёк одной непонятной для меня мысли, которая через несколько часов сформировалась во вполне реальный план моих дальнейших действий. Самым удивительным в этом было то, что теперь я знал наперёд все свои последующие шаги. Знал, что мне надо сделать сейчас, через час, через сутки. Несмотря на остаточную боль в голове, я, к своему удивлению, чувствовал себя бодро и свежо. За последние три недели я не чувствовал себя лучше, чем сейчас. Окружающее пространство начало наполняться цветом и запахом, а тягостное состояние последних дней и недель стало безвозвратно исчезать.

Ближе к вечеру, приехав на квартиру деда, я постарался изложить свои мысли на бумаге, и вскоре из-под моего пера родился план моих действий на ближайшие несколько недель...

* * *

Когда человек теряет свою жизненную опору, он стремится восстановить утерянный дисбаланс путём возврата в исходную точку координат. Лично для меня такой отправной точкой в системе общечеловеческих ценностей стало желание вернуться к истокам моего рода. И это желание было таким сильным и горячим, что сопротивляться ему я уже не мог. Будто невидимая сила потянула меня в беспросветную даль, создавая иллюзию того, что я найду там ответы на все свои жизненные вопросы и обрету такой долгожданный душевный покой.

Надо сказать, что род мой берёт своё начало, в самой что ни на есть российской глуши, да такой, что такую глушь ещё поискать надо. Где-то в дебрях глухой северной тайги Архангельской губернии существовала с незапамятных времён деревня Карпиха. Вот из этой самой деревни и вышел наш род Бурмистровых. Как потом выяснилось, в декабре двадцать второго года мой восемнадцатилетний прадед Василий Захарович вместе со своей молодой женой Марфой Матвеевной выехал из деревни в Архангельск. Что там случилось и как, сейчас уже

никто не расскажет, но только в дороге попали они в руки отряда по раскулачиванию. Видимо, добротная крестьянская одежда заставила подумать большевиков, что перед ними представители зажиточного крестьянства, поэтому, недолго думая, реквизировали у них весь их нехитрый крестьянский скарб, а Василия в составе таких же, как и он, «кулаков», полураздетого и босого на перекладных погнали в Архангельск. Василий в дороге замёрз, а бабка Марфа от горя такого, не доезжая Холмогор, разрешилась моим дедом, Петром Васильевичем, и вслед за мужем отдала Богу душу. После рождения дед Пётр всё своё детство провёл в детских домах и интернатах. Был он мальчишкой башковитым и тягу к учению имел огромную. Десятилетку закончил в Оренбурге аккурат накануне войны, в июне сорок первого. В военкомате его отправили в лётную школу, а через полгода он провёл свой первый бой в небе над Москвой. С этого момента судьба к нашему роду смилостивилась. Трижды сбивали Петра, дважды пришлось возвращаться ему через линию фронта, получил два тяжёлых ранения, был не раз на волосок от смерти, но выжил и дожил до Дня Победы, который встретил в Чехословакии. Когда после ранения в сорок третьем он лежал на излечении в новосибирском госпитале, то повстречал там свою будущую жену, мою бабушку Елизавету Карповну, которая в этом госпитале служила операционной сестрой. Отец мой родился в августе сорок четвёртого, когда дед бился с фашистскими асами в небе над Белоруссией.

После войны дед перешёл на работу в арктическую авиацию, и многие годы вся его семья «колесила по северам», меняя один аэродром на другой. И только выйдя на пенсию в восемьдесят втором, дед переехал жить в Москву. Осуществить этот переезд помогли его старые боевые друзья, с которыми он никогда не терял связь.

Мой отец, Павел Петрович, после окончания университета был направлен на работу в органы государственной безопасности, где проработал на различных должностях до самой пенсии. Используя своё служебное положение, он-то и раскопал по крупицам родословную нашего рода. Однако, как они с дедом не собирались съездить в родные края, всё у них никак не получалось. То один не мог, то у другого срочные дела были на работе. Всё откладывали, откладывали эту поездку на потом, пока однажды тёплым осенним днём девяносто пятого от обширного инфаркта не умер дед. Бабушка пережила его ровно на три года.

После трагической гибели родителей квартира деда перешла по наследству мне. Квартира была большая, в старом сталинском доме, в самом центре Москвы. От деда осталась большая библиотека и прекрасная коллекция его лётных карт с маршрутами вдоль всего северного побережья. Сдавать квартиру посторонним людям у нас с Татьяной рука не поднималась, и поэтому она всё это время пустовала.

Сейчас, сидя в зале на старом кожаном диване напротив фотографий своих предков, я всё больше и больше убеждался в том, что моё невесть откуда взявшееся желание отправиться на Север, основано на не сиюминутном душевном порыве, а является чем-то большим, несущим в себе какой-то скрытый сакральный смысл.

Правда, прежде чем отправляться в такую поездку, мне предстояло решить большой перечень важных и неотложных дел, без реализации которых такое длительное путешествие было просто невыполнимо. На фоне вороха ежедневных забот у меня абсолютно не было времени ни поехать, ни поспать, и вскоре незаметно для себя я переключился с темы личного горя и переживаний на вопросы реальной жизни.

Стремительно пролетела неделя, были сделаны последние приготовления, и вот я уже сижу «на дорожку» в полумраке квартиры, готовый отправиться в путь, оставляя в этих стенах частичку себя и осознавая тот неизбежный факт, что я уже никогда не буду прежним Алексеем Бурмистровым.

Глава 2. Дорога

Дорога предстояла неблизкая. Сначала мне надо было добраться до Ухты, оттуда на самолёте или вертолёте перелететь в районный центр Усть-Цильма, а там попытаться зафрахтовать местный вертолёт, на котором можно было бы долететь до Карпихи, затерявшейся в заснеженной тайге. В детстве и юности отец постоянно прививал мне навыки выживания в диких условиях природы, поэтому, с моей точки зрения, я был достаточно хорошо подготовлен к такому длинному и опасному путешествию. Единственное, что меня настораживало и смущало в данной ситуации, было то, что обычно «нормальные» люди в такие походы в одиночку не ходят. Следовательно, степень риска многократно возрастала, и требовалось всё продумать до мелочей, но как бы там не было, сборы были закончены, рюкзак собран, а билеты куплены.

В прихожей прозвенел звонок, консьержка сообщила о прибытии такси, и вскоре я уже ехал по вечерним улицам столицы, слушая в пол уха водительский «трёп», любуясь видами вечерней Москвы. Не знаю, почему, но у меня в тот момент было такое чувство, словно я прощался с любимым городом навсегда.

На Комсомольской площади было шумно и многолюдно. До отправления поезда оставалось минут сорок, поэтому я решил купить свежей прессы и кроссворды, чтобы было чем заняться в пути. Повесив на спину свой внушительных размеров рюкзак, я начал пробираться сквозь нескончаемый людской поток к зданию вокзала. Рядом с входом мне на глаза попала группа цыганок, которые бесцеремонно приставали ко всем прохожим с предложением погадать и всю правду рассказать. К сожалению, такая участь не миновала и меня. Как только я поравнялся с одной из них, цыганка нагло вцепилась в мою поклажу. Чтобы немедленно прекратить этот балаган, я резко повернулся к ней, и тут произошло то, чего ни я, ни она не ожидали. Когда наши глаза встретились, я почувствовал у себя на спине разряд статического электричества, и в ту же секунду её лицо исказилось от страха, и слова, которые она хотела произнести вслух, застыли у неё на губах. Мы постояли в таком оцепенении несколько секунд, после чего развернулись, и, не говоря ни слова, каждый пошёл своей дорогой. И только тут я почувствовал, как по моей спине струятся капельки пота, но это было вызвано не тяжестью груза, а тем эмоциональным состоянием, в котором я находился.

Покупая через несколько минут в киоске газеты, я боковым зрением увидел, что та же цыганка наблюдает за мной из-за колонны зала ожидания. Через минуту к ней подтянулись её подельницы, и, пошептавшись между собой, женщины молчаливо уставились на меня. Они больше никого не трогали, не приставали к пассажирам, и мне показалось, что в этом огромном зале, кроме моей персоны, их больше не интересует никто. От этого тревожного и пристального взгляда мне стало не по себе, и я поспешил удалиться на перрон.

К счастью, посадка уже началась, поэтому я без промедления поднялся в вагон. Как только я положил на верхнюю полку свой рюкзак, в купе зашла женщина с мальчиком лет пяти, а следом за ними мужчина пенсионного возраста.

– Давайте знакомиться, – сразу предложил мужчина. – Меня зовут Сергей Михайлович, можно просто Михалыч.

– Меня Людмила, – скромно представилась женщина, – а это мой сын Павлик.

Павлик, как взрослый, подал нам с Михалычем руку, и, пожимая её, я назвал попутчикам своё имя. Через пятнадцать минут послышалась команда проводника, чтобы провожающие покинули вагон, и малыш в предвкушении предстоящего путешествия захлопал в ладоши и полез к окну. Получив разрешение у матери, он начал отодвигать занавеску со своей стороны, а я стал помогать ему с другой. Каково же было моё удивление, когда напротив нашего окна я увидел стоящих на перроне цыганок, пристально смотрящих на нас. Мать ребёнка среагировала быстро, задернула занавески, бросив в сердцах:

– Не хватало ещё, чтобы эти дряни сглазили мне ребёнка.

Взяв Павлика на руки, она тут же стала протирать его лицо носовым платком, убирая чужой сглаз.

– А я их давно заметил, – подал голос Михалыч. – Они подошли к вагону сразу за тобой, Алексей. Встали тут под окнами, молчат, не разговаривают, к людям не пристают. Я даже удивился. Ведь я на своём веку насмотрелся на этот контингент, дай Бог каждому. Им палец в рот не клади, дай кого-нибудь обмануть.

– Да, но не всех же они обманывают. Насколько я знаю, многие из них умеют по руке гадать да по картам судьбу предсказывать, – возразил я.

– Может одна из тысячи и умеет, а остальные все обманом промышляют, – резюмировал Михалыч, – да наркотиками из-под полы торгуют. У нас в городе самые первые распространители. За эти наркотики себе дома отгрохали ого-го, какие, а сейчас тут в окна заглядывают. Не иначе задумали что-нибудь стащить или порчу навести.

Людмила при этих словах прижала сына к себе ещё сильнее, тихонечко плюнула три раза через левое плечо и перекрестила себя и Павлика. В этот момент поезд тронулся и начал плавное движение. Отдёрнув занавеску, я увидел, что цыганки с облегчением вздохнули, убедившись, что я уезжаю из Москвы.

Поезд продолжал набирать скорость, колёса ритмично стучали по стыкам рельсов, и пассажиры окунулись в привычную дорожную обстановку. Через час после отправления наше купе начало готовиться ко сну. Вытянувшись на верхней полке в полный рост и почувствовав расслабление во всём теле, я понял, как здорово я устал за последние дни. Сейчас мне хотелось только одного, поскорее заснуть и как можно дольше поспать завтра утром. Уже в полудрёме я услышал, как Павлик, которого Людмиле всё никак не удавалось уложить спать, спрашивал у матери:

– Мама, угадай, что у меня в руке. Ну, угадай.

А мне как будто кто-то шептал на ухо: «Красный динозаврик из коллекции киндер-сюрприз».

Людмила, вступая с ребёнком в игру, в шутку сказала:

– Конфета, которой тебе угостил Сергей Михайлович?

– А вот и не угадала, не угадала, – засмеялся довольный мальчуган, – это мой динозаврик.

«Странно, – подумал я, – наверное, это просто совпадение», – и в тот же миг провалился в глубокий сон.

* * *

Я проснулся только в десятом часу утра. Сергея Михайловича я уже не застал, он рано утром вышел в Вологде.

– Больно вы сладко спали, Алексей, – сказала Людмила. – Сергей Михайлович просил передать вам привет и пожелать счастливой дороги.

Поблагодарив женщину, я занялся своими личными делами. Ближе к вечеру, прочитав все газеты и разгадав все кроссворды, я откинулся на спинку сиденья, глядя в окно на проплывающий мимо пейзаж. В отличие от Москвы, здесь было значительно больше снега, а мне предстояло ещё ехать и ехать на Север, почти к самому полярному кругу. Стараясь не думать об этом, я решил поиграть с Павликом в «угадалки», чтобы выяснить, случайно ли я вчера угадал его динозаврика, которого он прятал от мамы. На мою просьбу показать игрушку мальчик достал из потайного кармашка штанишек маленького силиконового динозаврика ярко-красного цвета. Мы решили прятать друг от друга за спиной цветные карандаши, которыми Павлик рисовал, и угадывать их цвета. К моему разочарованию, у меня ничего не получалось

или получалось, но совершенно случайно. Я не слышал в своей голове вчерашнего голоса, да и вообще не было никакого намёка на подсказку интуиции.

В Ухту поезд прибыл в полпервого ночи. Сев на вокзале в такси, я поехал в гостиницу, по пути выведывая у водителя информацию об условиях работы местной авиации. Выяснилось, что в ночные часы аэропорт не работает, а туда, куда я собираюсь лететь, надо ориентироваться только на вахтовые вертолёт, договариваться непосредственно с командирами экипажей и платить им наличными.

Переспав ночь в гостинице, я уже в восемь утра был в здание аэровокзала, но воздушная гавань просыпаться не спешила. Рейс на Москву отправлялся только во второй половине дня, и местное аэродромное начальство было ещё вне зоны доступа. Зато симпатичная кассирша Валя сообщила мне по большому секрету, что у неё есть до Москвы один «лишний» билетик. Правда, узнав, что я только вчера прибыл из столицы и в ближайшее время обратно не собираюсь, она потеряла ко мне всякий интерес.

Усевшись в гордом одиночестве в совершенно пустом зале ожидания, я стал дожидаться кого-нибудь из начальства и незаметно для себя задремал. Проснулся я от того, что меня кто-то легонько похлопывал по плечу. Открыв глаза, я увидел перед собой мужчину лет шестидесяти в форменной одежде сотрудника гражданской авиации.

– Молодой человек, кассир мне сказала, что вы ждёте кого-нибудь из руководства авиа-предприятия?

– Да, совершенно верно, – промолвил я, поднимаясь с сиденья. – Видите ли, мне надо каким-то образом добраться до Усть-Цильмы, и я хотел узнать, можно ли туда улететь с каким-нибудь попутным рейсом?

– А почему вы не поехали в Сыктывкар, ведь оттуда в Усть-Цильму регулярно летают рейсовые самолёты? Всё-таки из столицы добираться в те края легче, чем от нас.

Он смотрел на меня пронизательным добрым взглядом, раздумывая про себя, что же ему со мной делать, а я, неотрывно глядя в его глаза, твердил про себя только одно слово: «Помоги! Помоги! Помоги!»

И он дрогнул.

– Ну что ж, молодой человек, пойдёмте ко мне в кабинет, посмотрим, чем я смогу вам помочь.

И мы пошли к служебному входу, за которым начиналась лестница, ведущая на второй этаж. Там, пройдя по ковровой дорожке к приёмной, я прочитал табличку: «Командир авиа-отряда – Балашов Николай Васильевич».

– Заходите, – пропуская меня вперёд, проговорил хозяин кабинета. – Раздевайтесь, вешалка в углу, а я пока чаёк поставлю.

На стенах висело множество фотографий, на которых хозяин кабинета был запечатлён в кругу своих сослуживцев, а также несколько почётных грамот и дипломов. Над креслом висел портрет президента, а на столе стояли миниатюрный флаг России и модель самолёта Ил-14. Пока Балашов заваривал чай, я с его разрешения рассматривал фотографии. Переходя от одной фотографии к другой, меня словно обухом ударили по голове. На меня смотрел мой улыбающийся дед, обнимающий за плечи ещё юного Балашова. Когда я повернулся к нему, то он, увидев моё выражение лица, спросил:

– Что, чёрта лысого увидел?

На что я заплетающимся языком произнёс, показывая пальцем на фотографию.

– Это мой дед, Бурмистров Пётр Васильевич!

В возникшей тишине было слышно, как из чайника мимо чашки льётся на пол вода. Через секунду Балашов пришёл в себя, подошёл ко мне, посмотрел сначала на фотографию, а потом на меня.

– То-то я думаю, что твоё лицо мне показалась знакомым. Конечно, не полное сходство, но черты лица очень похожи. А ну, дай мне твой паспорт.

Открыв паспорт, Балашов начал читать вслух:

– Бурмистров Алексей Павлович, год рождения 1971, Москва. Так значит, ты сын Павла? Ну не ожидал! Ну, порадовал старика. Давай, Алексей, присаживайся, пей чай да рассказывай, как там дед с отцом поживают. Давненько я их не видел, лет тридцать, наверное, уже прошло, а может, и того больше.

И он уже не как начальник, а как близкий мне человек захлопотал надо мной, подсовывая поближе печенье и вазу с конфетами.

Мой рассказ продолжался не более часа, и всё это время Балашов сидел в своём кресле, уставившись на фотографию деда. Когда моё повествование было закончено, я увидел на его глазах слёзы и понял, что своим рассказом задел «старика» за живое. Потом мы долго говорили о превратностях судьбы, о погоде, о хоккее, и к полудню он повёз меня обедать к себе домой.

Балашовы жили в самом центре Ухты, в стандартной пятиэтажке, в трёхкомнатной квартире, расположенной в двадцати минутах езды от аэродрома. Когда поднялись на третий этаж, в дверях нас уже ждала его жена, Анастасия Юрьевна. Как потом выяснилось, Балашовы уже давно жили одни, дети их выросли, выучились и разъехались по городам и весям нашей необъятной страны. После сытного обеда мы с Николаем Васильевичем уединились в его домашнем кабинете, где я наконец-то поведал ему о цели своего приезда в Ухту и конечной точке моего маршрута. Выслушав меня, Балашов принял меня отговаривать:

– Ты, Алексей, хоть понимаешь, куда ты собрался? Посмотри на улицу, сегодня с утра было семь градусов мороза, а в отдельные дни температура здесь может опускаться ниже двадцати. Это тебе, брат, не Москва, а Север. Тут до полярного круга рукой подать. Места, куда ты собрался, дикие, не обжитые. На сто километров пути не встретишь ни одного человека. В лесу полно волков, рысей, росомах. Скоро медведи пробудятся от спячки. Реки через месяц вскроются. Тут тебе, Алексей, не столица, взял, позвонил, и такси за тобой приехало. Тут тебе, батенька – тайга-матушка...

И такое чтение морали продолжалось ещё несколько часов, пока оратор не устал и не уселся рядом со мной на диван.

– Ты пойми, Алексей, твой дед и отец не простили бы мне никогда, если бы я отправил тебя одного в тайгу. Это всё равно, что человека на верную смерть посылать. Нет, я на такое не пойду, даже не проси.

Наша дискуссия и споры продолжались до самого вечера, пока Анастасия Юрьевна не позвала нас ужинать. За столом Николай Васильевич рассказал жене о том, что я задумал, и Балашовы приняли отговаривать меня уже вдвоём, но моя упёртость и твёрдое намерение не сходить с намеченного пути «сломали» Балашова.

– Чёрт с тобой, Алексей! Видит Бог, я использовал все аргументы, чтобы не допустить этой авантюры, но ты точно такой же, как твой дед, царство ему небесное, – при этих словах Балашов осенил себя крестом. – Тот тоже, если что-нибудь себе в башку втемяшит, то его уже невозможно было переубедить. Метеосводка говорит, что лететь нельзя, а он говорит, что можно. И ведь летал, да ещё как летал!!! Легендарный был старик. Про него тут на Севере до сих пор легенды ходят. Да... Видно, вы, Бурмистровы, все с придурью. Уж если вы для себя что-нибудь решили, то у вас хоть кол на голове чеши, а вы от своего не отступитесь. Пусть будет по-твоему, только учти! Твоей экипировкой и подготовкой к походу я займусь лично. Я все-таки прожил в этих краях всю свою жизнь, и мне лучше знать, что надо брать с собой в тайгу.

– Вот это уже другой разговор, Николай Васильевич. У меня сейчас просто крылья выросли. Конечно же, я полностью доверяю вашему жизненному опыту и буду безмерно рад, что вы поможете мне.

Далее мы определились, что на все про всё у нас уйдёт не меньше трёх дней. Часть недостающего оборудования и материалов нам надо было ещё найти и купить, но самое главное – надо было узнать, какой вертолёт полетит в ближайшие дни в те края, и договориться с его командиром об изменении маршрута полёта. Балашов пообещал подбросить меня как можно ближе к месту моей цели. Ещё немного поговорив обо всём на свете, мы после полуночи отошли ко сну. Мне постелили в комнате их сына, в которой осталось всё без изменений со времён его школьной поры. Под потолком висели модели самолётов, которые в темноте напомнили мне кладбищенские кресты. И, прогоняя от себя эти грустные мысли, ощутив себя как бы в кругу своих родных и близких, я незаметно для себя заснул крепким здоровым сном безо всяких сновидений.

Утром Балашов признался, что первоначально хотел разбудить меня рано, в шесть часов утра, когда проснулся сам, но, подвергнувшись атаке со стороны супруги, смилиостивился и разбудил меня только в восемь. Однако за эти два часа он уже много чего успел сделать. Решил вопрос со своим руководством по поводу своего краткосрочного отпуска, дал задание метеослужбе составить для нас точный прогноз погоды на ближайшие дни и набросал перечень наших первоочередных закупок. Когда же мы сели на кухне завтракать, Николай Васильевич с задорными искорками в глазах поведал мне самую важную новость:

– Я тут с утра связался с диспетчерской службой и выяснил, что нужный нам борт будет лететь в те края через четыре дня. Да и командир вертолёта мне хорошо знаком, это Александр Селин. Саша пилот правильный, не трепло и не рвач. Я обрисую ему нашу ситуацию, и он денег с тебя не возьмёт, а на сэкономленную сумму мы с тобой лучше купим подержанный снегоход. Правда, это будет сделать непросто, но я думаю, что мы что-нибудь придумаем. Поэтому давай завтракай, и будем заниматься делами, которых у нас невпроворот.

Только к концу третьего дня мы наконец купили снегоход. Здесь, в Ухте, он отъездил три сезона, и, со слов его хозяина, только из уважения к Балашову как к очень порядочному и уважаемому в городе человеку он пошёл нам навстречу. Божился всеми святыми, что техническое состояние аппарата хорошее и что сани в дороге не подведут. Учитывая то обстоятельство, что теперь моё передвижение по маршруту будет проходить на снегоходе, а не на лыжах, как планировалось первоначально, мы пополнили мой багаж большим количеством продовольствия, тёплыми вещами и хорошей финской радиостанцией, которая могла работать через адаптер от бортовой сети снегохода.

Не знаю, может, эта встреча была для меня как знамение свыше, но если бы, не Балашов, то с вероятностью в сто процентов моё путешествие было бы только в один конец.

Глава 3. Перелёт

В день отлёта с утра немного завьюжило. Несмотря на то, что нижний край облачности был на уровне двухсот метров, погода была ещё лётной, но метеорологи предупредили, что с северо-запада надвигается атмосферный фронт, который к вечеру накроет город снегом, и аэропорт придётся закрыть. Теперь вся надежда была только на то, что газпромковский вертолёт прилетит по расписанию, согласно присланной заявке на перелёт. Распроцавшись с Анастасией Юрьевой, мы уже в восемь утра были на лётном поле. Выяснив, что вылет вертолёта из Сыктывкара намечен на десять часов утра, Балашов потащил меня в кабинет пить чай. Там он ещё раз повторил мне свои наставления о выживании в тайге на случай непредвиденных обстоятельств. Незаметно пролетели два часа, однако вылет вертолёта всё ещё задерживался. Николай Васильевич позвонил в Сыктывкар своему коллеге и попросил того узнать причину задержки. В ожидании ответного звонка он стал наматывать круги по кабинету, углубившись в

свои мысли, даже не замечая меня. Когда через пятнадцать минут ему позвонили из столицы, Балашов подвинул стул и сел напротив меня.

– Неважные у нас с тобой дела, Алексей. Вертолёт ещё не вылетел по причине того, что там не привезли какое-то оборудование, которое он должен взять на борт. Если до двенадцати часов вылет не состоится, нам придётся всё отменить. Это будет связано с тем, что по маршруту полёта вы можете попасть в полосу надвигающегося фронтового раздела, несущего в себе снегопад и сильный ветер. Поэтому всё решится в ближайшие полчаса, я рискую тобой и экипажем не буду. Закончится пурга, и мы снова что-нибудь придумаем, а за это время отоспишься у нас и отдохнёшь.

– Но ведь это может продлиться не день и не два? – сделал я робкое замечание.

– Да, ты прав, – согласился со мной Балашов, поднимаясь и похлопывая меня по плечу. – Но в жизни, мой дорогой, есть такие вещи, с которыми мы просто должны смириться как с чем-то неизбежным. Пурга в это время года может продлиться до четырёх дней, потом почистим аэродром, и жизнь снова наладится в прежнем русле, зато все будут живы и здоровы, а это, знаешь, самое главное.

Спорить с аргументами Николая Васильевича было бессмысленно, так как, конечно же, он был прав. И я от безысходности уставился на фотографию деда, обнимающего Балашова и всем своим видом говорившего мне: «Не дрейфь, внучок, прорвёмся!!!».

В этот момент я снова испытал то необъяснимое состояние просветления, в результате которого у меня появлялось знание того, что будет происходить дальше. И я, как бы утешая своего старшего товарища, заявил:

– Всё будет хорошо, Николай Васильевич, не переживай. Скоро вертолёт поднимется, и я сегодня на нём улечу.

– Эх, молодёжь, молодёжь. Мне бы вашу уверенность.

Не прошло и двадцати минут, как снова зазвонил телефон, и сквозь неплотно прижатую к уху телефонную трубку я услышал, как диспетчер докладывает Балашову, что вертолёт вылетает из Сыктывкара через десять минут. Во время разговора он пристально посмотрел мне в глаза, словно пытаюсь понять, как это я об этом догадался.

Когда через час вертолёт приземлился в Ухте, и я увидел дружеские объятия Балашова с Селиным, мне стало понятно без слов, что они на самом деле являются большими и хорошими друзьями. Представив меня своему другу, Николай Васильевич рассказал ему о нашем плане и назвал координаты точки назначения, в которую меня надо доставить. Селин посмотрел на нас таким взглядом, будто хотел убедиться, во вменяемом ли состоянии мы находимся и не сбежали ли мы из местного дурдома. У каждого нормального человека, когда ему скажут: «Вам надо отвезти этого парня в лес и оставить там на съедение волкам», такое неадекватное поведение мгновенно вызовет соответствующую реакцию. Так произошло и с Селиным. Но через несколько минут общения, убедившись в том, что мы не шутим, и наша просьба действительно имеет место, а времени на обдумывание не осталось, Селин сдался.

– Только ты учти, Николай, я иду грузённый под самую завязку, да и здесь, – он посмотрел оценивающим взглядом на меня и мой груз, – вместе с Алексеем будет почти полтонны. Крюк, который ты предлагаешь мне сделать, потребует большого количества топлива, которое я уже не могу взять из-за перегруза. Так что место посадки буду выбирать исходя из ситуации, погодных условий и остатка топлива в баках. Если вас это устроит... – он посмотрел мне в глаза, может быть, в надежде, что я ещё откажусь, выждал пятисекундную паузу и уже командирским голосом объявил: – То тогда мы немедленно грузимся и взлетаем.

Пока техники заканчивали заправку вертолёта, ребята из аэродромной службы помогли мне быстро погрузиться на борт. Обнимая на прощание Балашова, я почувствовал, как сильно он прижал меня к себе этот уже стареющий человек, ставший за эти несколько дней для меня почти родным.

* * *

Вертолёт бросало и трясло. Шум от работающих винтов не давал никакой возможности поговорить с бортмехаником, и через какое-то время, пригревшись между мешками с грузом, я незаметно для себя задремал...

...Мне снился сон. Передо мной сидел благообразного вида старик в полотняной рубашке с посохом в руке, и он, как мальчишку, отчитывал меня за какие-то прегрешения. А я в это время, вместо того, чтобы слушать и внимать его словам, рассматривал рисунок орнамента на его посохе, и мне было это намного интересней, нежели его слова, которые пролетали мимо моих ушей. Увидев такое пренебрежительное отношение к себе, старик начал стучать мне посохом по плечу, в результате чего я начал просыпаться...

И потом я почувствовал наяву, что кто-то реально пытается меня разбудить. Открыв глаза, я увидел перед собой второго пилота, который приглашал меня пройти в кабину. Селин, усадив меня в соседнее кресло, жестом показал, чтобы я надел наушники, и начал объяснять ситуацию. Из его объяснений я понял, что время подхода атмосферного фронта изменилось, и мы встретимся с ним в самое ближайшее время. Поэтому, учитывая сложившиеся обстоятельства, Селин предлагает мне выгрузиться в районе Ямозера, которое будет под нами через несколько минут. Отсюда, до конечной точки маршрута, мне надо будет пройти ещё порядка двухсот километров. Если такой вариант меня устраивает, то он идёт на посадку, если нет, то он немедленно разворачивается и улетает с этого маршрута. Времени на размышления у меня нет, и о своём решении мне надо сообщить ему прямо сейчас. Я, не задумываясь, сказал, что буду высаживаться там, где он сочтёт возможным посадить вертолёт. В свою очередь Селин предупредил меня, что времени на разгрузку будет не больше трёх минут, при этом двигатели и работу винтов на месте посадки он выключать не будет, поскольку не знает высоты снежного покрова, так что мне надо быть готовым к тому, что меня просто-напросто «выкинут» за борт.

Глядя перед собой через лобовое стекло кабины, я увидел, как впереди нарастает и приближается тёмно-серая стена циклона. От этой картины на душе стало как-то тревожно и нехорошо. Выходя из кабины, я с благодарностью посмотрел Селину в глаза и крепко пожал его руку. Мы поняли друг друга без слов.

Скоро я почувствовал, что вертолёт начал снижаться. Проверив свою амуницию и надев перчатки, я стал ждать команды на выгрузку. В иллюминаторе нескончаемый лес сменился снежной целиной, что свидетельствовало о том, что мы уже летим над замёрзшим озером, и через минуту вертолёт завис и начал спускаться. Как только шасси коснулись кромки снега, бортмеханик отодвинул боковой люк в сторону, и в тот же миг началась разгрузка. В четыре руки мы быстро выкинули на снег мой нехитрый скарб, а вот со снегоходом возникла проблема. Зацепившись гусеницей за лежавший под ним трос, он никак не хотел сдвигаться с места. А время неумолимо отсчитывало драгоценные секунды и литры сгоревшего керосина. Ситуация становилась критической, и в этот момент к нам на помощь пришёл Селин, который своей богатырской рукой вырвал из троса застрявший снегоход и выкинул его в снег, а следом за ним и меня. Оказавшись в снегу, я погрузился в облако снежной пыли, поднятой работающими винтами, за которым ничего нельзя было разглядеть. И только когда Ми-8 начал удаляться с резким набором высоты, я помахал им рукой вслед.

Сделав небольшой разворот на северо-восток, машина начала удаляться в сторону ещё чистого неба, как бы спасаясь от приближающегося ненастья, а на сердце у меня заскребли кошки дурного предзнаменования.

* * *

Когда стихли последние звуки улетевшей машины, окружающее пространство погрузилось в напряжённую звенящую тишину. Атмосферное давление стремительно падало, и у меня начало закладывать уши. В преддверии наступающего вселенского хаоса мир на мгновение замер, как будто собираясь с силами перед скорой смертельной схваткой между небом и землёй. Над ближайшими деревьями появилась тёмно-фиолетовая стена снежного фронта, которая приближалась со скоростью курьерского поезда. Уже стали слышны громовые раскаты снежного шторма, когда до меня дошло, что если я в течение ближайших пяти минут не придумаю, как мне укрыться от непогоды, то мне придётся очень туго. В этот момент на смену чувству уверенности из крошечной глубины подсознания начало просачиваться липкое и гадкое чувство панического страха. Я рыскал в отчаянии по снежной целине, как собака, потерявшая нюх, пытаюсь на ощупь обнаружить заветный красный мешок, от которого зависела сейчас моя жизнь.

Неожиданно налетел первый порыв ветра. Макушки деревьев согнулись под тяжестью невидимой воздушной волны. Послышался пугающий треск ломающихся веток, и молчаливый ещё несколько секунд назад мир ожил, оцетинился и пришёл в движение.

Представление начиналось. Вся северная сторона неба погрузилась во мрак, за которым просматривался невероятных размеров смерч, верхняя часть которого терялась в непроглядной вышине. Сквозь боковые стенки воронки были видны многочисленные разряды молний и слышались нескончаемые громовые раскаты. Вращающаяся масса воздуха, как громадный пылесос, засасывала на своём пути всё, что попадало в его жерло. По снежному насту потекли тонкие ручейки сыпучего снега, которые под действием ветра поднимались ввысь, окутывая белым саваном мою застывшую фигуру, впавшую в оцепенение. Может, на этом всё и закончилось, если бы в метре от меня из-под снега не показался кусок красного нейлона, сигнализирующий моему сознанию импульс надежды на спасение. Скорее интуитивно, нежели осознано, мои руки достали из мешка спасительную палатку, которую я бросился привязывать к стоящей поблизости маленькой сосёнке. И в тот миг, когда страховочный узел был уже почти готов, позади меня раздался взрыв. Обжигающий жар электрического разряда обжёг моё тело через толстую подкладку пуховика, а звуковая волна завершила разрушающее воздействие молнии, повалившей меня с ног. В полубессознательном состоянии я каким-то чудом ещё успел залезть в нейлоновое чрево палаточного мешка, прежде чем моё сознание отключилось.

Глава 4. Из дневника Алексея Бурмистрова

Если меня когда-нибудь спросят: «Что такое преисподняя?», я найду что ответить, потому что я лично побывал там!
Алексей Бурмистров

«Я пишу эти строки спустя пять дней после урагана. То, что я ещё жив, есть не что иное, как вмешательство в моё спасение каких-то высших сил. При всех ужасающих последствиях пронёсшейся бури я остался не просто жив и здоров, а я даже не получил ни одного ушиба и царапины. Оценивая цепочку случайных событий того дня, я постоянно ловлю себя на мысли, что я остался жив не по воле случая, а по воле Провидения. Будучи убеждённым атеистом в своей прежней жизни, я, как бабочка, прошедшая сквозь цикл метаморфоз, вышел из этой жуткой передрыги абсолютно другим человеком. Отбросив путы материализма и вещизма, которые связывали меня по рукам и ногам, я по-новому взглянул на окружающий меня мир. То чувство неуверенности и сомнения, которое иногда прорывалось наружу из моего глубокого

подсознания, сменилось чувством глубокой убеждённости, что всё, что сейчас со мной происходит, не случайно и несёт в себе неведомый тайный смысл.

День первый

Ураганный ветер гудел, как в аэродинамической трубе. Сила его была столь велика, что многократно превышала по мощности все известные акустические системы, придуманные человечеством. Спектр звуковых колебаний начинался от низкочастотного инфразвука и заканчивался высокочастотным ультразвуком. Первый вызывал животное чувство страха, от которого стыла в жилах кровь, и всем своим существом мне хотелось выбраться из палатки и бежать, куда глаза глядят, второй воздействовал на подкорку головного мозга и представлял собой природное психотропное оружие такой колоссальной силы, что от него не было никакого спасения. Я болтался в палаточном мешке, как зародыш в утробе матери, корчась от боли и страха, которые разрывали меня изнутри. Это был ни с чем не сравнимый первородный ужас, который я не испытывал доселе никогда, и даже не подозревал, что такое может быть возможным. Сквозь вой ветра слышались раскаты грома, треск ломающихся и падающих деревьев. Казалось, что земля разверзлась, и мир засасывает в гигантскую воронку, которая своими корнями уходит к центру земли. Из моего носа и ушей сочилась кровь, солоноватый вкус которой я чувствовал на своих губах в короткие мгновения прояснения сознания...

...Я очнулся от недостатка воздуха. Открыв глаза, я увидел, что нахожусь в полной темноте. Сверху давила неподъёмная тяжесть, а ткань палатки не давала пошевелить ни рукой, ни ногой. В моём мозгу начали рисоваться картины заживо погребённых людей. Я представил себя зарытым в гробу на многометровой глубине, и в этот момент со мной случился приступ клаустрофобии. Перспектива быть заживо похороненным в снежном плену грозила перерасти в панику. Борясь с нарастающим чувством страха, я ощутил, как по моей спине пробежал знакомый мне уже лёгкий электрический разряд, и в тот же миг мой разум нарисовал путь избавления из снежного плена. Нащупав на поясе чехол с охотничьим ножом, я, преодолевая давящую на меня тяжесть, с невероятными усилиями начал резать ткань палатки. И как только оболочка была разрезана, в тот же миг меня начало засыпать снегом. Получив возможность немного двигаться, я изловчился и перевернулся на живот. А потом, разгребая и подминая под себя снег, я, как пловец, начал рывками проталкивать своё тело вверх. И когда воздуха в лёгких почти не осталось, я вынырнул на поверхность.

Там наверху была ночь. Лицо обжёг холодный северный ветер, который немного привёл меня в чувство. Не надо было быть синоптиком, чтобы понять, что температура воздуха стремительно падает, а вокруг, насколько это можно было разглядеть в темноте, мела густая снежная позёмка, скрывающая за своей белой пеленой последствия пронёсшегося урагана. Поняв, что предпринимать какие-либо попытки по спасению груза в создавшейся ситуации было смерти подобно, я остался дожидаться утра в образовавшейся снежной яме.

День второй

Наверное, это была самая длинная ночь в моей жизни. Ночь, насыщенная муками размышлений о случившемся, о моём месте в этом мире и о том, что будет со мной завтра. Как я не старался немного поспать, у меня ничего не получилось. Чуть ли не каждые полчаса я снимал перчатку и смотрел на фосфоресцирующий циферблат лётных часов деда, чтобы в очередной раз убедиться, что до восхода солнца ещё далеко.

Но движение планеты было неумолимым, и около четырёх часов утра на востоке забрезжил рассвет. К утру ветер стал стихать, и на небосклоне появились проблески чистого неба, свидетельствующие о том, что предстоящий день будет погожим. Меня это очень обрадовало, поскольку за ночь я порядком промёрз, и сейчас мои зубы выстукивали барабанную дробь.

Через час после восхода позёмка прекратилась, и моему взору предстала ужасающая картина последствий пронёсшейся бури. В двух метрах от того места, где я откопался, высился трёхметровый снежный бруствер, берущий своё начало в непроглядной дали на севере и уходящий прямой линией через озеро на юг. В том месте, где снежный смерч прошёл по льду, зияла огромная промоина чистой воды, а куски вывороченного многометрового льда валялись по всей поверхности озера, как куски гигантского сломанного зеркала. Взобравшись на край снежного выброса, я увидел картину катастрофы, которую можно было сравнить разве что со старинными фотографиями с места падения Тунгусского метеорита. Широкая просека не менее трёхсот метров в ширину разрезала многовековую тайгу, как ножевой шрам на теле Земли. Вывороченные с корнем деревья, сломанные пополам столетние ели и сосны, закрученные в узел лиственные деревья, образовывали непроходимую преграду. И эта полоса разрушения терялась где-то далеко-далеко в бескрайней дали северных лесов. Оценивая увиденное, я про себя поблагодарил Всевышнего за моё спасение, за то, что вразумил меня остаться вчера на месте и не идти к лесу. А ведь именно там, под сводами деревьев, я видел вчера своё спасение от бури, и именно туда намеревался гнать снегоход.

Проваливаясь по грудь в снежную массу, я сделал несколько отчаянных попыток разыскать своё снаряжение, но все они были тщетны. Представив по памяти вчерашнее расположение вещей и сравнив с тем, что творилось на этом месте сегодня, я понял, что всё моё снаряжение сейчас покоится в лучшем случае под бруствером, на котором я недавно стоял, а в худшем оно разбросано по всей тайге. Надо было полагать, что в любом случае я теперь остался без экипировки, продовольствия, без топографических карт и без связи с внешним миром. Единственное, что у меня осталось, были отцовский охотничий нож и дедовы часы, которые показывали десять часов утра – время сеанса связи.

Я воочию представил себе, как Балашов ругает меня за то, что я не вышел с ним на запланированный сеанс связи. И мне в этот момент стало жаль старика, хотя с моей точки зрения, ничего страшного не произошло. Наверное, Селин уже сообщил ему о моей высадке на Ямозера с указанием конкретных координат и тех погодных условий, в которых я оказался. «Так что, дорогой Николай Васильевич, не сердчай на меня, как-нибудь прорвёмся!!!»

* * *

Когда я был ещё маленьким мальчиком, и мы всей семьёй ездили в Подмосковье за грибами, отец мне всегда напоминал, что если я заблужусь в лесу, то первое, что я должен буду сделать, это остановиться на месте и ждать, когда меня найдут. В противном случае поиски могут затянуться на неопределённое время. Решив поступить так, как меня учили, я начал сооружать временное убежище в надежде на то, что вертолёт прилетит за мной если не сегодня, то обязательно завтра. Благо материала для строительства укрытия вокруг было предостаточно. Занятый работой целый день, я и не заметил, как солнце начало клониться к западу, и вскоре наступили сумерки. Своё новое убежище я обустроил одной стороной впритык к брустверу, а другой к яме, в которой провёл вчерашнюю ночь. Вконец вымотавшись, я залез внутрь своей норы и после двух бессонных суток мгновенно уснул. Но сон мой был странным. Вроде бы я и спал, но в тоже время я слышал каждый звук, доносившийся снаружи. Несмотря на кажущуюся пустоту, тайга жила по своим неписанным законам. То там, то сям раздавались непонятные звуки, которые сквозь призрачную оболочку сна всю ночь терзали моё обострённое и воспалённое сознание.

День третий

Утром я лежал и прислушивался ко всему, что доносится снаружи, в надежде услышать долгожданный звук вертолётных винтов. Но утреннюю тишину наполняли лишь редкие крики сов, да шуршание мышей под снегом. Потом я услышал, как далеко-далеко протрубил своим могучим басом северный олень, напоминая всей округе, что это его территория. Как ни странно, но природа продолжала жить своей жизнью, несмотря ни на какие природные катаклизмы...

...В полдень, сидя на вершине бруствера и грея спину в лучах полуденного солнца, я боковым зрением случайно уловил солнечный блик, отражённый от какого-то блестящего предмета примерно в километре от себя на опушке леса. Поднявшись на ноги и напрягая своё зрение, я пытался хоть что-то разглядеть в той стороне, но все мои попытки были тщетны. Определив ориентир, я, не раздумывая, направился к тому месту, но это было легче сказать, нежели сделать. Глубокий снег, доходящий порой выше пояса, делал моё продвижение почти невозможным. И только когда уже начало смеркаться, я наткнулся на занесённую по самую крышу избушку.

После двух дней, проведённых в снежной пустыне, избушка показалась мне настоящим дворцом. Внутри неё было сухо, проконопаченные брёвна не пропускали ветер, оконное стекло было целым и невредимым. Внутреннее убранство помещения состояло из печки-«буржуйки», стола с двумя лавками да нехитрой кухонной утвари, состоящей из алюминиевого армейского чайника с ржавой эмалированной кастрюлей да висевшего над столом старого армейского рюкзака.

Замёрзшими дрожащими пальцами я развязал затянутые лямки, и о, Боже, я сразу увидел на самом верху предусмотрительно кем-то завёрнутый в полиэтиленовый пакет обыкновенный коробок спичек, и через несколько минут избушку наполнил треск разгорающихся дров. Вскоре от печки потянуло приятным теплом, а воздух наполнился запахом смолистой хвои. Продолжив исследование содержимого рюкзака, я обнаружил там льняной мешок с сухарями чёрного хлеба, два пакета перловой крупы, килограммовый кусок сала, шесть свечей, блокнот для записей с химическим карандашом, ракетницу с тремя патронами и десять хвостов сушёной рыбы. Позже под потолком я нашёл подвешенные охотничьи лыжи с сыромятным креплением, и там же лежал аккуратно завёрнутый в холстину небольшой, но острый топорик. При виде всего этого богатства меня начало переполнять чувство огромной благодарности к незнакомым мне людям, которые, соблюдая старый таёжный обычай, оставили эту небольшую посылку...

День четвёртый

Сегодня утром я вышел на снег, чтобы испытать найденные лыжи. Они прекрасно держат мой вес, и я совсем не проваливаюсь. В качестве предупредительной меры сходил на них к месту моей первой ночёвки, чтобы оставить там записку о том, что я перебрался на зимовье. Возвращаясь назад через два часа, я увидел в ста метрах от избушки цепочку звериных следов, обходящих дом на почтительном расстоянии. Следы уходили в сторону леса и терялись среди ближайших деревьев. Не будучи охотником, я не смог определить, кто это был, но было видно, что зверь большой и тяжёлый, поскольку при передвижении проваливался в снег по самое брюхо. Значит, я здесь не один...

...Вечером, сидя в натопленной избе, я держал перед собою «военный совет» на предмет того, что мне следует предпринять дальше. Первое, что пришло мне на ум, надо немедленно прекратить дальнейшее путешествие. Отсутствие снаряжения, продуктов питания и радиостанции делали нереальным и опасным любое продвижение по маршруту. Оставалось только радоваться, что во время урагана я остался жив, и молить Бога, что я вышел на это зимовье. Имея крышу над головой и небольшой запас провизии, можно было продержаться здесь несколько месяцев. С другой стороны, у меня возникли ничем необоснованные опасения, что за мной никто не прилетит, и здесь можно застрять до самого лета. Да и то, если в эти края нагрянут охотники или рыболовы. Но то, что они здесь появятся, ещё не факт. Эти опасения появились у меня после того, как по происшествию четырёх суток за мной никто не прилетел, а это могло произойти только в одном случае, если вертолёт Селина не долетел до места назначения, и он никому не сообщил координаты моей высадки. В противном случае меня бы давно уже нашли. Следовательно, напрашивался вывод, что в настоящее время абсолютно никто не знает, где я нахожусь, и поиски меня могут затянуться до бесконечности. Поэтому оставаться здесь и тупо «ждать у моря погоды» тоже не имеет смысла. Имея в наличии лыжи и целый мешок съестного, можно попробовать рискнуть и попробовать пройти какие-то там двести километров. Тем более, что Балашов знает примерные координаты Карпихи и, значит, он будет искать меня именно там. Так что вопреки здравому смыслу мне надо выдвигаться в путь, пока не наступила весна, пока реки и озёра покрыты льдом, и у меня ещё есть силы пройти этот маршрут. Правда, остаётся один, но, наверное, самый главный вопрос, в каком направлении и куда мне надо идти?

...Ночью мне снился сон. «Я плыву по бурному морю в маленькой лодке, гребя вёслами против ветра. Окончательно выбившись из сил, я бросаю вёсла, отдаваясь на милость волнам в надежде на то, что течение вынесет меня к берегу. И как только я принимаю такое решение, то сразу же замечаю на горизонте луч маяка, который посылает мне световые сигналы, благодаря которым я получаю долгожданное спасение. А там, на берегу, я опять вижу избу с людьми, и Татьяна машет мне рукой, зовя к себе...»

* * *

Как это часто бывает, что человек иногда переоценивает свои силы и возможности, когда сталкивается с могущественными силами природы. Зачастую все неприятности начинаются тогда, когда нарушаются элементарные правила безопасности. Кстати, на этом принципе построены сюжеты многих американских фильмов. Обычно в самом начале фильма кто-то из героев нарушает общепринятые нормы поведения и правила безопасности, а потом всё оставшееся время до конца фильма героически преодолевает возникшие трудности. Как говорится, – классика жанра. Кто-то мне сейчас скажет, что это только в кино так бывает, однако разрешите с вами не согласиться. Все экспедиции знаменитых учёных и путешественников, закончившиеся трагически, развивались примерно по аналогичному сценарию. Казалось бы, что трудного в том, чтобы заранее всё предусмотреть, подготовиться к встрече с опасностью и избежать неприятных последствий? А нет, нам подавай экстрим, да такой, чтобы адреналин зашкаливал. Чтобы сердце уходило в пятки. Чтобы потом в кругу своих друзей можно было, как Тарзан, постучать себя кулаком в грудь и крикнуть: «Вау! Я это сделал. Я победил!».

Но это обычно бывает только тогда, когда есть возможность повыпендриваться перед публикой, а когда тебя никто не видит? Что тогда? А тогда мы полностью отдаёмся на волю нашим инстинктам и первородному звериному чутью. Оно-то и подсказывает нам выход из ситуации, казалось бы, безвыходной и обречённой. Какой глубокий смысл несёт в себе выра-

жение «Человек предполагает, а Бог располагает». И как это точно подмечено, что наши желания не всегда совпадают с нашими возможностями...

...Что-то сегодня я захандрил, и меня с утра потянуло на философские мысли. Сон, пришедшейся мне прошлой ночью, никак не выходит у меня из головы, и поэтому, чтобы как-то отвлечься от тягостных мыслей, я достал из рюкзака блокнот с карандашом и начал записывать хронологию моего пребывания на Ямозере за последние четыре дня.

День пятый

Я целый день писал свой дневник. Может быть, он поможет людям понять, почему и с какой целью я оказался в этих краях. Сегодня с самого утра я начал ловить себя на мысли, что я ни с того ни с сего часто поворачиваю голову на северо-запад и подолгу смотрю в ту сторону через окно избушки, словно оттуда для меня должен прозвучать какой-то долгожданный сигнал. К полудню это чувство усилилось, а к вечеру переросло в уверенность, что я знаю, в какой стороне находится Карпиха. Для подтверждения этих мыслей я даже провёл небольшой эксперимент. Выйдя из избушки на снег, я завязал шарфом глаза, несколько раз покрутился вокруг своей оси, пока у меня не закружилась голова и не произошла потеря ориентации, и после того, как кровоснабжение мозга восстанавливалось, я поворачивался в ту сторону, куда мне подсказывала моя интуиция. И каждый раз это было направление на северо-запад. После продолжительного и мучительного обдумывания сложившейся ситуации я пришёл к твёрдому убеждению, что мне надо уходить отсюда и идти в Карпиху. Свой выход я наметил на утро следующего дня...

День шестой

На шестой день моего пребывания на Ямозере я отправился в путь. Погода стояла превосходная, лёгкий морозец за ночь образовал на снегу ледяную корку, по которой лыжи скользили, как по маслу. Помогая себе в движении длинной палкой, я уверенно продвигался вперёд. По моим самым оптимистическим прогнозам, я должен добраться до Карпихи к исходу четвёртых суток...

...Через час после начала движения взошло солнце, озарив девственный лес неповторимыми красками. Солнце светило мне в спину, и я через куртку чувствовал его приятное согревающее тепло. Снег блестел и переливался всеми цветами радуги, заставляя меня всё время щуриться. Бледно-голубое небо радовало надеждой, что с приходом хорошей погоды температура воздуха поднимется, и ночи будут не такими холодными, как в последние дни. Через четыре часа я подошёл к опушке леса, представляющей собой сплошной бурелом с высокорослым кустарником. Абсолютно не ясны были размеры этого лесного массива, и я решил обойти его справа. Продвигаясь вдоль края, я начал поворачивать назад, что меня никак не обрадовало, и, вернувшись через час в исходную точку, я пошёл влево. Через два часа бесцельных поисков я уткнулся в полосу леса, поваленного смерчем. Предполагая, что эти двести-триста метров я преодолёю за тридцать минут, я решил идти напрямик. Как только я сошёл с лыж, то моментально провалился в снег до пояса. Перебравшись через первое дерево, многократно запутавшись в его ветвях, я понял, что мне потребуются на преодоление этой природной полосы препятствий значительно больше времени...

...Нет, это был не лес, это была не просека, это был чёртов лабиринт, в котором можно было сломать шею. Только к вечеру, абсолютно выбившись из сил, я выбрался из этого завала.

Надеюсь на то, что это был худший день моего пути. Пока в чайнике кипятится вода, я пишу в блокноте эти строки, на большее меня уже не хватает...

День седьмой

Кто не бывал ни разу в тайге, тот не сможет себе даже представить, каким бывает девственный лес. Какими бывают непроходимые чащи и заросшие кустарником болота. Даже высокий снежный покров не смог ускорить темп моего движения. Я физически начал застревать в этих бескрайних диких лесах. На исходе сегодняшнего дня я пришёл к мысли, что самая прямая дорога не является самой короткой. Продукты стремительно заканчиваются, силы тоже. За два дня я, наверное, не прошёл и четверти намеченного пути, и надо что-то срочно предпринимать. Мой природный маяк в голове работает безупречно, поэтому я не опасаюсь, что смогу заблудиться, если буду обходить некоторые участки леса в обход. Ах если бы мне на пути попала замёрзшая река или ручей, то это в значительной мере облегчило бы моё продвижение и сэкономило силы. Остаётся только одно, уповать на удачу, и его Величество «случай».

День тринадцатый

Сегодня к полудню я вышел на берег небольшого замёрзшего ручья. Мне требуется хотя бы суточный отдых для восстановления сил. Продуктов осталось мало, поэтому я ввёл для себя строгое ограничение и лелею надежду, что здесь, на открытой местности, мне удастся хоть чем-нибудь поживиться. Там в буреломе я за всю неделю не увидел ни одного зверя и птицы. Может, виной всему был шум, создаваемый мною при движении, но по-другому там было просто не пройти. Всё, решено! Завтра делаю для себя день отдыха...

День четырнадцатый

Ночью я услышал протяжный волчий вой, который привёл меня в смятение. Ни о каком нормальном сне уже не могло быть и речи. Подбросив в огонь побольше валежника, я спиной вжался в ствол столетней сосны, сжимая в одной руке топор, а в другой рукоятку ракетницы. Периодически засыпая и мгновенно просыпаясь, я целую ночь сквозь дремоту слышал вой голодного зверя. Я знаю, что волки зимой собираются в большие стаи, противостоять которой тяжело даже вооружённому человеку, не говоря о том, что с моим вооружением это будет делать практически невозможно. Но если он будет один, то у меня, наверное, появится шанс постоять за себя. По всей видимости, в последующие ночи мне надо будет ночевать на деревьях. Благо в последние дни значительно потеплело, и по всему чувствуется приближение скорой весны.

День восемнадцатый

Руслу ручья значительно расширилось, что намного ускорило скорость моего продвижения. Но и здесь попадаются каменистые перекаты, которые за зиму превратились в неприступные ледяные торосы, на преодоление которых уходит много времени. Я иду по руслу уже третий день. Но сегодня река повернула на северо-восток, так что мне опять надо уходить в лес. Интуиция подсказывает, что за эти дни я значительно приблизился к своей заветной цели, однако, сколько мне ещё предстоит пройти, известно только одному Богу. От голода всё чаще начинает кружиться голова. Волков я ещё не видел, однако шестым чувством ощущаю их при-

сутствие рядом с собой. По-видимому, они наблюдают за мной. В дневные часы, когда становится жарко, хочется сбросить с себя куртку и меховые штаны. Одежда пропиталась потом и стесняет движения и непомерным грузом давит на плечи. Каждый килограмм груза кажется мне теперь уже десятью килограммами. Постоянно хочется спать, поскольку в ночные часы, сидя на ветке дерева, выспаться практически невозможно...

День девятнадцатый

Сегодня на исходе дня сознание моё помутнело, я оступился и упал. Мне не хотелось вставать. Хотелось просто лежать, ничего не делать и спать, спать, спать... И тут я увидел выходящего на лёд волка. Он не спеша, вразвалку вышел на открытое пространство метрах в сорока впереди меня, пригнул морду к передним лапам и стал ловить мой запах с подветренной стороны. Хитрое животное понимает, что я устал и начинаю выдыхаться, но волк также чувствует, что время его ещё не пришло, и ему надо дождаться своего часа, когда я окончательно обессилю. Как только моя рука потянулась к карману за ракетницей, хищник моментально ретировался к ближайшим кустам и скрылся из виду...

* * *

Когда подходит время делать ночной привал, я выбираю более-менее подходящую ель, обрубаю топором нижние ветки на высоту до двух с половиной метров и использую эти выступы для подъёма в качестве ступеней. Армейский рюкзак я верёвкой подвязываю за ляжки таким образом, что у меня получалось своеобразное сиденье, а свободным концом обвязываю себя вокруг ствола, чтобы во сне не выпасть из «гнезда». Такое нехитрое приспособление прекрасно помогает переночевать и защищает от нападения непрошенных гостей. Правда, ни один хищник до сегодняшнего дня мне на глаза так и не попался. Только в ночные часы я слышу этот отвратительный вой, говорящий о том, что зверь всё время где-то рядом со мной...

* * *

...Решив, что на сегодня с меня хватит, я начал обустривать свою стоянку на ночь. Пока я выбирал подходящее дерево, обрубал ветки, начало смеркаться. Мой вещевой мешок уже почти пуст. В нём осталось только три рыбьих хвоста да коробок с четырьмя спичками. Разведя костёр и удобно устроившись на срубленном лапнике, я смотрю на огонь и пишу эти строки, а мысли мои далеко-далеко отсюда. Весь вечер сегодня думал о том, как там сейчас в Москве? Представлял себе освещённые улицы, заполненные машинами и людьми, и мне показалось, что это происходит где-то далеко, на какой-то далёкой и неизвестной планете. Первоначально я думал пройти весь маршрут за четыре-пять дней, а сейчас мне кажется, что в этом проклятом лесу я нахожусь уже целую вечность, и у меня начала пропадать былая уверенность, что я вообще когда-нибудь выберусь из этого леса. А что ждёт меня в Карпихе, и есть ли она вообще? Может, снявшиеся мне сны с Татьяной были вещими, и она зовёт меня к себе, в мир иной, загробный? От этих невесёлых размышлений мне даже стало жаль себя, захотелось заплакать. Но, сдержав слёзы, я наоборот встал и прокричал в непроглядный мрак ночи.

– Эге-ге-ге... Где вы, сучье племя? Вам меня не запугать! Я дойду, дойду назло всем! Я не сдамся!

День двадцатый

Ночью небо заволочло тучами, подул холодный северный ветер, и весеннее настроение сменилось напряжённым ожиданием неизвестности. К утру густой снег загасил костёр, от которого шёл только слабый дымок. В целях экономии оставшихся спичек я не стал разжигать его снова, намереваясь согреться во время движения.

Ландшафт изменился. Несмотря на то, что часто попадались поваленные деревья, это не шло ни в какое сравнение с тем буреломом, в котором я оказался в первые дни пути. Если раньше я шел, молча и тихо, то сейчас я наоборот стараюсь как можно больше шуметь. Я разговариваю сам с собою, подбадриваю и ругаюсь. Кричу на «хозяина» тайги, который запустил свой лес, через который невозможно пройти. Пою песни, бубню под нос армейские марши. Даже от того, что я просто говорю сам с собою, на душе становится веселее. Во второй половине дня я увидел впереди себя просвет и вскоре вышел на опушку леса. Я уже давно научился определять разницу между участками леса и болотом. Сейчас я стоял на берегу огромного болота. Наверное, в летние месяцы эти участки представляли собой непроходимые топи, но сейчас, когда земля замёрзла, передвигаться по ним было несравнимо легче, чем по лесу. Низкорослые кустарники и одиноко стоящие деревья позволяют на таких участках значительно повысить скорость передвижения. Кроме того, появилась возможность разглядеть окружающее пространство на пятьдесят, а то и на сто метров вокруг.

...И тут я увидел их. Сначала я увидел одного, потом из-за куста появился второй, а за ним и третий волк. Они идут на приличном от меня расстоянии и, как собаки, ловко перепрыгивали через высокие снежные сугробы. Первоначально мне даже показалось, что я их абсолютно не интересую, но, заметив, что я остановился, они моментально легли на брюхо и исчезли из поля зрения.

«А может, их не три, а больше?» – подумал я. Хотя это, по сути, уже ничего не меняет. Неважно, сколько их, а важно то, что они есть, и они идут за мной по пятам. Для того, чтобы быть готовым во всеоружии, я зарядил ракетницу и взял наизготовку топор в левую руку. В том, что наша схватка произойдёт рано или поздно, сомневаться не приходится. Используя возможность двигаться по открытой местности быстрее, я максимально ускорил темп передвижения. Волки ближе двухсот метров пока не подходят, но с сегодняшнего дня они уже не прячутся. Если я поворачиваюсь посмотреть, что творится за моей спиной, то они останавливаются и замирают, словно играют со мной в детскую игру. Но стоит мне сделать хоть один только шаг, как движение возобновляется. Такой стиль нашего движения продолжался до самого вечера. Когда до наступления темноты оставалось не более часа, я начал присматривать для ночлега подходящее дерево. Но здесь, посреди болота, меня окружают только молодые берёзки, которые мне ничем помочь не могут. Надо идти дальше и не терять надежду, что когда-нибудь это болото закончится. Когда уже почти стемнело, впереди себя я увидел тёмную полосу леса. Оборачиваясь всё чаще и чаще, я заметил, что расстояние между мной и моими преследователями сократилось до пятидесяти метров, и тогда я выстрелил в их сторону из ракетницы. Яркая красная вспышка вылетевшего заряда сделала своё дело. Звери бросились врассыпную от того места, где крутился и шипел огненный шар горячей ракеты. И эта пауза помогла мне преодолеть последние метры до опушки леса и взобраться на первую попавшуюся ель. Поднявшись на спасительную высоту, я сквозь мрак наступающей ночи увидел, что волки подошли к дереву и улеглись на ночёвку у самого ствола, показывая всем своим видом, что они оттуда уже никуда не уйдут...

День двадцать первый

...Сегодня ночью я не сомкнул глаз. Положение безвыходное. Я понимаю, что меня загнали в западню, из которой мне уже не выбраться. Глупо осознавать, что силы человека не безграничны, и всему есть свой предел. Сколько я смогу здесь продержаться, известно лишь одному Богу.

Десять минут назад сквозь мохнатые еловые лапы я увидел на взгорке, в трёхстах метрах от себя ещё одного волка. Он внимательно смотрит в нашу сторону. Мои преследователи внизу заволновались и заскулили.

Волк поднял голову вверх и призывно завыл. Через пять минут рядом с ним я насчитал ещё семь особей. Все они возбуждены и пытаются уловить запах, но ветер дует в противоположенную сторону. Визуально они нас пока не видят. Смеею предположить, что мы зашли на территорию, которую контролирует другая стая.

Сейчас они начали цепью спускаться с пригорка, окружая опушку леса. Внизу послышалось жалкое скуление. С левой стороны идёт вожак, он на голову выше своих сородичей. Да он просто огромен, я ещё никогда не видел такого огромного волка.

Мои преследователи сначала завыли, потом зарычали и, оцетинившись, вышли из-под еловых лап на открытое пространство, тем самым показывая, что они готовы к битве. Одни готовы драться за свою территорию, другие не хотят упускать свой трофей, каковым для них являюсь я. Встав на расстоянии пяти метров друг от друга, волки начали морщить свои морды в устрашающих гримасах, всем своим видом показывая, кто тут хозяин. Потом в дело пошли волчьи лапы с выпущенными когтями, которые так и норовили зацепить противника. И когда все прелюдии драки были соблюдены, начался волчий бой, который окропил стерильно белый снег пятнами алой крови. Стало сразу ясно, что схватка идет не на жизнь, а на смерть. И сейчас, почуяв запах первой крови, звери с удвоенной силой набросились друг на друга. После того как одному из волков поранили бедро, подранок побежал в сторону леса, и часть стаи побежала преследовать его. Два других упорно сопротивлялись, но было видно, что сегодня не их день. Прошло ещё немного времени и стало ясно, что чаша весов в этой схватке склонится в сторону местных. Сидя в своём убежище, я многого не видел, но по рычанию, визгу и скулению животных понял, что битва смещается в сторону болота, с которого я пришёл вчера. И в этот момент я решил на спасительный побег. Не раздумывая, я разрубил топором верёвку, которой был привязан к стволу, и скатился, как куль, к подножью дерева. В том месте, где я вчера воткнул в снег лыжи, торчали только их обломки. Поэтому, не раздумывая, я со всех ног побежал в сторону виднеющегося просвета между деревьями, лелея надежду, что в пылу борьбы хищники забыли о моём существовании.

Внезапно лес кончился, и я на всей скорости выбежал на край обрыва не то реки, не то озера. От такой неожиданности я замахал руками, пытаюсь удержать равновесие, но, не справившись с центробежной силой, полетел кубарем вниз и через пару секунд лежал внизу возле самой кромки льда. От удара головой меня тошнило и качало из стороны в сторону, но, внутренний голос кричал мне: «Беги, Алексей! Беги изо всех сил и со всей мочи!!! Спасайся!!!» Подбадриваемый этими словами, я, как пьяный, побежал заплетающимися ногами на противоположную сторону водоёма. Когда до берега оставались считанные метры, я услышал позади себя пронзительный вой. В том месте обрыва, с которого я только что свалился, стоял вожак с окровавленной пастью, смотрящий на меня немигающими жёлтыми глазами убийцы. Понимая всю безысходность моего положения и то, что мне некуда больше деваться, я развернулся и стал ждать, что будет дальше.

А в это время вожак с тремя сородичами в несколько прыжков добрался до подножья обрыва и вышел на лёд. Оценив расстояние до меня, он, как опытный охотник, начал не спеша

приближаться ко мне. Сначала его движения были вялы, но через несколько шагов он перешёл на бег, и скорость его с каждым шагом стала увеличиваться. Свита старалась не отставать от своего предводителя, делала жалкие попытки угнаться за ним. Между тем расстояние между нами стремительно сокращалось. Как только волки попали в зону поражения ракетницы, я нажал на спусковой крючок, и ярко-красная ракета устремилась к своей цели. В тот момент, когда поражение цели было почти неизбежным, могучее и хитрое животное в грациозном прыжке уклонилось от столкновения и продолжило свой бег, не сводя глаз со своей жертвы. Отступая и судорожно засовывая последний патрон в ствол ракетницы, я почувствовал, как под моими ногами затрещал и начал ломаться лёд. Через мгновение, не удержав равновесия, я начал падать на спину, отчего моя правая рука непроизвольно дёрнулась, и указательный палец нажал на спусковой крючок. В тот момент, когда моё тело почти коснулось льда, я увидел высоко над собой яркую точку разорвавшейся ракеты, символизирующую окончание моих страданий. От удара лёд треснул, и я провалился в образовавшуюся полынь. Инстинктивно схватившись за кромку льда, я почувствовал удар по голове, когда в полынь на полном ходу, как шары в кегельбане, стали влетать мои преследователи. Барахтаясь в ограниченном пространстве чистой воды, вожак не прекращал попытки вцепиться в меня зубами. Трое других пытались предпринять попытку выбраться из полыни, но лёд продолжал ломаться и крошиться, и они, как беспомощные щенки, начали со страха скулить. Пока моя куртка ещё не намочила, я плавал среди животных, как поплавок, и всаживал свой охотничий нож в звериную плоть по самую рукоятку, отчего вода окрасилась цветом алой крови. В воде у меня было преимущество, и я старался использовать его по полной. Когда звери обессилели от кровопотери, я начал заталкивать их под лёд, сначала одного, затем второго, третьего, и через несколько минут, когда силы мои были на исходе, я затолкал туда последнего, вожака, который всё-таки умудрился вцепиться в моё левое плечо. Развернувшись в сторону берега, до которого оставалось не более десяти метров, я из последних сил стал грудью ломать прибрежный лёд, чувствуя первые признаки гипотермии. И если бы в тот момент мои ноги не коснулись дна, я бы, наверное, утонул. Сделав последний шаг вперёд, я, обессиленный, упал лицом в снег. В это время из-за облаков выглянуло солнце и заиграло всеми цветами радуги на осколках льда, лежащего перед моими глазами. Начинаясь день обещал быть чудесным и тёплым, и мне так не хотелось в тот момент умирать!

Через минуту моё сознание затуманилось, и в последний момент, прежде чем отключился мой мозг, я почувствовал, как кто-то лизнул мою руку.

Часть вторая Карпиха

Глава 1. Воскрешение

Не знаю, сколько прошло времени и применимо ли вообще такое понятие, как «время», к тому месту, в котором я пребывал. По моим ощущениям мне казалось, что я бывал здесь уже не раз, и мне до боли знакомо это состояние, в котором я находился. Я чувствовал себя легко и свободно. Сила тяжести отсутствовала, и я парил. Парил в нескончаемом потоке приятных ощущений, словно это была несравнимая ни с чем музыка, написанная любовью и нежным чувством заботы обо мне. Наверное, так мы чувствуем себя в раннем детстве, когда нас на руках качает мать. Отовсюду струилась любовь, которую можно было ощущать физически в виде постоянно накатывающих волн, которые поднимали и опускали мою невесомую оболочку в такт переливам лучистого света, появляющегося из ниоткуда и уплывающего в никуда. Затем, словно из дымки, начали материализоваться образы близких для меня, но умерших людей: жены, дочери, отца с матерью, деда с бабушкой, родителей Татьяны, а также тех, кого я знал, но они уже отошли в мир иной. Они подходили ко мне, гладили меня по голове, что-то говорили, но я не слышал их голоса и только мило им улыбался. Побыв немного со мной, они начинали таять, словно это была голограмма. Потом картина изменилась, и я оказался в белом саду, в котором все деревья были белого цвета. В этом саду ко мне навстречу вышел высокий старик с абсолютно белыми длинными волосами, который прикрыл мне глаза своей ладонью, сказав при этом: «Твоё время ещё не пришло!». И наступила темнота.

* * *

... Я лежал на чём-то тёплом и мягком. Приятный запах какой-то до боли знакомой травы щекотал окончания моих нервных рецепторов в носу, заставляя включиться в работу головной мозг. Слева от меня сквозь небольшое окно пробивался с улицы свет, а справа висела цветастая ситцевая занавеска, скрывающая от моего взора остальную часть помещения. Пошевелив руками и ногами, я понял, что конечности мои целы, нет никаких переломов и увечий. Перед глазами продолжала стоять жуткая картина с бегущими на меня волками, «купание» в полынье и моя попытка выбраться на берег. Где я, кто тот таинственный незнакомец, который спас меня от неминуемой гибели? Я негромко кашлянул, чтобы привлечь к себе внимание, но никто не отозвался на моё шевеление. В доме было тихо, слышно было только, как потрескивают в печи дрова. Продолжая обследовать место своего пребывания, я удостоверился в том, что лежу на холщовой простыне, абсолютно голый, прикрытый сверху меховым одеялом без пододеяльника. Подушка была набита какими-то травами, потому что издавала приятный запах наподобие мяты. Решив дождаться хозяев на своём ложе, я закрыл глаза и незаметно для себя задремал. Через какое-то время послышался лай собаки, открылась входная дверь, кто-то постучал ногами об пол, стряхивая снег, затем скрипнула дверь, ведущая из сеней в комнату, и вошедший человек начал укладывать принесённые дрова возле печки. Я кашлянул, и через несколько секунд занавеска открылась, и моему взору предстал маленький старичок ростом не более полутора метров. На его лице светились невероятно добрые и ласковые глаза.

– Слава Богу! Слава Богу! – запричитал он, осеняя меня крестным знаменем. – Ожил мой соколик, ожил, а я-то всё жду и жду, когда ты проснёшься. Который день всё спишь и спишь. Видно, намаялся сильно, пока шёл.

Он говорил быстро, почти скороговоркой и сильно окал.

– Как величать вас изволите, добрый молодец?

– Алексеем кличут меня, – в его же манере ответил я.

– А откуда ты, Алексей, идёшь и куда путь держишь? – не унимался дедок, забрасывая меня всё новыми и новыми вопросами.

Потом спохватился, взмахнул руками и запричитал.

– Что же это я, бестолочь такая, пристал к человеку со своими расспросами? Ты, мил человек, встать-то можешь, не болит ли чего у тебя? – и голову немного склонил набок, ожидая моего ответа.

– Да вроде бы всё в порядке со мной, – ответил я, садясь на кровать. – Только бы мне одежду какую-нибудь, если можно.

Дед побежал в угол, и через минуту положил на мои колени моё выстиранное нижнее бельё, поверх которого аккуратно лежали носки.

– Чудная у тебя одежонка, Алексей, я сроду такой не видывал. Ты, чай, наверное, городской? – с интересом спросил дед. – Как там сейчас люди в городе живут?

Не ответив деду на его последний вопрос, которые сыпались из него как из рога изобилия, я спросил его:

– А как же мне, дедушка, вас величать и к вам обращаться?

– Ой, ой, да, и вправду, совсем старый стал, не представился тебе, забыл, заболтался. Зовут меня Архипом, по батюшке Захарович. Но ты зови меня просто дед Архип.

И как-то грустно посмотрев себе под ноги, будто вспомнив что-то из своей прошлой жизни, задумчиво произнёс:

– Давно уже никто по отчеству не величает, – и, опомнившись от забытья, продолжил в своей привычной манере. – Ну, ты тут одевайся, а я побегу на стол накрывать. Вид у тебя неважный, совсем изголодался, одна кожа да кости торчат, – и, как ракета, умчался в сени.

Среди принесённой одежды я нашёл парусиновые штаны и рубаху. Одежда явно принадлежала Архипу, поскольку штаны доходили мне всего лишь до колен, а рукава рубахи заканчивались на уровне локтей. Перед кроватью, на самотканом коврикe я увидел приготовленные для меня, самые что ни на есть натуральные лапти. Надев их на босу ногу, я начал переминаясь с ноги на ногу, привыкая к новой обуви. В этот момент в комнату из сеней забежал Архип и, увидев меня в таком виде, с улыбкой на лице произнёс:

– Какой же ты, Алексей, большой и красивый!

Это, надо было полагать, был комплимент в мой адрес.

Центральным местом интерьера внутреннего убранства избы был большой дубовый стол, возле которого стояло несколько крепких лавок. Слева от стола располагалась большая русская печь, а в противоположенном, левом углу виднелся небольшой иконостас с горящей лампадой. Пока я осматривался по сторонам, Архип достал из печи ухватом дымящийся чугунок, после чего начал накрывать на стол. Поставил самодельную посуду с соленьями, берёзовый кузовок с клюквой и глиняный кувшин с какой-то настойкой, которая завершила картину натюрморта. Накинув мне на плечи овчинный тулуп, дед легонько подтолкнул меня к столу.

– Подходи, не стесняйся, отведай, мил человек, что Бог нам послал.

Меня посадил по правую руку от себя, а сам сел во главу стола. Видно, на этом месте он сидел всегда, когда трапезничал. Перед тем, как приступить к еде, Архип прикрыл глаза и начал читать негромко молитву, после чего осенил себя крестом, а я последовал его примеру.

Наверное, так было заведено в этом доме, но во время еды мы не говорили. В чугунке была приготовлена какая-то овощная каша, абсолютно несолёная и немного сладковатая на вкус. Ели деревянными ложками прямо из чугунка, добавляя к ней клюкву из кузовка. Это придавало еде своеобразное и необычное вкусовое ощущение. Я черпал ложкой кашу и краем

глаза продолжал изучать хозяина дома. Я подумал, что ему, наверное, далеко за восемьдесят, но в тоже время у него были все зубы, и сидел он ровно, не сутулясь. Кто этот человек, что это за место и как он меня нашёл? Эти вопросы, как пчёлы, роились у меня в голове, и, как бы отвечая на них, дед Архип негромко произнёс:

– Ты, Алёша, ешь, ешь, мы с тобой потом обо всём поговорим.

Когда трапеза была закончена, убрано со стола, и дед, сходяв на двор, покормил остатками обеда собаку, мы уселись на лавки за столом друг напротив друга. Интуитивно я почувствовал, что в облике деда Архипа произошли какие-то неуловимые изменения.

– Ну, рассказывай теперь, Алексей, каким ветром тебя занесло в эти края? Почему в одиночку по тайге ходишь? Небезопасное это дело, – ласково, почти по-отечески начал меня расспрашивать старичок.

Посидев с минуту, собравшись с мыслями, я начал свой рассказ. Когда я начал рассказывать про свой род, глаза у Архипа расширились, не перебивая меня, он трижды перекрестился, проговаривая тихонько «Свят! Свят! Свят!», и я увидел, что по его щекам потекли слёзы. Он сидел, слушал и плакал. Слёзы катились по его дряблым щекам и падали на стол, а он даже не пытался их вытирать. Я был растроган таким чутким вниманием с его стороны и продолжил своё повествование о том, что произошло со мной в Москве, о смерти моих близких родственников, о том, как я добирался до Ухты и как встретился с Балашовым, и о том, как он мне помог с вертолётom. Как меня выгружали на Ямозере, об урагане и об обнаруженной избушке, и о своём переходе через тайгу. Закончил я свой рассказ встречей с волками и битвой в польньe.

– Вот и вся моя история, – подытожил я её окончание. – Больше я ничего не помню.

За окном уже начало смеркаться. Дед Архип, сходил к печке, принёс оттуда горящую самодельную восковую свечу. Её слабый огонёк начал медленно разгораться, освещая и наполняя комнату запахом дикого мёда.

– Ох, Алёша, ну и разбередил же ты старые раны. Неспроста всё это, ох, неспроста, – прокряхтел он и перекрестился. – Хватит на сегодня разговоров, сейчас чайку попьём и спать будем ложиться.

Чай пили заваренный на земляничных листьях. Он был необыкновенно душистый и ароматный. Зачерпывая ложкой мёд из берёзовой кадушки, мы наслаждались приятным вкусом цветочного напитка. Архип по старинке наливал чай в блюдце, дул на него, причмокивая, и по лицу его было видно, что он очень доволен. На мои вопросы, что это за место и где я оказался, он уклончиво ответил:

– Утро вечера мудренее, завтра, завтра всё узнаешь, а сейчас давай спать ложиться.

Уложив меня в постель и укрыв ещё одним меховым одеялом, Архип потушил свечу и, кряхтя, полез на печь. Через какое-то время оттуда послышалось старческое сопение. На дворе несколько раз незлобно залаяла собака, оповещая округу, что здесь постороннему делать нечего, а ещё через несколько минут я начал засыпать.

Ночью я проснулся от того, что кто-то негромко говорил в комнате. Откинув занавеску, я увидел в слабом свете лампы стоящего на коленях перед образами, усердно молящегося Архипа. Он непрерывно бил земные поклоны и благодарил Господа за то, что он услышал его молитвы и послал к нему Алексея. Закрыв занавеску, я ещё долго слышал его тихий голос, но сила сна взяла надо мною верх, и я крепко уснул в надежде на то, что следующее утро многое прояснит.

* * *

Утро началось необычно. Занавеска откинулась, и перед моим взором предстал с загадочным видом улыбающийся Архип. Сделав шаг в сторону, он указал мне на лавку за своей спиной, на которой аккуратной стопкой лежала вся моя одежда, включая ватные штаны, и

куртка с меховым капюшоном. От такой неожиданности я вскочил, обнял Архипа, поднял его высоко, почти до потолка, и сделал несколько пируэтов вокруг себя.

– Что ты, что ты, Алёша, – запричитал дед, заливаясь, как ребёнок, жизнерадостным смехом. – А ну, поставь старика на землю, а то всю душу из меня вытрясешь, – незлобно пытался воспротивиться он. – Ну, хватит, хватит. Разве можно ж так обращаться со старым человеком? Ты же мне чуть все кости не переломал, мне ведь не двадцать лет, и не девица я, чтобы меня на руках носить, – продолжал он наигранно возмущаться, но по всему было видно, что ему приятна такая моя реакция на случившееся.

– Давай, одевай свою одежку, и пойдём скорее есть. А то у нас с тобой сегодня дел невпроворот.

После завтрака мы вышли во двор, и я в первый раз увидел свою новую обитель. Посредине двора стоял почерневший от времени добротный сруб, сложенный из массивных столетних брёвен. Сквозь занесённую снегом камышовую крышу пробивалась дымящаяся кирпичная труба. Окна и крыльцо были отделаны великолепными резными наличниками, некрашеными и потемневшими от времени. Перед входом размещался очищенный от снега двор, по которому бегала большая лайка. Справа и слева от дома стояли два длинных амбара или сарая. Впереди виднелись большие дубовые ворота с калиткой и характерным навесом. От ворот вправо и влево уходил двухметровый частокол из струганных брёвен, а за калиткой росли две ровненькие берёзки. Во всём чувствовалась основательность и порядок. Если бы такое хозяйство я увидел в Подмоскovie, то подумал бы первым делом, что владельцем такого зажиточного «поместья» является как минимум бизнесмен средней руки.

Краем глаза я увидел, как Архип следит за моей реакцией и ждёт от меня какого-нибудь комментария.

– Вау! Вот это да! – произнёс я с чувством.

В этом не было ни грамма иронии, а только искреннее удивление увиденным. Дед Архип стоял подле меня, переминаясь смущённо с одной ноги на другую, и я подумал, ведь это он сделал не ради того, чтобы произвести на меня впечатление, как обычно делают в городе, для показухи, а такой порядок был здесь и до меня. Интересно, кто ещё живёт в этой деревне и помогает ему по хозяйству? Что-то вчера я больше никого не видел и не слышал. Да и Архип никого не называл и не приглашал вчера к себе в гости. «Ладно, – подумал я, – сегодня всё прояснится».

Архип пошёл к воротам, жестом приглашая меня следовать за ним. Собака, виляя хвостом, ласково тёрлась о валенки пожилого человека. Остановившись у калитки, Архип открыл большой накидной крючок и предложил мне выйти за ворота первым. Калитка без скрипа отворилась, и я ступил за границу забора. Передо мной открылся вид на поляну, по которой была протоптана тропинка к видневшемуся впереди замёрзшему водоёму. Собака стремглав побежала по дорожке, но дед Архип крикнул:

– Тайга! Назад! – и собака, повинувшись воле хозяина, покорно вернулась на своё место и села у его ног.

Обернувшись вокруг, я обнаружил, что никакой деревни здесь нет и в помине, а одиноко стоящий дом со всех сторон окружает вековой лес.

– Вот, Алексей, полюбуйся, это всё, что осталось от Карпихи. Что, не ожидал увидеть здесь такого? – тихонько поинтересовался он. – Думал, найти тут целую деревню с людьми? А видишь, как на самом деле всё обстоит. Один я тут живу, один. Уже много лет как один. Если бы не Тайга, то я бы и тебя вчера не увидел. Спасибо ей, услышала, залаяла, вытасила меня, старого, с печи. Я как из сеней вышел, чтобы на неё прикрикнуть, так и увидел в небе красную ракету. Пока одевался и лыжи правил, она вся на лай изошлась. Как вышли за ворота, так она меня сразу потянула вон к тому мыску, – и Архип пальцем показал в левую сторону, где в километре от нас виднелся береговой выступ.

– Я за ней по целине побежал. Подбегаю к тому месту, смотрю, а там ты лежишь, половина тебя в воде, а половина на берегу. Тайга тебе лицо начала лизать, значит, думаю, живой ещё. А одежонка твоя уже коркой ледяной начала покрываться. Я тебя раздел, укутал в своё, Тайгу на грудь положил, чтобы согревала, а сам в исподнем домой побежал за санями. Потом, когда вернулся, еле-еле тебя на сани переложил. Ох, и тяжёлый же ты, Алексей. Запряг Тайгу спереди, сам сзади подталкивал, так мы до дома и добрались. Там, где ты провалился под лёд, единственное место на всём озере, где родники на дне бьют. Там всю зиму лёд тонкий и некрепкий. И если бы ты не свалился в воду и не выпустил свою ракету, то не увиделись бы мы с тобой, и не стоял бы ты сейчас здесь подле меня.

Архип снял шапку и три раза перекрестился. Я же стоял подле него, не сводя глаз с того места, где он нашёл меня.

Вернувшись в дом и подбросив в печь дрова, мы уселись за стол, чтобы продолжить наш прерванный вчерашний разговор. Историю своей удивительной жизни дед Архип рассказывал мне на протяжении последующих нескольких дней. Я старался не перебивать его, а ему, наверное, того только и надо было.

Часть третья Ленинград

Глава 1. Исповедь Архипа

– Родился я здесь, в Карпихе, аккурат на Медовый Спас, четырнадцатого августа тысяча девятьсот двадцатого года. Родился слабым, недоношенным. Моя мать, Анастасия Филиповна, умерла на третий день после моего рождения, а отец, Захар Кузьмич, от горя такого чуть на себя руки не наложил. Невзлюбил он меня с первых дней моей жизни и ни разу к моей колыбели так и не подошёл. Видя такое отношение к младенцу, бабка Марья, незамужняя сестра моей матери, выкрала меня из дома отца и от греха подальше увезла из Карпихи. Поселились мы с ней в деревне Тереховка, что в двухстах вёрстах отсюда, где она знахарством занималась и меня растила. Когда мне годков пять стукнуло, бабка Марья поведала, что остался я круглым сиротой. Фамилию мне она свою дала – Кулагина, – а отчество отцовское, Захарович. С малолетства она приучала меня к лекарскому ремеслу. А когда я стал чуток постарше, так и к другим чудесам, которые она могла творить. Я, хоть росточком был не велик, но голову имел светлую и всю бабкину науку одолел. А потом у меня стало получаться даже лучше, чем у неё. Придумаю что-нибудь этакое и бегу к бабке показывать. А она только крестится и причитает, чтобы я на людях этого не показывал. Разные странности со мной происходили тогда по малолетству. То я во сне стал выходить из дома и гулять по окрестностям, то стал предугадывать неприятности, которые с человеком случиться должны в скором времени, и ещё многое другое. Сейчас уже всё и не вспомнишь. Но самым страшным испытанием для меня было то, что стал я видеть души покойников. Тех, кто по разным причинам остались не упокоенными. Бабка меня в церковь водила неоднократно, молитвы с попом читали надо мной, всё хотели снять с меня эти бесовские наваждения, однако ничем мне это не помогло.

Неспокойные были тогда времена. Пока в ближайших сёлах фельдшера не было, все ходили лечиться к бабке, а когда приехал в нашу деревню молодой доктор, то он бабку Марью невзлюбил. Народ к нему не ходит, а идёт по старинке к нам на двор. Но, а ты сам знаешь, что испокон веков на Руси люди в деревне с лекарями за лечение продуктами рассчитывались. Поэтому мы с бабкой никогда не голодали. Заело это молодого доктора, он и написал в район какую-то бумагу. Через месяц приехали милиционеры и забрали бабку в город. Меня почему-то не тронули. Через день, как бабку Марью увезли, я ночью тихонечко заколотил окна и двери нашей избы и отправился вслед за ней в город – вызволять её. Шёл мне тогда шестнадцатый годок. За плечами у меня было четыре класса образования да бабкина академия. В городе я никогда не был, да и электрического света даже не видел. Паровоз в первый раз увидел, когда до станции добрался. В котомке у меня были хлеб и сало, а денег ни копейки. А как оказалось, за билет надо было платить только деньгами. Делать нечего, поменял я всю свою еду на билет на поезд, который шёл до Вологды. А туда ли отвезли мою бабку или нет, и не знаю даже. Но сел в поезд и поехал. Все принимали меня за оборванца или беспризорника, поэтому так и норовили толкнуть или пнуть. В общем, оказался я в вагоне на третьей полке, на которой безвылазно просидел трое суток. На вокзале меня сразу в оборот взяли милиционеры. Мол, откуда и куда я еду, кто таков, и до выяснения моей личности посадили в кутузку. Мой единственный документ, справку о рождении, тоже забрали. К вечеру в камеру ко мне подсадили троих уголовников. Я же в своей деревне сроду не видывал раньше таких людей. Уж и унижали они меня, и били, а когда снасильничать захотели, тут-то я и не выдержал. Хоть и давал я бабке Марье слово, что на людях своё умение показывать не буду, но тут, думаю, не тот случай, если не я, то они меня точно убьют. Выждал я момент, встал перед ними, поднял руку и говорю:

– Смотрите сюда, на мою ладонь, – а сам опускаю её медленно вниз.

Смотрю, они замерли и не шелохнутся. Я подхожу к самому главному из них, смотрю в глаза и говорю ему:

– Сейчас будешь бить своих напарников и защищать меня, а меня видеть не будешь.

Как я сказал, так всё и произошло. Начали они драться между собой. Вскоре дверь в камеру отворилась, вбежали милиционеры, стали их разнимать, а я тем временем выскочил из камеры и закрыл их на ключ, который они в дверях оставили. И со всех ног бросился прочь из участка. Выскочил на перрон, смотрю, поезд товарный отходит от станции, и я, не раздумывая, запрыгнул в первый попавшейся вагон и в угол забился. Там, отсидевшись и привыкнув к темноте, понял, что вагон пустой. В углу лежала небольшая охапка сена, на которой я и устроился. Поезд с многочисленными остановками шёл трое суток, и к вечеру третьего дня остановился на какой-то большой станции. Решив дождаться утра, я мирно и безмятежно уснул, а среди ночи боковая дверь открылась, и кто-то осветил нутро вагона фонариком. Внезапно луч света остановился на мне, и мальчишеский голос удивлённо произнёс:

– А это что за чувырла? А ну, каналья, вылезай!

Прикрывая глаза от яркого света, я попытался встать на ноги, но в тот же миг был кем-то бесцеремонно взят за шиворот и препровождён из вагона на улицу, где меня окружила стая подростков. Старший из них подошёл блатной походкой, презрительно плюнул на землю и, подставив финку мне под ребро, стал расспрашивать, кто я такой и почему нахожусь в вагоне. Рассказав, как на духу все мои мытарства, включая побег из кутузки, я попросил этих ребят помочь мне найти мою бабу. Раздался взрыв хохота, и я почувствовал, что финку убрали от живота. Серый, так звали старшего парня, распорядился, чтобы какой-то Вовчик отвёл меня к ним на «хазу».

И в тот же миг из толпы выскочил шустрый рыжий пацан, который, толкнув меня в спину, приказал следовать за ним. Всю дорогу шли молча, не разговаривая. Только на мой вопрос, что это за город, Вовчик озлоблено процедил сквозь зубы, что я попал в Ленинград. Долго мы плутали по улицам и переулкам, пока не подошли к пятиэтажному дому на окраине города. Здесь в небольшом полуподвале и было то место, которое ребята называли – «хаза». А через несколько часов туда же пришли и остальные. Как потом выяснилось, все эти ребята были детьми репрессированных. Здесь были дети военных, учёных, артистов, инженеров, чьих родителей арестовали, а многих к тому времени уже или расстреляли, или сослали в лагеря. Не всегда детей забирали сразу с родителями. Иногда было так, что квартиру опечатывали, а ребёнок оказывался на улице без средств к существованию. И никому до него не было дела. Друзья и знакомые родителей отворачивались от такого ребёнка, и он зачастую был предоставлен сам себе. Вот из таких-то детей Серый и сколотил свою банду. По ночам они рыскали по сортировочным станциям и воровали продовольствие из товарных вагонов. Часть продуктов оставляли себе на пропитание, а всё остальное Серый сбывал через знакомых уголовников и барыг. Таким образом они существовала уже три года. Самовольный уход из банды карался самым жестоким образом, вплоть до убийства. Никто и никогда здесь не называл друг другу своего настоящего имени и фамилии. Все, как собаки, носили только клички. Вот и мне с лёгкой руки Серого сразу дали кличку «Недоносок». Надо сказать, что ребята в основном были из интеллигентных семей и не злобные по своей натуре. Поэтому по отношению к себе я не чувствовал с их стороны ни злобы, ни ненависти. А чтобы я своим деревенским видом не привлекал внимания прохожих, меня в первый же день переодели и переобули. Надев в первый раз в своей жизни настоящие, пусть и старые, ботинки, я не мог ими налюбоваться и ходил целый день с радостной улыбкой на лице.

Глава 2. В банде «Серого»

Уже два месяца ребятам не фартило. Продукты с прошлого ограбления были съедены, и теперь банда жила впроголодь, так сказать, на подсосе. Но дело было даже не в том, что на станции усилили охрану, а в том, что им просто катастрофически не везло. Вот и сегодня, чтобы не думать о еде, все дружно отсыпались, лёжа на каменном полу среди грязного и вонючего тряпья. И только я, получив свои ботинки, сидел довольный в углу подвала, прислушиваясь к звукам незнакомого мне города.

Ближе к одиннадцати часам ночи ребята стали организованными небольшими группами выдвигаться в направлении станции. Там Серый показал нам прибывшие за день товарняки, и мы, как стая шакалов, пошли вдоль вагонов. Подойдя наугад к выбранному вагону, ребята начали срывать пломбу, когда я, проведя ладонью по его дверям, сказал:

– За этими дверями стоят деревянные ящики с железными деталями, и там нет ничего съестного.

– Кого вы слушаете? – раздался чей-то шёпот. – Сейчас эта деревня начнёт нам диктовать, что вскрывать, а что нет.

На говорящего все зашушукали, а Серый, взяв меня за грудки, зло прошипел:

– Ещё одно слово, Недоносок, и ты получишь перо в бок, – и презрительно плюнул мне на ботинки.

Когда через несколько минут вагон был вскрыт, и мои слова подтвердились, он внимательно посмотрел на меня и злобно сказал:

– Давай, пацан, найди то, что нам надо, и ты получишь хороший куш.

Затем поднял сжатую в кулак руку, показывая этим жестом, чтобы все заткнулись, и коротко приказал:

– Ищи!

Я шёл вдоль состава, проводя ладонью по шершавой поверхности вагонов, и негромко вслух говорил моим новым товарищам, что находится там внутри...

– Здесь, какая-то мебель, шкафы, столы, стулья, – говорил я, подходя к очередному вагону. – За этими дверями упакованная в коробки посуда, чашки, кувшины, в этом бумага, в этом опять железо. И только в пятом или шестом составе я нашёл то, что они искали. Подойдя к указанному вагону, я постучал по нему ладонью и негромко сказал:

– Здесь тушёнка.

– Смотри, пацан, – прошептал Серый и поднёс к моему лицу кулак. – Если это не так, то недолго тебе осталось жить, – и тихо скомандовал, чтобы начали вскрывать вагон.

Скоро из его чрева послышались удивлённые возгласы:

– Он и вправду не ошибся, тут тушёнки под самый потолок. Налетай, разбирай!

И серая масса изголодавшихся подростков, как муравьи, полезли в чрево вагона, каждый за своей долей. Перед вагоном остались только я и Серый. Он внимательно смотрел на меня и курил в кулак папиросу:

– А ты, деревня, совсем не такой простак, каким прикидываешься. Я сначала даже не поверил во всё это, думал, ты блефуешь и хочешь сделать ноги. Смотри, ежели будешь делать всё так, как я скажу, то будешь жить у меня как у Христа за пазухой. А нет, пеняй на себя, у меня с такими, как ты, разговор короткий, второй раз повторять не буду.

...Вот так я попал в славный город Ленинград. Взяли меня там крепко в оборот. Каждую ночь мы ходили на станции и каждую ночь с моей помощью находили вагоны с продовольствием. Но, как говорится, аппетит приходит во время еды. Кто-то, а может быть, даже и

сам Серый, растрепался обо мне, и где-то месяца через три он повёз меня показывать своему пахану.

В первый раз я ехал на трамвае и в первый раз видел Ленинград не в свете уличных фонарей по дороге на станцию, а ярким солнечным днём во всём его великолепии и красоте. Ехали долго. Наконец Серый толкнул меня, и мы пошли к выходу. Не дожидаясь остановки, мы выпрыгнули на ходу и бегом устремились в ближайшую подворотню. Там Серый остановился, закурил и начал перевязывать шнурок на ботинке, одновременно озираясь по сторонам, проверяя, есть ли за нами хвост. Убедившись, что хвоста нет, мы пошли проходными дворами и вскоре зашли в подъезд большого старинного дома, где поднялись по широкой мраморной лестнице на третий этаж. Серый почтительно снял кепку и условным стуком постучал в квартиру под № 9. Дверь открылась почти мгновенно, как будто нас там уже ждали, и вскоре я предстал перед очами пожилого мужчины, одетого в домашний атласный халат.

– Вот это и есть тот самый пацан, про которого я вам рассказывал, – заискивающе представил меня Серый. – Благодаря его способностям мы теперь точно знаем, что нам надо вскрывать. Это с виду он под дурака косит, а на самом деле он даже очень непростой «фрукт», – подытожил он.

Хозяин квартиры несколько раз обошёл вокруг, внимательно рассматривая меня с головы до ног, после чего неприятным скрипучим голосом произнёс:

– Молодой человек, как это у вас получается? Или это какой-то фокус?

– Да нет никакого фокуса. Просто я вижу, что лежит в вагоне, и говорю им, – я, указал на Серого.

– А скажите, юноша, не могли бы вы продемонстрировать свои способности прямо здесь и сейчас? Я был бы вам очень признателен, – скептически усмехнулся мужчина, хищно прищурив левый глаз.

– Мне это совсем нетрудно, – с готовностью согласился я. – Скажите только, что надо сделать.

Старик обвёл взглядом комнату, обдумывая своё задание, а когда придумал, огласил его вслух.

– Вот, например, ответьте мне, есть ли в этой комнате деньги? Вы можете ходить по комнате, прикасаться ко всему, но открывать ничего нельзя. И скажите, сколько вам для этого потребуется времени?

– Собственно говоря, времени мне для этого много не надо, а вот пройтись по комнате не мешало бы.

После того, как я совершил по комнате круг, я остановился напротив него и спросил:

– Мне говорить всё, что я увидел, или только про бумажные деньги?

– Ха-ха-ха, – засмеялся он. – Конечно же, говорите всё, в противном случае это будет нечестно по отношению ко мне и ко всем присутствующим, – он жестом показал на Серого и женщину, которая открывала нам дверь. – Ведь я тогда не смогу по достоинству оценить ваш талант, юноша. Приступайте! – и он повелительно махнул рукой.

Подойдя к буфету, я приложил ладонь к стеклу и начал вещать:

– На верхней полке, вот в этой посудине, – я показал пальцем на сахарницу, – лежит червонец.

Продвигаясь по комнате против часовой стрелки, я остановился напротив большой картины.

– А за этой картиной ящик металлический в стене, а в нём денег много. Вот сколько, – и я показал ладонями величину стопки.

Смотрю, а выражение лица у хозяина квартиры изменилось. Ну, думаю, гад, получай по полной, раз сказал, что мне надо всё говорить. Закончив круг, я подошёл к круглому столу, стоящему на середине комнаты.

– Здесь, правда, лежат не деньги, но в этой ножке, вот в этом самом месте, – я пальцем постучал по столешнице, – выдолблено отверстие, а в нём лежат белые прозрачные камушки.

Мужчина аж позеленел, смотрит на меня исподлобья колючим взглядом, желваки на челюстях так и ходят, так и ходят. Тогда я решил окончательно добить его, и говорю:

– А вот тут, – и начинаю нагибаться под стол.

– Хватит! Хватит! – истерично прокричал он. – Вы более чем убедили меня, молодой человек. Даже больше того – просто поразили. Это же надо, такой молодой и такой талантливый. Да вам цены нет. Вы хоть сами понимаете, кто вы есть? – и он бросился меня обнимать.

Но так, наверное, обнимает свою жертву змея перед тем, как её съесть. Было это мерзко, омерзительно и противно. В каждой ноте его голоса слышалась фальшь. Когда он обнимал меня, я почувствовал все его низменные желания по отношению ко мне, его надежды и чаяния в использовании моих способностей для своего обогащения, и ещё я почувствовал, что он серьёзно болен. Болезнь находится в самом зачаточном состоянии, но спасения от этой болезни у него нет.

Немного успокоившись, он усадил меня на стул и обратился ко мне наигранно-ласковым голосом.

– Давайте, молодой человек, теперь познакомимся с вами поближе. Меня зовут Булькин Самуил Маркович, а вас?

– Меня Архипом, – скромно представился я.

– Вот что, Архип, я тут подумал и решил, что ты на какое-то время останешься в этом доме. А потом я решу, что мне с тобой делать. А ты, Серый, ступай, ступай, голубчик. Потом, после мы с тобой обсудим наши дела. Не до тебя сейчас.

Было видно, что Серый обиделся, но, при всей своей несдержанности, в этот раз он сдержался и вслух ничего не сказал. Сняв с вешалки кепку, он вышел из квартиры и тихо прикрыл за собой дверь.

– Лизонька, – проворковал Самуил Маркович, обращаясь к женщине, – собери нам, голубушка, на стол обед, а то что-то я проголодался.

Когда Лизонька вышла на кухню, Булькин, погружённый в свои размышления, не обращая никакого внимания на меня, стал «нарезать» по комнате круги. Я же сидел на стуле, болтал ногами и с интересом разглядывал висевшую напротив меня картину с незамысловатым морским пейзажем. Когда старик, совершая очередной круг, зашёл ко мне за спину, он набросился на меня со словами:

– Сволочь! Мразь! – шипел он, обхватив своими костлявыми пальцами мою шею. – Решили ограбить старика! Разыграли тут передо мной целый спектакль, думали, что я клюну на эту туфту! Вот тебе! Вот! – и он всей массой тела навалился на меня.

Однако, не рассчитав свои силы, он через минуту громко охнул и начал сползать на пол. На этот шум в комнату вбежала Лиза. Увидев, что Булькину стало плохо с сердцем, она бросилась к нему на помощь. Я же в это время, как рыба, хватал ртом воздух и надрывно кашлял. Видя, что лицо пахана приобрело угрожающе красный цвет, а губы стали синюшными, я начал отползать в прихожую поближе к входной двери. И как только из комнаты послышалось рыдание женщины, я стремглав выскочил из этой проклятой квартиры на улицу.

* * *

Долго я потом скитался неприкаянный по городу. Голодал, спал в подворотнях и на лавках в парках, но, ни за какие коврижки не хотел возвращаться назад, в банду Серого. Не знаю, сколько бы ещё продолжались мои скитания, если бы на моём жизненном пути не встретился Чистяков Вениамин Карлович. И эта встреча коренным образом изменила всю мою последующую жизнь.

Подобрав на улице, он привёл меня к себе в квартиру на Среднем проспекте. Было ему в ту пору лет под пятьдесят. Работал он рядовым инженером-механиком на тракторном заводе, которому отдал более пятнадцати лет своей жизни. Когда-то был женат, но после смерти жены на других смотреть перестал и всё своё свободное время уделял своим любимым занятиям, минералогии и живописи. Был знатоком в этом деле. Сходу мог сделать экспертное заключение о картине, к какой школе живописцев относится то или иное полотно, даже мог назвать цену картины на европейском рынке в валюте. Его знали все местные коллекционеры и прислушивались к его мнению. Конечно же, никакой личной коллекции картин и камней у него не было, но зато у него было невероятное чутьё на всякого рода ценности, чем он безмерно гордился. Был он своего рода самородком в этой области, и ему бы работать где-нибудь в музее на благо науки и искусства, ан нет, он продолжал работать скромным рядовым инженером.

Когда он привёл меня в свой дом, обогрел и накормил, я был так благодарен ему, что сходу рассказал обо всех своих похождениях. Он первоначально не поверил ни одному моему слову, но когда я начал предьявлять ему, то одно, то другое доказательство, он был полностью обескуражен и поражён. Вот с этого момента, как я понял потом, всё и началось.

Глава 3. Чистяков

Первоначально меня надо было как-то легализовать. И это Чистяков сделал блестяще, в присущей ему утончённой манере. На следующий день он принёс мне справку о рождении, как две капли похожую на ту, что забрали у меня в Вологде, а через несколько дней я был уже обладателем самого что ни на есть настоящего паспорта с пропиской. И всё это ему удалось сделать легко и быстро. Как он говорил мне тогда, для него это сделали люди, которые были ему многим обязаны. Далее он привёл меня на завод и устроил учеником токаря в опытно-конструкторском бюро, в котором трудился сам. Надо сказать, что контролировал он меня безмерно и никуда одного не отпускал. С ребятами дружить запрещал, говорил, что, мол, у этой городской молодёжи одни лишь танцуйки в голове, а он сделает из меня настоящего советского человека. Заставлял много читать. При этом книги, которые он мне давал, были систематизированы, то есть подобраны таким образом, чтобы, прочтя одну книгу, я, опираясь на полученные знания, мог без труда понять следующую. Все книги, которые я читал, были изданы ещё до революции, на некоторых стояли экслибрисы знаменитейших петербургских фамилий. По мере чтения этой литературы я понял, что моё умение угадывать или видеть предметы сквозь стены относится к категории белой и чёрной магии. А поняв это, я взглянул на мир совершенно другими глазами. Помимо всего прочего, Чистяков уделял много внимания моему самообразованию в области гипноза и восточной медитации. Читая книги этой тематики, я понял, что многими этими техниками я уже владею и использую их в своей повседневной жизни. Только я не знал раньше, что погружение человека в сон или в состояние оцепенения называется по-научному гипнозом.

Отдельные, непонятные для меня, фрагменты книг Чистяков очень подробно разъяснял, не считаясь со временем. Потом просил повторить, убеждаясь, что я понял материал именно так, как он мне его преподносил. Естественно, об этих наших занятиях не знала ни одна живая душа. По выходным он вытаскивал меня в музеи и там, как опытный экскурсовод, рассказывал о картинах и ювелирных изделиях, представленных в музейных коллекциях. По мере посещения музеев я начал понимать, чего, собственно, хочет от меня Чистяков. А хотел он, чтобы я при посещении дворцов и музеев своим рентгеновским зрением искал в стенах тайники или скрытые от глаз замурованные помещения. Кроме того, он поставил передо мной задачу, чтобы я на расстоянии научился определять подлинность представленных на выставках картин и икон. Первоначально и очень долго у меня ничего не получалось, но по мере многократных тренировок я уловил эту тонкую нить мистицизма, позволяющую мне отличить под-

линники от подделок. В подлиннике присутствовала частичка души её создателя, отчего произведение светилось для меня золотистым цветом, а копии были всего лишь мёртвыми чёрно-белыми «фотографиями» оригиналов. При этом, чтобы сделать такое заключение, мне уже не требовалось даже близко подходить к произведению, а достаточно было посмотреть на него с расстояния в десять шагов. Аналогичная картина произошла со мной, когда я начал заниматься исследованием драгоценных камней. Все натуральные камни для меня излучали тепло. Самыми «горячими» камнями были рубины. И чем больше был камень, тем сильнее был его жар. Бриллианты вызывали в моих руках лёгкое холодное покалывание, как будто под руками находился проводник, по которому течёт электрический ток. А вот изумруды ощущались мной как «липкий» камень. Как будто бы их нарочно вымазали сахарным сиропом. С металлами, такими как золото или серебро, было ещё проще. Они просто, как магнит, притягивали мои руки. Если сила притяжения была большая, то это однозначно было золото, а если слабая, то серебро. От моих успехов у Чистякова захватывало дух, и он, потирая ладони, говорил, что нас в скором будущем ждут великие дела. Какие это будут дела, он не уточнял и моментально переводил разговор на другую тему.

Шли годы, и в тридцать восьмом году мне исполнилось восемнадцать лет, и я вместе с другими призывниками переступил порог военкомата. Знаешь, тогда молодёжь искренне грезила авиацией, танками, восхищалась победами Красной армии на Халхин-Голе и в Маньчжурии. И я тоже был подвержен этому массовому порыву и хотел продолжить свою учёбу в танковом училище. Но военный комиссар вынес мне приговор, что из-за моего роста я признан не годным к службе в рядах Красной армии и что свои подвиги я впредь смогу совершать только на трудовом фронте. Не знаю, было ли вмешательство в этот вердикт Чистякова, но мне дали от ворот поворот.

Переживал я тогда сильно. У меня было такое чувство, будто меня признали дефективным, а ведь на самом деле это было не так. Я был здоров и крепок. За всё время моего нахождения в Ленинграде я ни разу не болел, у меня даже насморка никогда не было. Да и тяготило меня с годами опеку со стороны Чистякова. А он наоборот ещё пуше прежнего вцепился в меня. Теперь под его руководством я изучал не только литературу по искусству, но и настоящую чёрную магию. Однажды он принёс в чемодане огромный фолиант, написанный на неизвестном для меня языке. Обложка книги была выполнена из кожи тёмно-коричневого цвета с великолепным тиснением. Страницы книги пожелтели из-за давности веков и несли на своих листах тайну истории. Чтобы я мог заниматься по этой книге, Чистяков нашёл для меня «репетиторшу». По внешнему виду она напоминала самую настоящую горбатую ведьму. Приходила она к нам ежедневно в восемь часов вечера. Одета была всегда в старую штопанную-перештопанную кофту, которой, наверное, было не меньше лет, чем её хозяйке. Нос у неё был огромный и загнутый вниз, как крючок. Несмотря на свой почтенный возраст, очки она принципиально не носила и видела лучше другого зрячего. В манере разговора прослеживались нотки её бывшего образования и солидного общественного положения. Чистякова она всегда называла только Вениамин Карлович, а он её – голубушка Софья Павловна. И было видно по ним, что они знают друг друга не первый год, и связывает их далеко не поверхностное знакомство. Со мной первоначально она вела себя очень высокомерно. Но по мере того, как она узнавала о моих способностях всё больше и больше, характер обращения ко мне в корне поменялся. И под конец наших занятий она меня чуть ли не боготворила.

А занимались мы с ней по этой книге по четыре часа ежедневно. Она читала, а я должен был за ней повторять и все запоминать. Помимо этого, я должен был помнить наизусть все пиктограммы к тому или иному заклинанию, а также произносить заклинания на латыни безо всякого там вологодского говора.

Через три года мы с Софьей Павловной закончили свои занятия, и в честь такого события Чистяков организовал для нас званый ужин. Помню, что старуху он тогда побаловал деликатесами, сладостями и фруктами. Откуда он это всё доставал, одному Богу известно, но на немые вопросительные взгляды как мои, так и старухи, он говорил:

– Мир не без добрых людей! Надо просто знать, к кому обращаться, и с какой стороны подойти к нужному человеку.

В тот вечер, чтобы я не мешал их дружеской беседе, они разрешили мне прогуляться по городу. Вечер выдался на удивление тёплым и приятным. Я шёл не спеша по Среднему проспекту в направлении морского порта и слушал через открытые окна домов звуки музыки, издаваемые радио и патефонами. Навстречу мне попадались ряды выпускников школ, идущих широкими шеренгами в сторону Дворцовой набережной смотреть на разводку мостов, а я, как неприкаянный, шёл, наоборот, в противоположенную сторону, как будто бы сама моя жизнь текла в другом направлении.

В ту ночь мне опять приснилась моя бабка Марья. Пришла она ко мне во сне, села подле меня и плачет. Я ей говорю:

– Что же ты, бабушка Марья, плачешь? Видишь, каким я стал взрослым.

А она слёзы краешком платочка вытирает и так жалобно и ласково смотрит на меня и говорит:

– Скоро, Архипушка, горе лютое придёт. Мучения великие будут. Страдать будешь много от несправедливости. Крест нательный береги, он тебя спасать будет. Всё, чему я тебя учила, и всё, что ты сам умеешь творить, твори только для доброго дела, во благо и для спасения людей.

Потом встала, перекрестила меня, повернулась и растаяла в воздухе. Я тогда сразу проснулся. Вся нательная рубашка моя мокрая от пота. Сижу и не пойму, сон был это или явь. Столько лет не снилась, а тут пришла, как живая. Перекрестился я и тихонечко молитву начал читать за упокой её грешной души. И чую, крест мой нательный горячим стал, как будто он из чистого золота сделан, а не из меди. Взял я его в кулак, чтобы грудь не обжигал, забрался под одеяло, трижды перекрестился, поминая бабку Марью, и скоро уснул.

А наутро сбылось пророчество бабки Марьи, горе лютое пришло, – война началась.

Глава 4. Война

Первые дни войны я помню плохо. На душе было очень беспокойно. Люди метались по магазинам, обсуждали на каждом перекрёстке всевозможные слухи, а меня просто физически тянуло в военкомат. Но военком мне опять сказал, что не изготовили ещё такой винтовки, чтобы она была меньше моего роста, и что война скоро закончится. В райкоме комсомола, где записывали в ряды ополчения, мне тоже дали от ворот поворот. Сказали, мол, иди, мальчик, отсюда, не мешай людям работать. Подрастёшь, вот тогда и приходи.

Чистякова призвали на третий день войны. Видно, не хватило у него в этот раз связей, чтобы отмазаться от армии. Но когда я увидел его в военной форме в звании капитана артиллерии, я подумал, что напрасно возводил на него напраслину. Вон какой он теперь видный и бравый офицер. Он идёт защищать нашу страну, нашу Родину. И я был горд за него и за себя. Внешний вид и походка у него изменились до неузнаваемости. Мне показалось, что он всегда носил эту славно подогнанную под него форму и не был никогда тем заштатным инженером-механиком, каким я его знал на протяжении последних пяти лет.

Перед нашим прощанием он наказал мне:

– Ты, Архип, дурью не майся, по военкоматам и там всяким сборным пунктам не ходи и на фронт не просись. Всё равно тебя на войну не возьмут. Вот увидишь, война долго не продлится и скоро закончится. Ты лучше квартиру береги и на заводе работай усерднее, чтобы к тебе претензий не было. А я, как вернусь, так сразу тебя найду. Помнишь, что я тебе говорил? Нас ждут с тобой впереди большие дела? Вот то-то же. Всё, бывай.

Сказал, как отрезал, и стремительно вышел из квартиры, даже не обняв меня. А мне почему-то от этого стало грустно-грустно. Я стоял и смотрел на только что закрывшуюся передо мной дверь, и по моим щекам текли слёзы.

* * *

То, что мир уже никогда не будет прежним, мы поняли в первый день войны, после того, как Левитан зачитал сообщение правительства о нападении Германии.

Что тут говорить? Конечно же, вся наша жизнь изменилась в одночасье. Многие из нашего цеха ушли на фронт, а вместо них за станки встали вчерашние школьники. Меня назначили мастером-наставником над этой молодёжью, и начал я их учить, как вытачивать корпуса снарядов. И хотя я сам был старше их на два-три года, обращались они ко мне по имени отчеству – Архип Захарович. Много их поменялось у меня в ту блокадную зиму. Одни уходили на фронт, вместо них приходили другие. Часто бывало так, что людей не хватало, и мы месяцами не уходили из цеха, работая по шестнадцать-восемнадцать часов каждый день. В самый тяжёлый период блокады, зимой с сорок первого на сорок второй год, мои подопечные умирали от истощения и голода по несколько человек в месяц. Тогда в мои обязанности входило узнавать, что произошло с тем или иным моим работником, почему он не пришёл на работу. А что там узнавать, если я и так знал, что они умерли? Но, тем не менее, после работы я отправлялся пешком по адресам, где жили мои подопечные, с целью выяснения причины их отсутствия на заводе. Порядки были такие...

И чего только я тогда не насмотрелся. Прихожу, например, я по адресу, а дома по указанному адресу нет. На его месте зияет огромная воронка от прямого попадания бомбы, и все жильцы погибли в этой общей могиле. Или иду по другому адресу, а там вся семья моего подопечного умерла от голода, и он их на саночках отвозил на кладбище. Чувство голода преследовало всех без исключения. Те, кто работал и получал «усиленный» паёк, сэкономили на своём питании, чтобы отнести его своим родным и близким. Одинокие, как, например, я, делились своим хлебом с этими детьми, стоящими за станками и выполняющими за смену далеко не детские производственные нормы. Голод витал в сознании людей, и мысли были только о еде и хлебе. С этими мыслями люди ложились спать и с этими же мыслями просыпались. Мы думали, что голодает весь город, но в действительности были ещё сволочи, которые не испытывали его, а паразитировали и наживались на этом.

Случилось это в самый канун Нового, сорок второго, года. Пошёл я тогда после смены по одному адресу, по которому жил мой ученик, Серёжа Климов, который не вышел в тот день на смену. Уж кто-кто, а Климов был очень ответственным парнем, и на него это было совсем не похоже. Так вот, иду я, а меня самого с голодухи качает из стороны в сторону, будто пьяного. Мороз стоял такой, что телогрейка особо и не согревала, поэтому, чтобы немного согреться и спрятаться от пронизывающего ветра, я на своём пути периодически заходил то в один, то в другой подъезд. Зайдя в очередной такой подъезд и постояв там несколько минут, я уже был готов отправиться дальше, когда на втором этаже открылась дверь, и я стал невольным свидетелем разговора двух мужчин.

– Да, и ещё, – проговорил сиплым голосом первый. – Серый велел передать, что в следующий раз товар будет в четверг. Поэтому оплату приготовь заранее, чтобы я тут не ждал, как сегодня.

– Вы что, думаете, у меня тут продовольственный склад, – огрызнулся скрипучим голосом хозяин квартиры, – и я храню продукты у себя под кроватью? А вдруг вы не придёте в четверг, что тогда? Так что передай своему Серому, пусть не выкобенивается, а слушает старших. Всё. Иди, – приказным тоном скомандовал он.

Дверь со скрипом закрылась. Посетитель ещё немного постоял на площадке и грузной походкой начал спускаться вниз. Чтобы не столкнуться с ним, я тихонько по стеночке отступил в темноту и спрятался под лестничным маршем. Дождавшись момента, когда мужчина выйдет из подъезда, я через несколько секунд последовал за ним. На улице по-прежнему мела метель, дул сильный ветер, и хотя улица хорошо просматривалась в обе стороны, вышедшего из подъезда мужчины уже нигде не было. Он как сквозь землю провалился. Я же, потоптавшись на месте, отправился дальше разыскивать своего Серёжку.

Придя по адресу Климовых, я постучал в дверь квартиры, на которой висела медная табличка с надписью «Академик Климов П. Г.», но мне никто не ответил. На эти звуки из соседней квартиры вышла шатающаяся от голода женщина, закутанная с головы до ног в одеяло.

– Вам чего надо, молодой человек, что вы тут стучите?

– Здравствуйте. Не подскажете, как мне найти Серёжу Климова? Видите ли, я пришёл с завода, на котором он работает. Сегодня он не пришёл на смену, и мне надо срочно его найти.

– Я видела Серёжу вчера, – ответила женщина, – примерно в это же самое время. Мы встретились с ним на лестнице, он поднимался, а я спускалась. Я ещё тогда поинтересовалась у него о здоровье Веры Николаевны, его мамы, а то я уже два дня как не видела её. Он поздоровался со мной, сказал, что мама жива и здорова, а он забежал на минутку поговорить с ней и хочет вернуться до темноты на завод.

– Скажите, а можно как-то попасть в их квартиру? Может, у кого-то из соседей есть запасной ключ?

– Нет-нет. У соседей запасных ключей нет, я это точно знаю, но он может быть у нашего дворника, Савелия, который живёт на первом этаже.

Я спустился на первый этаж, где после долгого и настойчивого стука в дверь ко мне вышел совсем обессиленный пожилой человек, он же дворник Савелий. Выслушав мою просьбу, он согласился подняться и открыть квартиру Климовых.

Когда Савелий вставил запасной ключ в замочную скважину и немного надавил на дверь, то она неожиданно открылась сама. Оказалось, что квартира была не заперта, а только плотно прикрыта. Когда мы заглянули внутрь, то увидели в прихожей лежащую в лужи замёрзшей крови женщину, в которой соседка опознала хозяйку квартиры, Веру Николаевну, а дальше по коридору лежал Серёжа, у которого из груди в области сердца торчал нож. Видя, что дело принимает дурной оборот, сторож отправил меня за милицией, а сам остался с соседкой охранять место преступления. Пока я привёл участкового, прошло не меньше часа. Участковый, старший лейтенант Гаврилов, записав меня и Савелия понятыми, приступил к осмотру.

В квартире Климовых царил полный беспорядок. Все вещи были разбросаны, посуда разбита, одеяла и подушки испорчены, отчего по всей квартире летал белый пух. Пока милиционер составлял протокол, я с его разрешения прошёл по комнатам, но, к моему сожалению, я не смог разглядеть события разыгравшейся здесь трагедии. Наверное, из-за истощения организма и промозглого холода все мои способности отключились, как отключается радио, когда нет электричества. Пообещав себе вернуться сюда ещё раз, чтобы во всём разобраться, я с разрешения Гаврилова отправился обратно на завод.

Только в конце февраля сорок второго года, когда за счёт «дороги жизни» снабжение города немного улучшилось, и на заводе стали выдавать хлеба по шестьсот грамм, я смог вернуться в квартиру Климовых. К тому времени и соседка, и сторож Савелий уже умерли. Квартира Климовых была не закрыта на ключ, но была опечатана. Сорвав никому не нужную печать, я вошёл внутрь. В ней всё было без изменений, как и тогда, накануне Нового года. Все тот же белый пух на полу и вещах и всё тот же леденящий холод. Сдвинув круглый стол с центра комнаты в сторону, и освободив от пуха её центральную часть, я нарисовал на полу заранее приготовленным для этих целей кусочком мела замысловатую пиктограмму. Затем, встав в центр круга, я прочитал заклинание, закрыл глаза и стал ждать того божественного момента, после которого в сознании, как на фотобумаге, должна была проявиться картина произошедших событий. Долго-долго я ничего не видел, кроме густой темноты, но постепенно мрак стал отступать, и сквозь туман времени я увидел картину разыгравшейся трагедии.

«...Слышится стук в дверь. Женщина поднимается с кровати, медленно подходит к двери. Отпирает её ключом. Врываются двое мужчин и одна женщина. Один хватается за женщину сзади и ладонью закрывает ей рот. Второй бьёт ножом в сердце. Нож поворачивается на пол-оборота. Тело убитой кладут на пол. У них есть план квартиры. Ищут металлическую коробку с драгоценностями. Коробка спрятана в тайнике предыдущими жильцами. Климовы не имеют к этому никакого отношения. Ищут долго, простукивают стены и пол, ничего найти не могут. Злые. Ругаются между собой, матерятся. Стук в дверь. Открывают и затаскивают в квартиру Сергея. Бьют его ногами. Он говорит, что ничего не знает о тайнике. Женщина приказывает убить подростка. Нож вонзает ему прямо в сердце, он умирает». И в этот момент я понимаю, что Сергей сказал бандитам неправду. Он знал про тайник.

...Я отматываю время назад. И вижу: вот он находит коробку в вентиляционной отдушине на кухне, рассматривает найденные драгоценности, берёт какое-то кольцо и идёт менять его на хлеб. Здесь он попадает в поле зрения бандитов, и они «пасут» его до самой квартиры.

Надо полагать, что в тот день Серёжа Климов собирался преподнести своей матери новогодний подарок, поэтому и пошёл после смены домой, чтобы обменять ещё одно украшение на хлеб. Но бандиты уже ждали его в квартире, и финал этой истории был мне известен.

Пройдя на кухню, я без труда нашёл место, где лежала коробка с драгоценностями. Правда, отдушина находилась под самым потолком, и туда надо было ещё как-то добраться. Для моего роста это была целая проблема. Пришлось гордиться из подручных средств целую горку. Коробка была завернута в промасленную бумагу и перевязана верёвкой. Когда я её открыл, то пространство кухни наполнилось радугой света, которую излучали драгоценные камни. Это было завораживающее зрелище. Коробка, как магнит, притягивала к себе, обжигала руки своей лучистой энергией и порождала в моём сознании видения и облики бывших владельцев этих сокровищ.

Выйдя через какое-то время из оцепенения, я обнаружил, что просидел на этой кухне не меньше часа, и что мне надо срочно возвращаться назад. Коробку я решил отдать по дороге в милицию.

Я брёл по пустынной улице и чувствовал приятное согревающее тепло у себя на груди. Потом сквозь туман своих мыслей я увидел, как будут развиваться события в милиции, когда я туда приду. Как я буду врать, что нашёл эту коробку на улице, и, естественно, мне никто не поверит. А если я скажу, что я забрал её из квартиры недавно убитого товарища, которая к тому же была опечатана, то меня осудят за мародёрство, и по закону военного времени меньше чем через час расстреляют. Вот так я шёл и думал, что же мне делать. До милиции оставалось всё меньше и меньше метров, а я так и не принял окончательного решения. Поравнявшись со входом в отделение, я на секунду остановился, и в этот момент из открывшейся двери вышел

старший лейтенант, который составлял тогда протокол убийства Климовых. Встретившись со мной взглядом, он узнал меня.

– Ну, что, живой ещё, пацан? Ничего, скоро будет полегче, – затем слегка похлопал меня по плечу и пошёл в противоположенную сторону, туда, откуда я только что пришёл.

А я, потоптавшись на месте пару секунд, продолжил свой путь на завод. Про себя я решил, что сохраню эти драгоценности у себя, а при первом же удобном случае подброшу коробку в милицию...

Глава 5. Возвращение Чистякова

В первых числах марта меня прямо из цеха вызвали на заводскую проходную. Ещё за несколько метров до неё я увидел стоящего за забором Чистякова в шинели с майорскими нашивками, живого и невредимого. Внешний вид его был не чета нашему. Мы тут все доходягами стали, а у него наоборот даже лицо округлилось, видно, неплохо его в армии кормят. Увидев меня, он замахал руками, и я прибавил шаг. Мы крепко обнялись, и снова, как в прошлый раз, на моих глазах навернулись слёзы. Хоть и не были мы родными, но ближе этого человека у меня никого сейчас не было.

– Ну, что ты плачешь, Архип? Видишь, как и обещал, я вернулся, – он пристально посмотрел мне в глаза. – Я же всегда выполняю свои обещания. Ты же должен был догадаться, что я приеду, сегодня, или что-то не так? – и он ещё более внимательно заглянул в мои глаза. – Вижу я, что ты тут совсем дошёл до ручки, худющий, как скелет. Иди в цех и отпросись с работы, но обо мне никому не слова, я потом тебе всё объясню.

Позже, когда мы уже шли по заснеженным улицам к нашему дому, он спросил меня, в каком состоянии находится квартира. А мне ему и ответить нечего. Я там не появлялся с середины октября и даже не знаю, стоит ли вообще на месте наш дом или разбомблен, как многие дома в городе.

– Я же тебе строго-настрого говорил, чтобы ты за квартирой присматривал, а ты что, всё забыл? – бранил он меня.

– А вы думаете, что мне так легко было ходить каждый день с Кировского на Васильевский и обратно? Полгорода умерло от голода, а у вас мысли только о своей квартире. Что-то я вас не пойму, Вениамин Карлович? – в свою очередь стал напирать на него я.

И действительно, за то время, что он меня не видел, я сильно изменился. Война всех нас изменила. Теперь я был не тем забитым деревенским пареньком, которым он привык управлять, а взрослым самостоятельным мужчиной, который не покладая сил ковал вместе с другими победу в тылу.

На эту мою реплику Чистяков не сказал ни слова, а только зыркнул своими глазищами на меня, как на врага народа, и прибавил шаг. Когда мы по льду Невы подходили к стрелке Васильевского острова, завывали сирены, объявлявшие о начале очередного авианалёта. Мы бегом устремились к ближайшему бомбоубежищу, у входа которого уже выстроилась порядочная очередь из тех, кто ходил за водой. Пока мы спустились в убежище, пока нашли место, где пристроиться, послышались первые взрывы. Сидевшая напротив нас пожилая женщина после каждого взрыва крестилась и шёпотом молилась, не обращая на нас никакого внимания. Согревшись среди тесно сидящих людей, я незаметно для себя уснул и проснулся от того, что кто-то трясёт меня за плечо. Открыв глаза, я увидел перед собой военный патруль, который проверял у всех документы. Подав начальнику патруля свои документы, я краем глаз увидел, как сильно нервничает Чистяков. Однако проверку он прошёл успешно, и вскоре мы поднялись наверх. Кое-где были видны следы пожаров, а в воздухе стоял запах гари.

Почти половина домов на Васильевском острове, да, впрочем, как и во всём Ленинграде, были разрушены. Но люди каким-то образом научились жить и выживать в этих нечеловече-

ских условиях. И как только закончилась бомбёжка, народ снова потянулся с саночками за водой к реке. Мы же, перебираясь через завалы разрушенных домов, продолжили свой путь. А дом наш стоял на своём месте как ни в чем не бывало, хотя все близстоящие дома были или разрушены, или частично повреждены. Не встретив никого из соседей, мы поднялись на площадку третьего этажа. Ключ, вставленный в замочную скважину, легко повернулся, дверь со скрипом открылась, и мы увидели, что вся квартира занесена снегом. Глазницы окон зияли пустотой, все стёкла были выбиты взрывной волной, а по комнатам гулял ветер. Однако это нисколько не смутило Чистякова, он как будто даже не заметил отсутствия окон и снег на полу, а сразу прошёл в свою комнату, в которой провёл минут пять. Когда он оттуда вышел, по его лицу можно было догадаться, что он нашёл там то, ради чего мы тащились сюда через весь город.

– Садись, Архип, – сказал Чистяков, ставя передо мной стул, – я тебе сейчас всё объясню. Раньше не хотел об этом говорить, пока не убедился, что вот это, – он указал пальцем на квадратный свёрток, – находится в целости и сохранности. Это из-за него я тогда тебе говорил, чтобы ты присматривал за квартирой. Знаешь, что находится в этом свёртке? – он внимательно посмотрел мне в глаза, ожидая моего ответа.

А я, как кролик, который не может сопротивляться силе хищника, положил свою руку на свёрток и механически проговорил:

– Здесь находятся рукопись и какие-то чертежи.

– Правильно, мой юный друг, только что-то ты так долго думал? – он с прищуром глаз впился в меня. – Что это, отсутствие тренировки или результат длительного голодания? – задал он вопрос непонятно, к кому обращённый. И уже как бы делая вывод для самого себя, продолжил: – Я думаю, что в этом повинно как первое, так и второе. Надо будет срочно заняться тобой и восстановить всё, что ты умел делать пред войной. Самое главное, что я нашёл тебя живого и невредимого.

Он даже как-то повеселел от своих слов, и было видно, что теперь он находится в приподнятом настроении.

– Так вот, Архипушка, – он впервые так ласково назвал меня, – нам предстоит выполнить большую и важную работу. Видишь ли, в связи с тем, что война пошла не так, как мы ожидали, а приняла затяжной характер, есть большая вероятность того, что рано или поздно нам придётся сдать город немцам. Поэтому правительство Советского Союза поручило мне и группе товарищей провести работу по изъятию ценностей из тайников города, спрятанных ещё до Октябрьской революции буржуями, капиталистами и прочей сволочью. Для этого меня и отправили с передовой в Ленинград, наделив особыми полномочиями, и с этого момента ты поступаешь в моё полное распоряжение. В этом свёртке находятся списки высокопоставленных чиновников царской России, проживавших в Петрограде до октября семнадцатого года. Здесь же лежат чертежи их квартир, в которых они проживали, и, конечно же, у меня есть ты со своим уникальным даром. Ну а после окончания операции я переправлю тебя на «большую землю», где ты сможешь, если, конечно, захочешь, пойти учиться на танкиста. Как тебе, Архип, такие перспективы? Только учти! Операция эта секретная, о ней и о том, кто в ней участвует, не должен знать никто. Даже если при каких-то обстоятельствах ты попадёшь в руки милиции или военной контрразведки, ты всё равно должен молчать. Даже под страхом смерти. Понял?

Я мотнул головой в знак того, что всё понял, но моего молчаливого согласия для Чистякова было недостаточно. Он достал лист бумаги и заставил меня написать расписку, что я добровольно и без принуждения поступаю в его полное подчинение, с указанием даты, фамилии и подписи. Когда с бумагами было покончено, я без задней мысли рассказал Чистякову о коробке с драгоценностями, которую нашёл в квартире Климовых, а также о том, что я хотел отнести её в милицию, но в последний момент испугался последствий. По мере своего повествования я не упустил случая рассказать и о том странном разговоре, который я случайно подслушал

в подъезде. И о своих предположениях, что голос одного из говорящих напоминал мне голос воровского авторитета Булькина, которого я считал умершим.

Выслушав меня, Вениамин Карлович похвалил моё усердие в поиске коробки с драгоценностями, однако он посчитал, что такая самодеятельность могла закончиться для меня трагическими последствиями. И наказал впредь согласовывать каждый свой шаг с ним. Перед выходом из квартиры мы условились, что отсюда я уйду на завод и забираю там все свои вещи, вплоть до последнего клочка бумаги. Встретиться мы договорились в шесть часов вечера у Казанского собора.

Глава 6. Подземелье

Только идя по льду Невы, я почувствовал, как тяжело даются мне сегодня эти длительные переходы из одного района в другой. Сделав на работе всё именно так, как мне велел Чистяков, я с коробкой Климовых отправился на место встречи.

Пока шёл к центру города, объявили ещё одну воздушную тревогу, и мне пришлось полтора часа просидеть в бомбоубежище. Время «свидания» давно миновало, но, скорее из чувства собственной пунктуальности, нежели от желания, я все-таки пошёл к месту встречи со слабой надеждой найти там Чистякова.

Из-за маскировки Казанский собор было не узнать. Перед ним в заснеженном сквере размещалась зенитная батарея, защищающая центральную часть города. Испокон веков этот сквер был излюбленным местом встречи влюблённых, а сейчас здесь назначали встречи те, кто приезжал в город с передовой.

Чистякова я увидел ещё издали, когда шёл вдоль канала. Он помахал рукой и быстрым шагом направился мне навстречу. Увидев моё измученное и уставшее лицо, он не стал задавать никаких вопросов, а только попросил, чтобы я как можно быстрее следовал за ним.

Перейдя Невский проспект, мы через два квартала повернули на Инженерную улицу и через несколько минут подошли к Михайловскому театру. Там у двери с табличкой «Подъезд № 3» Чистяков постучал условным стуком, дверь бесшумно открылась, и я шагнул в темноту... Чьи-то сильные и крепкие руки прижали меня к стене, обыскали с головы до ног и вытащили из-за пазухи коробку. Следом за нами в подъезд проскочила ещё одна тень, которая сообщила, что никакой слежки за мною нет. И только после этого справа от меня зажётся фонарик, луч света которого упёрся мне в лицо, и незнакомый голос приказал следовать за ним. Поплутав по подвальным коридорам театра, мы оказались в помещении, в котором на боковой каменной плите был изображён масонский символ в виде циркуля с угольником и буквой «G» в середине. Человек, шедший впереди нашей процессии, что-то поколдовал с кирпичной кладкой, после чего стена начала отодвигаться в сторону, освобождая проход к крутой лестнице с овальным сводом. После того как наша процессия спустилась под землю, кто-то, следующий за Чистяковым, вернул потайную дверь в исходное положение, тем самым отрезав нас от внешнего мира. Пройдя по подземному коридору ещё метров сто, мы переступили порог большого помещения, о чём свидетельствовал гулкий звук наших шагов. И в это время под потолком зажглась слабая электрическая лампочка, которая позволила осмотреться вокруг. Старинные полукруглые своды опирались на шесть колон, стоящих по периметру зала. Потолок и колонны были отштукатурены и отделаны лепными украшениями в стиле барокко, на стенах висели старинные свечные подсвечники.

Кроме нас с Чистяковым, в помещении находились ещё два человека. Они были похожи друг на друга как две капли воды. Близнецы, – догадался я. Они стояли по стойке «смирно» напротив Чистякова, заложив руки за спину и расставив ноги на ширину плеч, как будто ожи-

дая от него приказа. На них были надеты армейские комбинезоны, застёгнутые на все пуговицы, без знаков различия, на ногах короткие сапоги, на головах шапки со звёздочками. Меня они игнорировали и даже не смотрели в мою сторону.

Чистяков подозвал меня к себе и представил своим помощникам.

– Вот это и есть наш объект «Х», как мы называли его до сегодняшнего дня. Прошу вас любить и жаловать его, и пусть вас не смущает его невзрачный внешний вид. Его сила заключается в его уникальном таланте знать и видеть то, что не дано простым смертным. Поэтому мы должны всемерно оберегать и защищать его, даже ценой своей жизни.

Чистяков ходил перед близнецами, периодически показывая на меня пальцем.

– Вы его будете звать товарищ Иванов, – Вениамин Карлович, предугадав мой вопрос, сделал повелительный жест ладонью в мою сторону, чтобы я оставался на месте и молчал.

А сам продолжил говорить в своей нравоучительной манере.

– Я приказываю вам под страхом смерти не задавать товарищу Иванову никаких вопросов, кроме вопросов, связанных с нашей операцией. Её мы должны провести в самые сжатые сроки, не более, чем за один месяц. И теперь, когда товарищ Иванов уже вместе с нами, мы переходим к выполнению заключительной части нашего задания. Вопросы есть? Вопросов нет. А теперь, агент Белый, – Чистяков обратился к близнецу справа от себя, – проведите нашего гостя в его комнату и ознакомьте с условиями проживания, а вы, агент Альбинос, приготовьте для нас ужин, а то наш подопечный еле стоит на ногах.

Чистяков подошёл ко мне, по-отцовски положил руку на моё плечо и еле слышно прошептал:

– Не задавай никаких вопросов, просто так надо. Я скоро тебе всё объясню, – и легонько подтолкнул меня в сторону Белого.

Помимо зала, куда мы первоначально попали, было ещё пять небольших комнат. Нельзя сказать, что помещения были обжиты, но здесь было сухо и сравнительно тепло. Комнаты освещались слабыми электрическими лампочками от аккумуляторной батареи, и это в замерзающем городе выглядело настоящим чудом. Мне выделили отдельную небольшую комнату, которую легче было назвать камерой, размерами два метра на полтора. На полу лежал матрац, набитый соломой, поверх которого лежало простое солдатское одеяло. Комната запиралась металлической дверью с наружной задвижкой. В других комнатах обстановка была аналогична моей, и только в «столовой» стояли невесть откуда взявшийся круглый стол и несколько ящиков от снарядов.

Когда я вышел в «столовую» и увидел продукты, лежащие на столе, то впал в ступор, поскольку то, что там лежало, никак не укладывалось в моё понятие о солдатском пайке. Такого изобилия продуктов я не видел даже до войны. Помимо большого количества хлеба, там были разнообразные мясные и рыбные консервы, печенье и шоколад.

– Подсаживайся, товарищ Иванов, – любезным жестом пригласил меня за стол Вениамин Карлович.

– Кушай, не стесняйся, – Чистяков начал подвигать ко мне поближе открытые банки консервов и хлеб, – тебе надо срочно восстановить силы. Поэтому ближайшие несколько дней ты будешь только есть, пить и спать. После того, как ты почувствуешь себя лучше, мы преступим к выполнению задания.

– Вениамин Карлович, а можно мне задать вам несколько вопросов? – поинтересовался я.

Чистяков зыркнул на меня глазами, но вслух произнёс:

– Агенты Белый и Альбинос, оставьте нас одних и ступайте к себе.

После чего уже более любезным тоном предложил мне озвучить то, что меня волновало.

– Вениамин Карлович, почему для выполнения вашего правительственного задания мы спрятались в этом подвале, а не пошли в Смольный, где находится штаб обороны города? Что

будет на заводе, когда я завтра не выйду на смену, ведь по закону военного времени меня могут расстрелять? И, в конечном итоге, что это за продукты? – я мотнул головой на стол. – Ведь ими можно накормить и спасти жизнь стольким людям там наверху.

Чистяков не перебивал меня, а внимательно смотрел мне прямо в глаза, будто оценивая и сравнивая меня прошлого и настоящего.

– Я ждал от тебя этих вопросов, поскольку понимаю, что ты просто-напросто не мог их не задать. Но я хочу, чтобы ты успокоился и поверил мне, что всё, что я сейчас делаю, я делаю в первую очередь ради тебя самого. Теперь давай по порядку, почему мы не в Смольном, а в этом подвале, как ты выразился. Дело в том, что наша миссия очень секретная, о ней не знают даже те кто находятся сейчас в Смольном. Вот представь. Мы приходим с тобой к Андрею Александровичу Жданову и говорим: «Товарищ Жданов, город вот-вот захватят немцы, поэтому нам надо найти и вывезти ценности для нужд обороны страны. Помогите нам». А как ты знаешь, стены тоже имеют уши. И представь, что эта новость начинает разноситься по городу. Ты представляешь, что тогда будет? Вот поэтому мы действуем очень скрытно и очень осторожно. И я бы хотел, чтобы ты проникся значимостью, поставленной перед нами задачи и понял, какую огромную роль отводит руководство страны и лично товарищ Сталин этой операции. Поэтому ты должен беспрекословно выполнять все мои указания и распоряжения и понимать, что результат этой операции в первую очередь зависит от тебя, от твоих уникальных способностей. Теперь до тебя дошло, почему мы здесь?

Я сидел с открытым ртом и кивал головой каждому его слову. Сейчас его авторитет вырос в моих глазах до седьмого неба. А он продолжал:

– Как ты знаешь, в конце тридцатых годов партия проводила работу по выявлению в наших рядах вредителей, шпионов и диверсантов. Многие из них были выходцами из богатейших семей, которые не смогли в своё время уехать на Запад. Под тяжестью неопровержимых улик многие из них дали признательные показания, что во время революции значительную часть своих сокровищ они спрятали в тайниках. Речь идёт о миллионах и миллионах рублей, так необходимых сейчас обороне нашей страны. Часть адресов мы знаем, имеются даже чертежи этих помещений, но часть этой тайны эти подонки унесли с собой в могилу. Поэтому нам предстоит посетить места их проживания в годы революции, найти эти сокровища и вернуть их Родине. Что касается твоей работы на заводе, то ты не волнуйся. Через несколько дней все посчитают тебя погибшим во время бомбёжки, и о тебе забудут. Ты не тот человек, которого будут искать. А потом я, как в прошлый раз, восстановлю все твои документы. Так что успокойся и по этому поводу не переживай. Договорились? – и он протянул мне через стол руку, которую я горячо пожал.

Ещё бы! Меня охватил небывалый моральный подъём, ведь партия и правительство, даже лично товарищ Сталин поручают мне выполнить такое нужное для страны задание. Больше вопросов у меня к Чистякову не было, но он продолжил:

– Наша с тобой задача будет заключаться в следующем: мы будем с тобой ходить по адресам, по которым находятся клады, и ты будешь определять места их закладки, после чего сообщать об этом мне. Всеми техническими вопросами, связанными с их изъятием и транспортировкой, будут заниматься Белый и Альбинос. После выполнения этой части задания мы посетим с тобой адреса, где, по нашему предположению, могут быть спрятаны ценности, но стопроцентной уверенности у нас в этом нет. Как я тебе уже говорил, после окончания операции мы эвакуируемся вместе с ценностями на «большую землю». На всю операцию у нас отведён один месяц. А теперь без лишних вопросов начинай есть и ни о чём не думай, только делай это аккуратно. Помни, что после длительного голодания тебе надо есть маленькими порциями и понемногу.

И хотя я старался есть понемногу, приём жирной пищи на голодный желудок не прошёл для меня бесследно. Первые два дня меня мучили желудочные боли и рвота, поэтому я не восстанавливался, а ещё больше терял силы. И тогда Чистяков стал лично следить за моим приёмом пищи, а кто-то из близнецов постоянно и ежедневно колол мне уколы снотворного, после которых я проваливался в глубокий сон. Здесь, на многометровой глубине, не было слышно разрывов бомб, и только падающая с потолка пыль напоминала о том, что там наверху, идёт смертельная война. Надо сказать, что Чистяков сдержал своё слово. Через несколько дней я полностью восстановился.

* * *

Однажды, когда я ненадолго проснулся, я стал невольным свидетелем того, как Белый и Альбинос в большом зале отрабатывали приёмы рукопашного боя. Увидев, что я наблюдаю за ними, они немедленно прервали своё занятие и удалились к себе. За всё время моего нахождения в подземелье они ни разу не вступили со мной в разговор и всячески избегали даже визуального контакта. В свою очередь, чувствуя контроль со стороны Чистякова, я не мог проявлять личной инициативы в вопросах общения и наблюдал за ними только со стороны. Сколько времени прошло с тех пор, как мы спустились под землю, я не знал, а на все мои вопросы, который сейчас день и час, Вениамин Карлович отвечал односложно:

– Эти вопросы тебя не должны волновать.

Как бы там ни было, но мой восстановительный период был закончен, и перед началом операции Чистяков решил убедиться в этом сам. Он решил провести небольшой эксперимент, для чего воспользовался коробкой с драгоценностями, которые я нашёл в квартире Климовых.

Меня заперли в моей комнате, а сами в это время спрятали ювелирные изделия по всему подвалу. Найти их для меня не составило труда, поскольку, во-первых, я держал их уже в своих руках, во-вторых, спрятать что-либо в помещениях, в которых отсутствует маломальская обстановка и мебель, было практически невозможно. Но результаты этих тестов успокоили Чистякова, и мы начали готовиться к выходу на поверхность.

Однажды Чистяков велел нам всем собраться в столовой за столом.

– С этого момента мы приступаем к выполнению нашего задания, – объявил он.

Затем, выложив на стол листы кальки с чертежами, продолжил.

– Первый адрес, по которому мы пойдём, будет квартира Действительного статского советника Лопухина на Невском проспекте. По имеющейся у нас информации, жена Лопухина, в девичестве баронесса фон Мекк, покидая революционный Петроград в январе 1918 года, спрятала свои драгоценности в тайнике квартиры. Перед самой войной в этих помещениях размещался редакционный отдел газеты «Смена». Мы с товарищем Ивановым, – Чистяков внимательно посмотрел на меня, давая понять, что первоначальная конспирация продолжает действовать, – посетим редакцию. Легендой нашего посещения станет поиск младшего политрука Белкина, о подвиге которого корреспондент Светличкин написал в номере газеты «Смена» от 25 ноября 1941 года.

И, покопавшись в своих бумагах, он положил на стол слегка пожелтевший номер многотиражки. Там на первой странице под громким заголовком «Герой-артиллерист» была опубликована фотография Белкина.

– Я представлюсь другом вот этого самого Белкина, – Чистяков пальцем постучал по фотографии, – который хочет его найти, а ты, товарищ Иванов, – он снова взглянул на меня, – будешь моим сыном.

С этими словами он достал из своей сумки документы и передал их мне. Открыв их, я прочитал вслух свою новую фамилию – Иванов Аркадий Алексеевич.

– А кто этот Иванов Аркадий Алексеевич? – в свою очередь любопытствовал я.

– А это, так сказать, мой сын, поскольку с сегодняшнего дня ты будешь звать меня Иванов Алексей Олегович. Документы подлинные, поэтому проверок не бойся. Вот, дополнительно к твоему паспорту, набор карточек и наша с тобой фотография. Помнишь, когда мы с тобой фотографировались? – но фотография не вызвала в моей памяти никаких воспоминаний.

Возможно, она была сделана совершенно посторонним человеком во время нашего доверенного шарахания по музеям. На фото Чистяков смотрел в объектив фотоаппарата, он осознавал, что его в этот момент фотографируют, я же, напротив, смотрел в противоположенную сторону и во время съёмки о чём-то говорил. Глянув в этот момент на Чистякова, я понял, что ему не понравилось моё недоумение, но он сделал вид, что ничего не произошло.

В назначенное время мы покинули подвал и начали подниматься наверх. Как и в прошлый раз, один из близнецов шёл впереди, другой замыкал колонну. Идя длинными коридорами, я насчитал до выхода триста шестнадцать шагов. Около самой последней двери Альбинос прислушался к шуму на улице и, убедившись, что за ней никого нет, бесшумно отворил её и выпустил нас.

Глава 7. Операция «Экспроприация»

Оказавшись в первый раз за последние несколько дней на свежем воздухе, я почувствовал, что меня немного качает. Было это вызвано ещё оставшейся слабостью или так опьяняюще подействовал на меня свежий воздух, мне узнать не пришлось, поскольку над головой раздался оглушительный вой сирены, который мгновенно перенёс меня в существующую реальность, и мы стремглав бросились по улице к ближайшему бомбоубежищу. Там, сидя на лавочке под неотступным окном Чистякова, глядя на измождённые лица людей, я задумался о превратностях судьбы, по воле которой я оказался втянутым в какую-то непонятную для меня игру. И хотя слова Чистякова о выполняемом задании убедили меня, тем не менее, червь сомнения грыз меня изнутри.

Здесь, наверху, было всё, как прежде. Те же нечищенные от снега улицы с застывшими на них трамваями и троллейбусами, те же серые дома с глазницами оклеенных окон и тот же грохот артиллерийских орудий, напоминающий каждому, что передовая начинается чуть ли не на соседней улице.

После сигнала об окончании авианалёта мы вышли из бомбоубежища и пошли по интересующему нас адресу. Нужный нам дом мы нашли быстро. Поднявшись на четвёртый этаж, мы остановились перед дверью, на которой ещё красовалась медная табличка с надписью «Редакционный отдел газеты «Смена». На наш стук долго никто не открывал, и когда Чистяков уже достал из кармана связку отмычек, мы услышали за дверью чьи-то шаги и недовольное ворчание. Послышался лязг открываемых замков, и на пороге появился человек, закутанный в тряпье с головы до ног. Недовольным голосом он спросил:

– Вам чего, – потом помедлил и добавил, глядя на Чистякова, – товарищ майор?

Чистяков сразу взял «быка за рога». Начал рассказывать, кто он, кто я и почему мы пришли сюда. Как мы потом выяснили, этот человек ровным счётом не имел к редакции никакого отношения, он просто здесь жил. Когда газета перебралась поближе к Смольному, где ещё был островок света и электроэнергии, главный редактор разрешил ему пожить в редакции и присмотреть за помещением. Поняв это, Чистяков поменял тон общения, и вскоре я увидел в руках этого человека банку тушёнки, которая сломала все границы и преграды. Так мы попали внутрь и начали осмотр комнат, не обращая никакого внимания на постояльца. Он неотрывно следовал за нами из одной комнаты в другую, не понимая, что на самом деле происходит, и, как драгоценность, прижимал к груди подаренную ему банку. Мы не разговаривали, просто молча

переходили из одной комнаты в другую до тех пор, пока в одной из них я не почувствовал ни с чем не сравнимое чувство теплоты от камней и лёгкое притяжение от большого количества металла, исходившее из угла под паркетом. Поймав мой взгляд и поняв, что я выполнил свою работу, Чистяков показал мне глазами, что мы уходим, и, поблагодарив мужчину за предоставленную возможность прогуляться по его апартаментам, мы исчезли за входной дверью. Спустившись на улицу, Вениамин Карлович очень тихим голосом прямо на ходу спросил меня:

– Ну что, нашёл?

– Да, нашёл, – так же тихо ответил ему я. – В углу той комнаты под паркетом.

– Ты не ошибся?

– Вениамин Карлович, – начал я, но он меня резко одёрнул.

– Товарищ Иванов, называйте меня Алексей Олегович или товарищ майор даже тогда, когда никого рядом нет, и никогда не забывайте об этом, пока не закончится операция. Понятно? – прошипел Чистяков.

– Да, товарищ майор, там лежит много, намного больше, чем в той коробке, которую я нашёл у Климовых.

Глаза Чистякова в этот момент были похожи на глаза охотника, преследующего крупную дичь, который ждёт момент, чтобы её схватить.

* * *

На следующий день Чистяков показал мне результаты рейда, который ночью совершили близнецы. Я увидел стоящий на столе небольшой саквояж из натуральной кожи тёмно-коричневого цвета. В предвкушении моей реакции Вениамин Карлович как-то слишком долго и театрально задерживал момент его открытия.

– Сейчас ты увидишь то, ради чего вообще была организована эта операция, и первая наша вчерашняя вылазка показала её перспективность. Если так дела пойдут дальше, то в течение ближайших двух-трёх недель мы выполним наше задание и будем перебираться на «большую землю».

С этими словами он расстегнул саквояж и повернул его ко мне. Заглянув туда, я увидел лежащий сверху большой золотой крест, усыпанный драгоценными камнями. Под ним просматривались жемчужное ожерелье и разного рода ювелирные изделия, украшенные драгоценными камнями и бриллиантами. От всего этого великолепия исходило удивительное мистическое излучение теплоты, а руки мои притягивались к этому саквояжу, как магнитом. Сбросив с себя это чёртово наваждение, я отошёл от стола в сторону и сказал:

– Да, красивые безделушки, ничего не скажешь. Но для меня они представляют интерес лишь с точки зрения произведения искусства, не более того.

Чистяков вопросительно посмотрел на меня, стараясь пробраться в самые потайные закоулки моих мыслей, но вслух ничего не сказал.

С этого момента мы стали каждый день выходить на задание. В девяти случаях из десяти информация о кладях совпадала с действительностью. Каждый раз мы изымали от одного до трёх килограммов золота в виде царских червонцев и до килограмма украшений. Среди ювелирных изделий попадались самые настоящие музейные экспонаты, такие как бриллиантовая диадема семнадцатого века голландской школы мастеров, изумрудные подвески восточного происхождения и рубиновое кольцо с шестьюдесятью четырьмя камнями. По одному адресу мы нашли огромный набор золотой и серебряной посуды, которую близнецы выносили из тайника целых три дня. По трём адресам дома были разбомблены, и на их месте зияли огромные воронки.

В ночь, когда происходило изъятие кладов, меня запирали в моей комнате на внешнюю задвижку. И если бы группа Чистякова при каких-то обстоятельствах погибла или была схвачена, то я навеки остался бы погребённым в подземелье, в котором меня никто никогда не нашёл.

Все принесённые драгоценности и золото таинственным образом куда-то исчезали, поскольку на следующее утро я не ощущал их в зоне моего восприятия. Однако я сделал маленькое открытие: близнецы организовали у себя под матрасом свой маленький тайник. Это были бриллианты мелкой россыпью, граммов на пятьдесят, и несколько золотых колец. Они изредка поглядывали в мою сторону, пытаясь определить по моему внешнему виду, знаю ли я что-нибудь об этом или нет. А я в свою очередь делал вид, что меня теперь интересуют только крупные партии драгоценностей. Чистякову я об этом, естественно, ничего не говорил, поскольку чувствовал, что это может вылезти мне боком как с одной, так и с другой стороны.

В первой декаде апреля сорок второго года мы начали сворачивать свою деятельность. По моим прикидкам, в закромах у Чистякова должно было находиться не меньше двухсот килограммов золота и не меньше тридцати килограммов драгоценных украшений в виде ювелирных изделий и драгоценных камней. Вес, прямо-таки сказать, неподъёмный для команды из четырёх человек. И мне было интересно, когда и каким образом мы начнём вывозить найденные сокровища на «большую землю». Но Чистяков почему-то медлил, он как будто что-то выжидал. Каждые три дня он в одиночку поднимался наверх и проводил там несколько часов. Я соотносил это с проблемами транспортировки груза по Ладоге, поскольку с наступившим потеплением временная переправа должна была прекратить своё существование со дня на день. С другой стороны, я знал, что ценные грузы и военных высокого ранга вывозят и привозят в Ленинград самолётом. Может, и нас решили эвакуировать по воздуху?

В какой-то мере я в своих рассуждениях был недалеко от истины. Как оказалось на самом деле, той весной лёд на Ладоге сошёл рано. Уже к концу апреля доставку грузов в город осуществляли на баржах, а в обратном направлении вывозили тяжелораненых бойцов Красной армии и чудом выживших детей.

В один из таких дней Чистяков пришёл сам не свой. С его слов мы поняли, что с нашей эвакуацией возникли непредвиденные трудности, и нам надо продержаться в подземелье ещё целый месяц. При этом было приказано ни с кем в контакт не вступать, усилить охрану груза и ждать дальнейших указаний.

Глава 8. Уроки медитации

Так начался период нашего вынужденного бездействия. С продовольствием мы проблем не испытывали, всё так же и в том же количестве в нашем рационе присутствовали рыбные и мясные консервы, а хлеб заменяло чёрствое печенье. Единственным отличием от общих правил прежней жизни было сокращение времени использования электричества. Поскольку аккумуляторные батареи стремительно теряли свою ёмкость, свет включался только на время приёма пищи, а в остальное время мы были вынуждены сидеть в темноте, каждый в своём каменном мешке. Первые несколько дней прошли ещё более-менее сносно, но потом такое существование для меня стало просто невыносимым, и чтобы скоротать эти часы вынужденного бездействия, я вернулся в своих воспоминаниях к той удивительной книге, которую изучал вместе с Софьей Павловной. При всей своей отталкивающей внешности, она оказалась хорошим учителем, поскольку только благодаря её жёсткой требовательности я выучил тот манускрипт наизусть. И вот теперь в результате вынужденного ожидания я решил реализовать на практике некоторые древние магические заклинания.

Когда я в первый раз воспользовался этими знаниями в квартире Климовых, я не придавал этому событию особого значения, поскольку точно не знал, что тогда сработало, мои природ-

ные данные или мне помогло колдовство. И теперь, сидя в темноте, я решил проверить всё на практике. Тем более, что у меня было над кем проводить эксперименты, благо за стеной спал Чистяков, а чуть поодаль Альбинос и Белый. Единственное, что мне надо было для этого сделать, это найти кусок штукатурки, чтобы начертить на полу пентаграммы, необходимые для того или иного заклинания.

И вот во время очередного приёма пищи мне удалось отколоть небольшой кусок лепнины и отнести его к себе под матрац. Через несколько часов, когда стихли все шевеления и шорохи, а за стеной в комнате Чистякова раздался храп, я приступил к своей первой попытке проникнуть за грань неведомого.

Первым делом я свернул матрац к задней стене, чтобы освободить каменный пол для рисования пиктограмм. Далее надо было определить стороны света, для чего я представил мысленно карту города, по которой Невский проспект проходит с северо-запада на юго-восток. Таким образом, представляя себя относительно проспекта, я по памяти пошёл в наше подzemелье, изображая шаги на месте. В итоге, если я не ошибся, восток оказался там, где была дверь в мою каморку. Встав к востоку лицом, я начертил на полу древний шумерский символ солнца в виде восьмиконечной звезды с заострёнными концами. Между концами звезды я поместил символы воды, земли, огня, воздуха, дерева, металла, духа и плоти. Затем я полностью разделся и уселся в центр звезды в позе лотоса лицом к Востоку. Соединив кончики пальцев правой и левой руки между собой, я погрузился в состояние медитации, шёпотом проговаривая священные тексты великих мантр. Постепенно погружаясь все глубже и глубже в состояние транса, я почувствовал, что окружающее меня пространство начало светлеть и приобретать видимые очертания. Помещение моей каморки наполнилось лёгким голубовато-дымчатым светом, в котором очень чётко просматривались все предметы интерьера. Исследуя это состояние, я понял, что могу мысленно вместе с фантомом выйти из тела и свободно перемещаться в пространстве, используя для этого лишь силу своего разума. Сначала это была неуверенная попытка переместиться по комнате, но по мере того, как я овладел этой техникой, я решил расширить границы моего перемещения и переместился за дверь в зал. Железная дверь не представляла для фантома никакой преграды, словно она была сделана из тумана. Освоившись с этим состоянием, я методично начал исследовать все помещения подzemелья.

Вот комната близнецов. Альбинос спит и похрапывает, а вот Белый бодрствует, просто лежит с закрытыми глазами. При появлении моего фантома в их комнате он резко открыл глаза, будто почувствовал в помещении постороннего. Но, полежав несколько минут в напряжении, он расслабил мышцы и снова закрыл глаза. «Что это было?» – подумал я про себя. «Или ему не спится, или он охраняет подzemелье? А если охраняет, то от кого? Скорей всего, от меня, ведь сюда даже мышь не проскочит». И тут до меня дошло. Он охраняет вход в тайник, в котором находятся сокровища, найденные нами в ходе операции. «Ну, что ж, – промолвил я про себя, – сейчас мы попробуем найти этот злополучный тайник». И я начал исследовать все стены, памятуя о том, что вход в тайник может быть оборудован тайным поворотным механизмом наподобие того, что стоит на входе в подzemелье. И надо сказать, я не ошибся. Потратив на поиски скрытого прохода не менее часа, я нашёл потайную дверь, за которой простирался коридор метров в пятьдесят, оканчивающийся небольшой комнатой, в которой находились деревянные ящики из-под снарядов, сложенные штабелями. В них-то и были упакованы найденные нами сокровища. «Значит, – подумал я, – когда я мирно спал, Чистяков вместе с близнецами выносили сюда все ценности, а меня в это время запирали на задвижку, чтобы я случайно ни о чём не узнал. Тогда спрашивается, зачем они держат меня в неведении? Почему не открывают передо мной все свои карты? Или я что-то недопонимаю? У меня напрашивается

только один вопрос! Кто ты есть на самом деле, товарищ Чистяков Вениамин Карлович, и кто эти два близнеца рядом с тобой? Или дело тут не в золоте, а в чём-то другом?»

Скоро я вернулся в свою каморку, где увидел своё сидящее на полу тело, которое напоминало мумию умершего человека. Далее мне понадобилось заставить астральное тело принять позу лотоса и после этого медленно вплыть в контуры плоти.

Первое, что я сделал, оказавшись внутри своего тела, открыл глаза и увидел перед собой сплошную чёрную темноту. Затем я почувствовал нарастающий приступ удушья, отчего моя грудная клетка непроизвольно расширилась, и в неё со свистом начал поступать воздух, и в этот момент я почувствовал сильный удар. Это начало биться моё сердце. От мгновенного прилива крови к голове давление подскочило настолько, что разум мой помутнел, и я упал в обморок. Когда я очнулся, всё тело было мокрым от пота, меня знобило и колотило от холода. В теле чувствовалось онемение и покалывание от того, что кровь начала поступать в капилляры. Не слушающейся рукой я на ощупь нашёл телогрейку и кое-как натянул её на себя, продолжая жадно вдыхать воздух.

«Так вот что означает выход в астральное тело», – мелькали у меня в голове первые мысли. А старуха мне тогда ничего не говорила о последствиях такого путешествия. Оказывается, физическое тело на время выхода его фантома в астрал – умирает. И, может быть, то, что я ещё жив, есть не что иное, как чудо. Да, опасная это штука, магия, надо в следующий раз быть с этим колдовством осторожнее.

Из-за физической усталости меня клонило ко сну, но я уже слышал, как зашевелились мои соседи, как Альбинос подошёл к моей двери, отодвинул задвижку, лениво стукнул по ней ногой, произнеся команду «Подъём!».

Боже, как хорошо, что никто не зашёл в этот момент ко мне, а то мне было бы тяжело объяснить, что я делаю голым на каменном полу. Взяв себя в руки, я встал и быстро оделся, матрац положил посередине пола, чтобы скрыть нарисованную на нём пиктограмму. Когда я вышел к остальным, то увидел следующую картину: Чистяков брился перед зеркалом в «столовой», а близнецы отрабатывали приёмы рукопашного боя в зале. Но, даже, несмотря на скудное освещение, они мгновенно обратили внимание на мой внешний вид.

– Иванов, а ты, случаем, не заболел? – участливо спросил Белый, глядя на меня удивлёнными глазами.

– Да нет, – неопределённо и протяжно ответил я, пытаюсь придумать для себя какое-нибудь оправдание. – Просто в последнее время я стал плохо спать, да и снятся в этом подвале только одни кошмары. После чего потом целый день голова болит. Ведь вон уже сколько дней на воздухе не были, сидим здесь, как крысы, – начал митинговать я.

– А мне что прикажете делать, на экскурсию, что ли, вас сводить? – не отрываясь от бритья, огрызнулся Чистяков. – Я сказал, что надо сидеть и ждать, и мы будем сидеть и ждать столько, сколько для этого потребуется времени, и не вам это решать, – перешёл на повышенный тон Вениамин Карлович, всем своим видом давая понять, что любое проявление недовольства с нашей стороны будет им мгновенно пресечено.

Близнецы никак не отреагировали на эту реплику, а я наоборот подсел к Чистякову поближе и как бы невзначай проговорил:

– Помните, я рассказывал вам, что в одном из подъездов случайно подслушал разговор двух мужиков, и сказал, что голос одного из них показался мне знакомым? Так вот, если я не ошибаюсь, этот голос принадлежит некоему гражданину Булькину, который в момент нашей первой встречи хотел меня задушить. Я тогда ещё подумал, что он умер от удара, ну а если это не так, и он остался жив? Я вам рассказывал, – тут я перешёл на полусёпот, чтобы не слышали близнецы, – что в его квартире я тогда обнаружил помимо огромного количества денег в сейфе и бриллиантов, запрятанных в ножку стола, ещё и тайник с драгоценностями. Правда, тогда он

жил по другому адресу, но я думаю, что своё богатство он держит рядом с собой. Не мешало бы к нему наведаться? Как вы смотрите на такое моё предложение?

Чистяков немного отклонился в сторону и удивлёнными глазами посмотрел на меня.

– Ты что, предлагаешь его ограбить?

– Зачем же так грубо, товарищ майор? Просто я предлагаю экспроприировать у него то, что нажито незаконным путём, так сказать, в доход государства, для поддержания обороноспособности нашей страны, – как ни в чём не бывало проговорил я, глядя на него своими невинными глазами.

– Ну, ты, парень, даёшь! Растёшь прямо на глазах. Не скрою, не ожидал от тебя такого услышать. Не ожидал!

Потом последовала продолжительная пауза, во время которой Чистяков что-то мысленно взвешивал и обдумывал и в конце концов произнёс:

– Хорошо, я подумаю над твоим предложением, а теперь не мешай мне бриться, – и демонстративно отвернулся в сторону.

Наши сутки были разбиты на два периода по двенадцать часов каждый. В течение этого времени мы один раз ели, и тогда на полтора часа Чистяков включал электричество. В это время можно было побриться, походить и размять затёкшие ноги или, как это делали близнецы, позаниматься зарядкой. Личных разговоров мы друг с другом не вели. Открытым текстом этого никто не запрещал, но в то же время никто на контакт не шёл. Несмотря на то, что мы с Чистяковым были до войны в очень близких и дружеских отношениях, сейчас между нами пролегла невидимая черта отчуждения, которую ни он и ни я не стремились переступить. Близнецы между собой сначала общались очень активно, но по мере того, как наше вынужденное заточение затягивалось, я стал замечать, что и они перестали говорить между собой. Всё остальное время мы были вынуждены пребывать в полной темноте. Лучший способ скоротать это время был сон. Поэтому, пока все спали, я практиковал занятия магией. Например, я научился перемещать предметы. Сначала это были неуклюжие попытки сдвинуть с места соломинку из матраса, но в конечном итоге я стал легко отодвигать металлическую задвижку на моей двери. Таким образом, когда все спали, я получил возможность выходить из своего заточения и заниматься исследованием этого странного подземного мира. Для того, чтобы мои новые друзья случайно не застали меня врасплох, я поочерёдно погружал их в состояние гипнотического сна. Таким образом я был застрахован от непредвиденных коллизий.

В первую очередь я посетил тайную комнату, в которой находились драгоценности. С большим трудом, прилагая огромные усилия, я все-таки смог открыть проход к хранилищу. В этой части подземелья освещения не было, зато за потайной дверью висела керосиновая лампа, которая давала слабый свет. В хранилище я насчитал двенадцать ящиков, набитых под завязку найденными сокровищами. Надо отдать должное Чистякову, но он проделал большую работу по сортировке принесённых сюда ценностей и их описи. Чего тут только не было: и золотые царские червонцы, и царские ордена, и небывалые по красоте ювелирные изделия из драгоценных металлов и камней, жемчужные ожерелья и диадемы и ещё много-много другого. Много было золотой и серебряной посуды, ложек, вилок, золотых часов, инкрустированных бриллиантами, а также три великолепных ювелирных яйца работы Карла Фаберже.

Следующим моим открытием было то, что из комнаты, где находились собранные ценности, была ещё одна потайная дверь, про которую, наверное, не знал даже Чистяков. За очередным потайным лазом начиналась лестница, уходящая вверх. Сопоставив расположение помещений подземелья относительно Инженерной улицы, можно было предположить, что ступени уходили к Михайловскому дворцу. Не исключено, что при строительстве дворца архитектором Росси был тайно спроектирован подземный ход на случай бегства его обитателей, поскольку отголоски Французской революции продолжали ещё витать в головах царствующих особ. Ну

как бы там ни было, факт остаётся фактом. Чистяков каким-то образом узнал про это подземелье и стал использовать его для своих целей. И узнал он о нём не сегодня и не вчера, поскольку здесь всё было заранее подготовлено к приёму и жизнедеятельности небольшого отряда. Взять хотя бы те же самые консервы и аккумуляторы, матрацы, стол и ящики. И снова, в который уже раз, я задал себе один и тот же вопрос: «Кто ты Чистяков?»

После одной из своих отлучек наверх Чистяков вернулся в приподнятом настроении.

– Ну и теплынь там сегодня наверху. Солнце греет так, что в шинели даже жарко ходить.

Мы, которые не видели белого света последние три недели, выжидающе уставились на него, а он, как заведённый, продолжал:

– Что носы повесили? Небось, соскучились по солнышку? Ладно, не буду больше тянуть резину. Скоро, совсем скоро всё это закончится. Я получил указание готовить группу к эвакуации. Так что через три дня в путь. Ну что, довольны, дармоеды? – и он захохотал, довольный тем, что произвёл на нас впечатление.

Позже, сидя за столом и обсуждая с нами порядок эвакуации, он вернулся к нашему разговору по поводу посещения квартиры, где по моим предположениям мог находиться Булкин. Видимо, желание оторвать напоследок большой куш затмило разум Вениамина Карловича, и он решил провернуть это дельце прямо сегодня вечером. Правда, было одно «но»! Нам предстояло идти на дело всем вместе, чего мы никогда не делали. По плану Чистякова, он под вымышленным предлогом постучит в дверь квартиры Булькина, постарается выманить его на лестничную площадку, чтобы я смог его разглядеть. Если это будет он, то я дам условный сигнал. После чего в дело вступят близнецы. На это время мне было рекомендовано оставаться в укрытии и на глаза не показываться. После того, как близнецы сделают своё дело и осмотрят квартиру на предмет нахождения в ней посторонних лиц и при необходимости нейтрализуют их, меня позовут в квартиру, чтобы я нашёл в ней ценности. На всё про всё Чистяков отводил нам не более получаса. После того, как ценности будут найдены, мы разделяемся на две группы и самостоятельно возвратимся в подземелье.

Время операции назначили на семь вечера.

Глава 9. Последняя вылазка

После трёх недель, проведённых в подземелье, свежий воздух опьянял и кружил голову. Город выглядел удручающе. Фасады домов зияли дырами выбитых окон, часть домов была разрушена до основания. Иногда нам на встречу попадались совершенно измождённые люди, сумевшие каким-то чудом пережить эту страшную зиму. Лавируя между дворами через развалины, мы с Чистяковым постепенно подходили к намеченной цели. Где-то позади нас шли близнецы, но сколько я не оборачивался, я так и не смог их разглядеть. Когда до места оставалось пройти ещё один квартал, мы услышали позади себя команду:

– Стой! – мы остановились, как вкопанные.

Повернувшись назад, увидели двух милиционеров с повязками патруля на рукаве.

– Товарищи, предъявите ваши документы для проверки.

Один милиционер остался стоять в пяти шагах от нас, взяв винтовку наперевес, второй, в звании старшины, подошёл к нам. Чистяков подал для проверки своё удостоверение личности командира РККА и командировочное предписание, а я держал в руках свой паспорт на фамилию Иванов.

Рассматривая документы, милиционер спросил:

– Когда вы прибыли в город, товарищ майор?

– Почему вы об этом спрашиваете? Ведь в командировочном предписании всё написано и стоят соответствующие отметки, – как ни в чём не бывало, ответил Чистяков. – Или что-то не так?

– Не так, товарищ майор, – старшина внимательно осмотрел нас с головы до ног. – Два дня назад все военнослужащие, прибывшие в город, должны были пройти в комендатуре повторную перерегистрацию и поставить в своих удостоверениях специальный штамп, а у вас этого штампа нет. Так что вы должны пройти с нами в комендатуру.

Я почувствовал, как внутренне напрягся Чистяков. Мне даже показалось, что я уловил запах его пота, который в этот момент струился по его спине. Но внешне он был безупречно спокоен. На его лице не дрогнул ни один мускул. Он даже слегка улыбнулся краешком губ и на замечание милиционера стал расстёгивать свою полевую сумку.

– А вот этого документа для вас будет достаточно? – сказал Вениамин Карлович, передавая в руки старшины какой-то документ с красной печатью.

В этот момент сзади нас послышались шаги, и на моё плечо легла тяжёлая рука. Обернувшись, я увидел старшего лейтенанта Гаврилова.

– А я иду и гадаю, ты это или не ты? Я же говорил тебе, что прорвёмся. Значит, выжил! Попомни мои слова. Если выжил этой зимой, будешь жить очень долго, – и, обращаясь уже к старшине, спросил: – Что тут у вас?

Старшина, приложив руку к фуражке, отдал честь старшему по званию и начал докладывать:

– Товарищ старший лейтенант, проводится проверка документов. В ходе проверки выяснилось, что у товарища майора отсутствует в командировочном предписании необходимый штамп комендатуры. У парня документы проверить ещё не успели, и вот ещё, – он передал в руки старшего лейтенанта документ, который только что достал Чистяков.

– Этого парня я знаю, это правильный парень, – и, переведя взгляд на Чистякова, задал тому вопрос: – Ну а вы почему не сделали отметку, товарищ майор?

– Прежде чем задавать мне какие-либо вопросы, я прошу вас прочитать документ, который у вас в руках, – нравоучительным тоном проговорил Вениамин Карлович.

Пока Гаврилов читал текст документа, я осознал одну роковую деталь, которая сейчас могла погубить нас. Дело в том, что у меня в руках были документы на имя Иванова Аркадия, а в протоколе осмотра квартиры Климовых я фигурировал под фамилией Кулагин. И если Гаврилов сейчас поведёт нас в комендатуру, то может вылезти наружу весь этот обман с поддельными документами. Я с тревогой ждал того момента, когда Гаврилов закончит читать предъявленную бумагу. Но произошло то, чего я никак не ожидал. Старший лейтенант принял перед Чистяковым строевую стойку, отдал честь и как старшему по званию отрапортовал:

– Извините, товарищ майор, неувязочка вышла, не нуждается ли в какой-нибудь помощи с нашей стороны?

– Нет, спасибо, старший лейтенант, можете идти, мы и так из-за этой проверки потеряли много времени. А нам надо сегодня ещё успеть сделать много дел.

Он отдал Гаврилову честь и стал прятать в нагрудный карман шинели возвращённые старшиной документы. «Интересно, что такого было написано в той бумаге, что заставило патруль «поджечь хвост». Ладно, – подумал я, – при первом удобном случае поинтересуюсь у него содержанием той бумаги».

Когда мы отошли от места проверки, Чистяков схватил меня под локоть и грубо втолкнул в первый попавшийся подъезд.

– Что это ещё за знакомство с милицией? – он схватил меня левой рукой за горло и прижал к стене, продолжая буравить злыми и дикими глазами. – Я же предупреждал тебя: никаких военкоматов, никакой милиции, сиди тихо, словно мышь. А ты?

– Не надо на меня, Вениамин Карлович, фуфло гнать, – не выдержал я. – Хватит меня считать идиотом. Я вам рассказывал, как нашёл ту злосчастную коробку в квартире Климовых, и говорил, что когда мы обнаружили в той квартире убитых, я ходил за милицией. И если у

вас склероз, то вам лечиться надо! – эмоционально подытожил я, освобождаясь от железной хватки Чистякова.

Чистяков как-то обмяк, его лицо приобрело прежнее добродушное выражение, и он уже в спокойном тоне начал похлопывать меня по плечу.

– Ладно, Архип, не бери в голову. Извини старика. Сорвался, совсем нервы стали ни к чёрту. Ну, давай, пойдём, времени у нас и так мало, – и он легонько подтолкнул меня к двери.

Вскоре мы добрались до нужного места. Чтобы нас не смогли увидеть из окон дома, мы прошли в парадную, буквально прилипнув к стене. Зайдя в подъезд, мы спрятались под лестницу, туда, где в своё время прятался я, и стали дожидаться близнецов. Через несколько минут появились и они. Чистяков позвал их к нам и начал давать последние указания. Мы договорились, что близнецы поднимутся на площадку между третьим и четвёртым этажом, я встану на лестнице в районе второго этажа, чтобы мне было лучше видно лицо хозяина квартиры, а Чистякову отводилась в этом спектакле роль кукловода, который будет всё координировать и организовывать.

Разбежавшись по своим местам, мы стали ждать, когда Чистякову откроют дверь. Ждать пришлось долго. Сначала Вениамин Карлович стучал, как культурный человек, потом начал стучать кулаком, а потом перешёл на стук ногами. По всему подъезду стоял невообразимый шум, но, тем не менее, ни одна из квартир не открылась, и никто не вышел на площадку, чтобы поинтересоваться, что здесь творится. По взгляду Чистякова я понял, что он уже хочет привлечь к открытию этой чёртовой двери близнецов, когда за ней послышалась возня, и дверь приоткрылась на расстояние дверной цепочки.

– Что вам надо, товарищ военный? Что вы тут стучите, – послышался знакомый мне гнусавый голос Булькина.

– Я сотрудник комендатуры майор Иванов, – представился Чистяков. – Мне поручено проверить списки оставшихся в живых жильцов этого дома, и я не собираюсь здесь торчать до ночи и ждать, когда вы соизволите открыть дверь.

– А для чего это вы делаете? – вопросом на вопрос гундосил из-за двери хозяин квартиры.

– Я знаю только одно, что все жильцы этого дома будут в течение ближайших трёх дней переселены в другие дома, а в этот дом переедет штаб одной воинской части.

– На каком основании вы это делаете? – с возмущением запричитал за дверью мужчина. – Вы хоть знаете, кто я такой?

– Вот для этого, чтобы выяснить, кто вы такой, я и пришёл к вам, а вы мне дверь не открываете, а теперь ещё спрятались за цепочку. Что же это вы, гражданин, Советской власти не доверяете? Нехорошо.

За дверью послышалось недовольное сопение, потом дверь открылась, и в коридор высунулась голова, Булькина. Он хищным взглядом осмотрел лестничную площадку, и в этот момент я бросил между перилами камень. Это был условный сигнал, что хозяин квартиры узнан. Чистяков сделал шаг вперёд, препятствуя закрытию двери, а близнецы, как спринтеры, почти не касаясь ступеней, понеслись ему на помощь. И всё-таки они не успели. Не вынимая левой руки из кармана пальто, Булькин выстрелил наугад, попав Чистякову в живот, и в тот же миг сокрушительный удар Альбиноса лишил его чувств. Я и Белый бросились к Чистякову на помощь, чтобы поддержать его от падения, а Альбинос уже затягивал в квартиру обездвиженное тело Булькина. Раненого Чистякова мы на плечах затащили в квартиру. Он был в сознании. Когда мы уложили его на диван и расстегнули шинель, то увидели поверх нательного белья огромное кровавое пятно. Пуля вошла в районе пупка. Выходного отверстия не было. Пока я занимался Чистяковым, каждый занимался своими делами. Белый через окно осматривал улицу, а Альбинос, вставив Булькину кляп, перевязывал его руки и ноги. Всё было тихо.

Чистяков, не обращая внимания на боль, первым делом приказал мне искать то, ради чего мы пришли сюда. Осмотр квартиры не занял у меня много времени. Булькин не отличался

особым умом в хранении своих ценностей. Всё тот же примитивный сейф в стене, бриллианты в ножке стола, два тайника под паркетом: один с деньгами, другой с червонцами. В квартире была обнаружена потайная дверь, ведущая в соседнюю квартиру. В ней-то и были спрятаны основные сокровища. Там стояли полотна Рафаэля, Рембранта, Рогир ванн дер Вейдена, Тициана. Для того, чтобы Чистяков оценил наши находки, мы всё найденное высыпали на стол, а вдоль стен по периметру комнаты расставили часть обнаруженных картин. Чистяков смотрел на это чудо, и по его щекам катились слёзы. Потом он приказал близнецам оставить нас вдвоём наедине и коротко спросил:

– Архип, ты сможешь мне помочь? Только без утайки, да или нет. В своё время ты говорил, что со своей бабкой занимался врачеванием, так вот, я прошу тебя, сделай хоть что-нибудь со мной. Мне нельзя тут оставаться. Я жить хочу!

Приложил свои ладони к ране, я почувствовал, как стремительно улетает из него жизненная энергия. Я увидел разбитый на осколки спиной позвонок с торчащей в нём пулей и ощутил, как содержимое кишечника выливается в брюшную полость. После чего я честно признался ему, что моих сил и способностей будет сейчас недостаточно, и его надо срочно везти в госпиталь на операцию. Единственное, что я могу сделать в этой ситуации, это уменьшить его телесную боль. Получив на это его согласие, я через минуту создал у него иллюзию, что он полностью здоров. Однако это обманчивое облегчение, сыграло с Вениамином Карловичем последнюю злую шутку.

В это время в углу зашевелился Булькин. Ещё не совсем понимая, что с ним произошло, он затуманенным взглядом осмотрелся вокруг себя. Через минуту сознание его прояснилось, и он задёргался в неистовой злобе, выдавливая через кляп нечленораздельные звуки.

– Альбинос, – негромко проговорил Чистяков, – посади его на стул.

Альбинос за шиворот поднял обмякшее тело вора, показал ему перед носом свой кулак, давая понять, что любая его попытка нарушить тишину моментально будет пресечена хорошим ударом в челюсть. Поняв по глазам, что этот посыл дошёл до адресата, здоровяк отошёл вглубь комнаты.

– Вы слышите меня? – почти шёпотом проговорил Вениамин Карлович.

Булькин, не отрывая взгляда от кровавого пятна на животе раненого, утвердительно затряс головой.

– Если вы меня слышите, то в ваших же интересах сейчас сидеть смирно и не рыпаться. Если вы не будете орать, как раненая свинья, то я попрошу своего помощника вынуть у вас изо рта кляп. Вы всё поняли?

Булькин снова затряс головой, давая понять нам, что он принимает правила предложенной игры, после чего Альбинос вынул у него изо рта кусок тряпки. Немного успокоившись и поняв, что никто его сейчас убивать, не будет, он начал разглядывать присутствующих в комнате людей. Когда очередь подошла ко мне, он мгновенно изменился в лице.

– Жаль, что я тебя, гадёныша, тогда не задушил. Сердцем чувствовал, что неспроста тогда тебя привели ко мне. Вижу, выжил, сволочь, не сдох от голода. А сейчас на фашистов работаешь? Меня на мякине не проведёшь. Что, камушки нашли, монетки золотые, деньги? Да подавитесь вы этим барахлом. Вы даже не представляете, с кем связались, выродки. Вы думаете, что можно вот так запросто зайти к Самуилу Марковичу, забрать у него гроши, и вам за это ничего не будет? С вас, идиотов, смеются мои тапочки, фраера хреновы.

Он, наверное, мог ещё долго «сверлить» своими тирадами наш мозг, но его остановил чувствительный удар Альбиноса.

– Самуил Маркович, я же сказал вам, что надо сидеть тихо и не перебивать меня. Видите, мне очень трудно говорить с вами, кстати, по вашей же вине. Я хочу вас спросить только об одном, откуда у вас эти полотна? В последний раз я видел их в Эрмитаже. Или вы уже стали хранителем сокровищницы?

– Да дались вам эти картины. Сейчас такие полотна идут по одной банке тушёнки за штуку. А что, прикажете задарма жратву раздавать? Кому сейчас нужны советские деньги? Что на них сейчас можно купить? А когда в город придут немцы, то есть ваши коллеги, то и подавно рубли будут не нужны.

– Скажите, любезный, а почему вы считаете, что мы фашисты? У нас что, на лбу написано? Видите, на мне форма офицера Красной Армии.

– Ой! Уважаемый! Не надо мне впаривать прошлогодние котлеты. Может, вам и не составило большого труда запудрить мозги этому недоноску, но меня вы не проведёте. Я чую людей за версту. Возьмём, к примеру, этих двух молодых людей, это ведь чистые арийцы, с них картины можно писать. Они представляют собой образец арийской расы. И сравните их с этой мерзкой деревенской рожей, – он посмотрел с ненавистью на меня. – Или взять, например, вашу речь, манеры, выправку, всё это свидетельствует о вашем немужицком происхождении. Таких офицеров в Красной армии я после тридцать восьмого года уже не встречал. А раз так, то это означает только одно, что вы пришли оттуда, – и Булькин сделал лёгкий кивок головы в сторону запада. – Учитывая сложившуюся ситуацию на фронте, нетрудно предположить, что скоро доблестная германская армия будет маршировать по улицам Петербурга. Я, конечно, дико извиняюсь перед вами, что нажал на свою «пукалку» и тем самым продырявил ваш френч, но видит Бог, я этого не хотел. Если вы имеете ко мне деловое предложение, то я с удовольствием выслушаю вас.

Я стоял в стороне, и от услышанного разговора у меня под шапкой шевелились волосы. Я проклинал себя. Как я не догадался о настоящей сущности Чистякова и близнецов? Надо было уже давно под гипнозом выведать у них все их тайны. А я всё колебался, всё думал, что мне это только мерещится, что, мол, я возвожу на людей напраслину. Да, недостаёт мне жизненного опыта, плохо я ещё разбираюсь в людях.

Между тем Чистяков, слушая Булькина, не перебивал его. В конце разговора он только спросил:

– Прежде чем обсуждать с вами деловое предложение, я бы хотел знать, какими активами вы ещё владеете. Может быть, вы сейчас сидите тут передо мной, строите из себя фраера, а на самом деле у вас за душой нет ни копейки? Или всё-таки что-то есть? Выкладывайте.

Булькин замаялся. По нему было видно, что он не хочет раньше времени раскрывать свои секреты. С другой стороны, у Чистякова времени тоже не оставалось. Несмотря на отсутствие боли, он начал понимать, что силы его покидают, и скоро он потеряет сознание. Поэтому он приказал мне немедленно выведать у Булькина все его тайны.

Я взял со стола золотую монету, поместил её в луч солнечного света, пробивающийся сквозь неплотно задёрнутые шторы так, чтобы она максимально блестела и этим блеском привлекала глаза присутствующих в комнате. Убедившись, что Булькин смотрит на монету, я сделал несколько внушений, после чего он перестал моргать и впал в оцепенение. Когда я поднял глаза, то увидел, что близнецы тоже превратились в обездвиженных манекенов.

– Мне их разбудить? – спросил я, обернувшись к Чистякову.

– Нет, не надо, пусть пока постоят в таком «замороженном» состоянии. Кстати, Архип, они нас слышат?

– Не беспокойтесь, Вениамин Карлович, они ничего не слышат, они просто крепко спят.

Немного помолчав, как бы собираясь с мыслями и что-то обдумывая, Чистяков на несколько минут ушёл в себя. Когда он поднял на меня глаза, то спросил:

– Архип, скажи мне честно, сколько мне осталось?

– Я думаю, что не больше часа. У вас повреждён позвоночник, поэтому нижнюю половину туловища вы не чувствуете. Кровь я остановил, но внутреннее кровотечение остановить не могу. Сейчас вы не ощущаете боль в месте ранения, но по мере того, как будете терять кровь,

ваше сознание начнёт угасать, боль проявится снова, и из раны опять пойдёт кровь. Потом вы потеряете сознание и через несколько минут умрёте.

Чистяков откинул голову на подушку, прикусил губу и заплакал.

– Глупо, как глупо пролетела жизнь! – вырвалось из него вместе со стоном. – Вся жизнь пошла наперекосяк. А как всё славно начиналось!!! Как славно!!!

Потом он перевёл взгляд на меня, оценивающе посмотрел и проговорил:

– Ладно, слушай, не в могилу же мне с собой это уносить. Я являюсь не тем, за кого выдавал себя все эти годы. Да, да, Архип, я не Чистяков! В своё время меня звали Воронцов Павел Михайлович. Я прямой потомок знаменитого дворянского рода. В 1915 году я служил адъютантом у главнокомандующего Северо-Западным фронтом, генерала Алексеева. Во время выполнения задания главкома по доставке секретной депеши в строевые части прифронтовой полосы я со своим охранением попал в засаду и после ранения был пленён. Из плена освободился только в марте 1918 года. Страны, которую я защищал, уже не было, а вступать в ряды разношёрстных выскочек типа Колчака, Врангеля, Юденича я не захотел. До 1924 года жил в Париже. Ты знаешь, я там чувствовал себя даже очень неплохо. Но было одно «но». Я был игрок. Следствием этого порока стал мой крупный проигрыш в казино. Один добрый господин изъявил желание помочь мне, и я согласился на его предложение. Но, как известно, бесплатный сыр бывает только в мышеловке. Именно таким путём я был завербован в только что созданную немецкую разведку Абвер. И с 1926 года я снова оказался в России, пардон, в СССР, но уже под фамилией Чистяков. Надо сказать, что в своё время, когда я жил ещё в Париже, я выиграл у одного авантюриста значительную сумму денег. Не имея возможности расплатиться со мной, он предложил мне в обмен на его долг список адресов, по которым в Ленинграде были спрятаны сокровища бывших высокопоставленных царских чиновников, которые они не смогли вывезти из страны. Не знаю, почему, но я поверил ему. Поэтому у меня был свой личный интерес попасть в Россию. Первые десять лет меня никто не трогал, и я уже стал думать, что про меня забыли. Все эти годы я любыми способами собирал информацию о помещениях, в которых были спрятаны клады. На некоторые из них я даже нашёл строительные чертежи, а где их не было, сделал планы помещений собственноручно. Но дальше этого дело с места не сдвинулось. И вот однажды до меня дошёл слух, что в городе появился мальчишка с удивительными способностями, который может видеть сквозь стены. Я загорелся желанием найти его и использовать для своих целей. Но как его найти в миллионном городе? Этому помог один случай. Однажды в городе я случайно встретился с бывшей приятельницей моей матери, баронессой Покровской, ты знаешь её как свою учительницу по магии, Софью Павловну. Софья Павловна в своё время в Петербурге слыла неплохой гадалкой и предсказательницей. Рассказав ей о тебе, я был неслыханно удивлён, что она знает про тебя и знает, что ты находишься в банде Серого. Остальное было делом техники. Я выследил вашу банду, а также увидел, как ты помогаешь им искать на станции нужные вагоны. Дело оставалось за малым: тебя надо было каким-то образом выкрасть из банды. Но оказалось, что ты сам устроил всё наилучшим образом, когда сбежал из квартиры вот этого жулика, – и он лёгким кивком головы указал на Булькина. – Несколько дней я следил за тобой, а потом сделал так, что будто бы мы с тобой случайно встретились, и ты таким образом оказался у меня. Надо сказать, что тебя искал не только я. Искал Серый и вот этот гражданин, но, как ты знаешь, всё обошлось. В тридцать восьмом году, незадолго до начала войны, Ленинградская резидентура Абвера была «расконсервирована», и на меня вышел резидент германской разведки. Сначала передо мной была поставлена задача по минированию сборочного цеха на нашем тракторном заводе, но через десять дней цель моего задания резко изменилась. Мне поручили любой ценой оберегать твою жизнь до особого распоряжения. Также было поручено использовать это время для твоего обучения под руководством агента «Блоха». Каково же было моё удивление, когда в «Блохе» я узнал законспирированного агента немецкой разведки Софью Павловну. С началом

войны я ушёл на фронт, но первое, что я сделал, оказавшись на передовой, сдался в плен. В плену меня чуть не расстреляли, но мне удалось убедить лагерное начальство связаться с офицерами разведки, которые в октябре месяце вытащили меня из лагеря. После освобождения меня отправили в Берлин, где у меня состоялась встреча с адмиралом Канарисом. Учитывая то обстоятельство, что фюрер помешан на всём сверхъестественном, а ты относишься именно к такой категории феноменов, мне было поручено доставить тебя на территорию рейха и передать в руки секретного подразделения Аненербе. В помощь мне определили вот этих двух молодцов, Белого и Альбиноса. На самом деле это братья-близнецы обер-лейтенанты Гюнтер и Франк Вюртембергские. У них была русская мать, поэтому они хорошо говорят на русском, и их легко принять за русских солдат, но на самом деле это две «машины для убийства». Я не исключаю, что после выполнения задания они должны были ликвидировать и меня. Поиск кладов не входил в план выполнения моего задания, это было чистой воды самодеятельностью, но ты справился с этим заданием на «отлично».

Так, вот ещё, что ты должен обязательно знать. Всеи нашей операцией руководит резидент Абвера. Он работает офицером шифровального отдела Штаба обороны Ленинграда, что находится в Смольном. Его фамилия Зарайский. Три дня назад в город прибыла диверсионная группа из шести человек, которая должна заняться твоей переброской через линию фронта. У них есть твоя фотография. Про наш подвал знаем только мы с тобой да вот эти двое. Если найдёшь способ от них избавиться, то можешь спокойно там отсидеться. Еды там хватит ещё надолго. Кстати, всё, что мы нашли, находится там, в подzemелье, за потайной дверью. Передача тебя группе должна состояться 20 апреля в 15 часов в Александрo-Невской лавре.

– Продолжайте, – проговорил я тихо.

– Если не будешь дураком, и не дашь этим уродам выйти отсюда живыми, и каким-то чудом выживешь в этой войне, ты будешь самым богатым человеком в этой стране. И ещё тебя разыскивает советская контр...

Чистяков остановился на полуслове, сделал судорожный вздох, как будто ему не хватало воздуха, руки его сжались в кулак, он весь напрягся. Рана на животе открылась, из неё начала сочиться кровь вперемешку с содержимым кишечника, он несколько раз дёрнулся и через мгновение скончался.

Я закрыл его глаза и накрыл тело шинелью. После его исповеди я находился в шоковом состоянии. С одной стороны, это был близкий для меня человек, с другой, это был враг, предатель, диверсант, а сейчас шла война, и все мои сантименты были неуместны. Единственное, что я посчитал уместным сделать в данной ситуации, это прочесть заупокойную молитву о рабе Божьим, Воронцове Павле Михайловиче.

Закончив молитву, я повернулся к загнипнотизированным близнецам и Булькину. В комнате стало почти темно, но мне не хотелось вставать и идти искать свечи или керосинку, чтобы осветить помещение. Прикоснувшись к Булькину, я вывел его на речевой диалог. Если бы кто-то сейчас посмотрел на нас со стороны, то он ни за чтобы не догадался, что один из нас находится в гипнотическом трансе.

Мне удалось выяснить, что он «работает» не в одиночку, что у него есть доверенный круг уголовников, которые осуществляют обмен ценностей на продовольствие. Запас продовольствия образовался за счёт довоенных грабежей товарных вагонов. К моему большому сожалению, к этому был причастен и я, когда был в банде Серого. На мой вопрос об убийстве в квартире академика Климова Булькин высказался однозначно, что это работа не его подопечных. Они воры, а настоящий вор на мокрое дело никогда не пойдёт. Но он был проинформирован своими дружками, что в их районе появились «гастролёры», которые не гнушаются ничем, в том числе и убийствами. Заправляет этой бандой баба, её кличка Балерина. Откуда она появилась, он не знает, но раньше в блатном мире баб с такой кличкой в авторитете не было. Также он рассказал, что в этой квартире он хранит исключительно ценные полотна. Остальные кар-

тины хранятся по другим адресам. Счёт их идёт на несколько десятков. Это картины Савра-сова, Васнецова, Левитана, Яна Фейта, Рубенса и многих других знаменитых русских и фла-мандских живописцев. Узнав адреса, по которым хранятся эти сокровища, я сказал:

– Достаточно! Всем спать! Спать глубоко!

В эту ночь я не сомкнул глаз. Я сидел в тёмной и холодной комнате, обдумывая различ-ные варианты выхода из сложившейся ситуации. Ночью объявляли две воздушные тревоги, слышалась долгая и бесконечная стрельба зениток, потом под утро начался артиллерийский обстрел. Взрывы раздавались совсем близко, в районе Васильевского острова, а здесь от взрыв-ной волны на голову сыпалась штукатурка и дребезжали стёкла. Шум и грохот стоял такой, что я уже начал думать, что мои подопечные выйдут из транса и проснутся, но Бог миловал. Конечно, можно было бы взять со стола револьвер Булькина и, сделав три выстрела, разом решить все вопросы, но моральная сторона этого поступка не позволяла мне пойти на это. Ладно если бы это было в бою, а так стрелять в безоружных, да ещё в находящихся под гип-нозом людей было негуманно и не по-человечески.

Когда сквозь плотные шторы светомаскировки начали пробиваться первые лучи нового дня, у меня в голове созрел план действий.

Я осмотрел карманы близнецов и извлёк оттуда два заряженных нагана. В нагрудном кар-мане Белого, кроме этого, была спрятана удавка, изготовленная из струны. Никаких докумен-тов при них не было. «Странно, – подумал я, – неужели они всё время так ходили по городу?» Найденное оружие я разрядил и спрятал в платяном шкафу соседней комнаты. Не выводя близ-нецов из состояния гипнотического сна, я внушил им, что с этого момента они навсегда забыли русский язык, а также цель своего задания. Я методично уничтожил в их памяти всё, что так или иначе могло вывести на меня и Чистякова, а также на спрятанный под землёй клад. Затем я внушил им, что они проснутся только после того, как кто-то другой, а не я, заговорит с ними. Потом я занялся Булькиным. Я заставил его написать признательное письмо о совершённом убийстве майора Красной армии и о его связях с фашистскими диверсантами, а также о краже культурных ценностей из музеев города. Кроме того, я продиктовал Булькину фамилию и место службы резидента немецкой разведки в Смольном, и информацию о том, что группа немецких диверсантов в количестве шести человек будет находиться в Александро-Невской лавре 20 апреля в 15 часов. Проснуться он должен будет только после того, как получит удар по лицу.

Когда я уже хотел идти сопровождать Булькина в милицию, меня осенило!!! Я же не прочитал тот злосчастный документ с красной печатью. Быстро сорвав с убитого шинель, я достал из его нагрудного кармана сложенный вчетверо листок и начал читать.

«Предъявитель сего документа, майор Иванов А. О., выполняет личное, особо ответственное задание Народного Комиссара Внутренних Дел. Всем командирам частей и соединений, а также всем руководителям Советской власти на местах оказывать ему всестороннюю и исчерпывающую помощь».

Народный Комиссар Внутренних Дел Берия Л. П.

Поверх подписи стояла большая красная печать наркомата.

Времени на дальнейшие размышления не было. Я положил документ назад, назвал Буль-кину адрес отделения милиции, куда он должен пойти и сдатьсь. Мне же осталось незаметно последовать за ним и убедиться, что он полностью выполнил мою установку.

Булькин шёл заплетающейся походкой, и со стороны казалось, что он вот-вот упадёт. Но ничего неожиданного не произошло, и через полчаса мы добрались до цели. Самуил Марко-вич скрылся в дверях отделения, а я остался наблюдать за тем, как будут развиваться события

дальше. Прошло не меньше часа, прежде чем в дверях показался со связанными сзади руками Булькин с огромным синяком под левым глазом, конвоируемый двумя милиционерами. Он кричал о творимом произволе со стороны милиции в отношении старого и больного человека, но один сильный и увесистый удар приклада ружья в спину вернул его в существующую реальность. Он жалобно заскулил и заплакал. Через какое-то время в дверном проёме показалась фигура Гаврилова, и вся процессия тронулась в направлении квартиры неудавшегося коллекционера живописи...

Глава 10. Преображение

Извечный русский вопрос «Что делать?» застал меня врасплох. Вроде бы я и сдал этих проклятых немецких агентов вместе с Булькиным в милицию, но какого-то морального удовлетворения от всего этого я не получил. Во-первых, получалось, что я сбежал с завода, чтобы помогать фашистам искать клады недобитых в революцию буржуев. Во-вторых, в свете произошедших событий меня можно было считать пособником немецко-фашистских оккупантов, которых по закону военного времени расстреливали на месте. В-третьих, у меня на руках были поддельные документы на фамилию Иванова, отсутствовала какая-либо правдивая легенда моего существования до начала войны, в частности: откуда я взялся, кто мои родители, где я жил, где учился и ещё много-много другого, на что я не смогу дать ответ. Поэтому мне надо было срочно и очень серьёзно обдумать сложившуюся ситуацию. И я решил на какое-то время уйти в подземелье, чтобы там привести свои мысли в порядок.

Спуск в подземелье превратился для меня в тяжёлое физическое испытание. Без света, сильно измотанный за последние сутки как физически, так и морально, я в потёмках пробирался к логову. Несколько раз оступался и падал, разбив при этом не только руки и ноги, но и лицо. А когда я добрался до места и включил свет, то почувствовал себя совершенно измождённым и несчастным человеком. Первым моим желанием было броситься на свой матрац и спать, спать и спать, но когда я улёгся и закрыл глаза, меня внезапно охватило непонятно откуда взявшееся чувство страха, и мой сон как рукой сняло. Я вышел из каморки и уселся на каменный пол посреди зала, чтобы видеть, как можно большее пространство вокруг себя. Чтобы хоть чем-то себя занять, я начал просматривать личные вещи моих бывших «компаньонов». У Чистякова я нашёл подробную карту города, планы осмотренных нами квартир, записную книжку со столбиками цифр, солидную пачку советских денег, на которые можно было прилично жить ещё несколько лет, даже если питаться с чёрного рынка, стопку продовольственных карточек, наверное, поддельных, но по внешнему виду они ничем не отличались от настоящих. Несколько пузырьков непонятной жидкости белого цвета, а также наручные часы и компас. К моему сожалению, моих старых документов не оказалось. А у близнецов я нашёл припрятанный ими мешочек с бриллиантами, финский нож, маленький пистолет размером с ладонь, фотоаппарат и бритвенные принадлежности. Отдельно лежал небольшой медальон с фотографией мужчины и женщины на развороте. Возможно, это были родители Белого и Альбиноса или как их там, Гюнтера и Франка? Потом я вспомнил о найденном у Чистякова предписании наркома НКВД и попытался понять, как такой документ мог попасть в руки этого человека. Или это очередная подделка фрицев? А может быть, весь этот клубок запутан ещё сложнее, чем я думаю, и Чистяков на самом деле не немецкий шпион, а контрразведчик, который перед смертью рассказывал мне всего лишь свою легенду?

Версии и мысли, как пчелиный рой, кружились у меня в голове, сменяя друг друга. Постепенно этот поток начал ослабевать, и усталость начала брать своё. Глаза стали слипаться, а сил, чтобы лечь на матрац, уже не было, и я провалился в глубокий и крепкий сон прямо на каменном полу.

* * *

...Я сидел под сводчатым потолком подземелья в большом и пустом зале. Постепенно окружающий воздух начал густеть, создавая иллюзию того, что я смотрю на окружающие предметы через призму кривых зеркал или большое увеличительное стекло. От непрерывно меняющейся и плывущей картины перед глазами меня начало укачивать, и моё сознание провалилось в ещё более глубокое и призрачное состояние сна. Меня охватили покой и умиротворение, а все мои проблемы и нерешённые вопросы ушли куда-то далеко-далеко и стали мне абсолютно безразличны и малозначимы. Я наслаждался этим состоянием невесомости души, лёгкостью тела и безмятежности разума. Через какое-то время моё сознание начало проясняться, и до меня докатилась волна непонятных мне звуков. Эти звуки становились всё ярче и громче и вскоре стали похожими на речь говорящих между собою людей, не подозревавших о том, что их подслушивают. Понять, о чём они говорили, мне было не дано, но почему-то я был уверен, что они говорят обо мне.

Медальон, который я удерживал в руках, стал нагреваться, жар его становился столь невыносимым, что я с криком выронил его из рук и открыл глаза. Обернувшись, я увидел несколько полупрозрачных фигур, похожих на людей, которые с большим трудом можно было выделить на фоне постоянно колыхающейся воздушной массы. Я не испытывал никакого чувства страха или дискомфорта, разглядывая их. Вскоре они заметили, что я наблюдаю за ними, и тогда один из них приблизился ко мне вплотную и запустил в мою голову свою прозрачную руку, от чего моё тело наполнилось лёгкой вибрацией с ощущением онемения в конечностях. Затем я почувствовал лёгкое покалывание в области затылка, как будто кто-то пропустил через меня электрический ток. После этого возникло чувство эйфории, которое постепенно сменилось ощущением моей сопричастности к событиям жизни и смерти, по своей значимости не попадающим ни под одно известное мне описание. Меня словно изнутри начала наполнять неизвестная мне энергия, которая, как вода, вливалась в моё тело с лёгким журчанием. Каждая клеточка моего тела обретала абсолютно новый смысл своего существования в пространстве и времени, в симбиозе с себе подобной живой материей, отчего мне хотелось, как можно дольше продлить это состояние эйфории и наслаждения. Время стало вязким и тягучим, как мёд, а слышимые звуки приобрели оттенок размазанности. Я отчётливо слышал биение своего сердца, которое, как удары тяжёлого колокола, извещало меня о том, что я ещё жив. И под эти нескончаемые, монотонные звуки сознание начало проваливаться внутрь себя, ища выход из четвёртого измерения...

* * *

Я проснулся мгновенно, но продолжал лежать на холодном каменном полу с закрытыми глазами. Из-за неудобной позы руки и ноги затекли, и когда я попытался изменить позу, в меня сразу же вонзились миллионы «маленьких стрел», сигнализирующих разуму, что нормальное кровообращение тела начало восстанавливаться. Вслед за этим на меня накатилась волна неразрешённых проблем, и я понял, что мой «отдых» на каменном полу есть не что иное, как непозволительная роскошь. Обрывки былого сна, как фрагменты кино, вспыхивали в моей памяти снова и снова, сменяя один сюжет за другим.

«Что это было? – пытался я разобраться в случившемся. – Сон, галлюцинация или галлюцинация во сне?» Но ощущение реальности произошедших событий никак не покидало меня. «Ладно, утро вечера мудренее», – проговорил я, настраиваясь на оптимистический лад, одновременно поднимая голову и открывая глаза.

Лампочка под потолком горела вполне, всё было тихо и спокойно. Предметы, лежащие передо мной на полу, находились в том же самом положении, в котором я их оставил перед тем, как уснуть. Вот передо мной лежат часы и компас Чистякова, рядом с сумкой целая кипа чертежей с планами квартир. Вот пистолет, нож и фотоаппарат. Вот медальон... И тут я начинаю вспоминать свой сон в мельчайших подробностях. Разжав кулаки и посмотрев на раскрытые ладони, я понимаю, что начинаю сходить с ума. На правой ладони я вижу отпечаток медальона и цепочку в мельчайших деталях в виде ярко-красного отпечатка ожога. Тут на меня нахлынула новая волна животного страха, противостоять которому на этот раз я уже не смог, и я бросился наверх. Как я выбрался из подземелья и как бежал по ночному городу, я не помню. Пришёл я в себя только среди каких-то развалин довольно далеко от центра города. Стояла глубокая весенняя ночь. Всё небо было усеяно звёздами, и только на юго-западе горело несколько пожаров после вечерней бомбёжки. Спрятавшись в какую-то расщелину разрушенного до основания дома, я притаился и стал ждать. Чего ждать, я и сам толком не знал, но чувство того, что что-то вот-вот должно произойти в самое ближайшее время, никак не покидало меня. Там я и просидел до самого рассвета.

Выбравшись из своего укрытия, я подошёл к замёрзшей луже, ударом каблука разбив ледяную корку. Встав на четвереньки, я хотел было умыться, но в этот момент увидел в воде своё отражение. То, что я увидел там, заставило меня отпрянуть назад, поскольку на меня смотрел совершенно незнакомый для меня человек. Лицо его было изрезано глубокими морщинами, а голова была покрыта седыми волосами.

Приложив ладони к лицу, я ощутил под ними старческую, ребристую поверхность дряблой кожи. Если сказать, что в тот момент я испытал повторное чувство ужаса, это значит не сказать ничего. Я находился в состоянии полной прострации. Невозможно было смириться с мыслью, что за несколько часов я превратился из молодого человека в дряхлого старика. Сколь долго я просидел над лужей, было мне неизвестно. Однако, когда я поднялся на ноги, то почувствовал прежнюю лёгкость в ногах и теле. По всей видимости, из-за какого-то непонятого физического явления, произошедшего прошлой ночью, я превратился в старика снаружи, оставаясь молодым внутри. При этом физиологические изменения коснулись только моей внешности, но не затронули внутренних органов. Трудно было в тот момент осознать всю глубину произошедшей трагедии моей души, моей психики, когда на пороге большой жизни человек теряет своё лицо и внешность. Но времени жалеть себя у меня уже не было, поскольку из развалин и подвалов начали выходить люди, бросавшие вопросительные взгляды в мою сторону. И тут ко мне неожиданно подбежала маленькая девчушка.

– Дедушка, вам плохо? – спросила она.

От такого обращения меня передёрнуло. Но потом, собравшись с мыслями, я прикоснулся рукой к её голове, чтобы погладить, и в этот момент меня пронзил удар наподобие сильного удара током, от которого я зашатался. Чтобы не упасть, я схватился за её руку и получил повторный удар. В этот момент мир перед моими глазами превратился в белое полотно, на котором, как на экране кинотеатра, я увидел всю жизнь этой маленькой девочки. Я знал о ней абсолютно всё. Самое печальное, что я видел её трагическое будущее. Я видел, как этим летом её будут эвакуировать из города и как она погибнет, попав под бомбёжку. Произойдёт это 15 июня в час дня...

Отшатнувшись от неё, я пришёл в себя и произнёс:

– Ничего, ничего. Просто голова закружилась.

– Постойте здесь, я сейчас вам воды принесу, – и, не дожидаясь моего ответа, она умчалась в ближайший подвал.

Буквально через минуту, она в сопровождении своей матери с металлической кружкой в руках уже бежала назад. Её васильковые глаза излучали огромную жизненную силу, которая присуща только детям.

– Вот, пейте! – она протянула мне наполненную до краёв кружку воды.

Пока я пил, подошла её мать и участливо спросила меня:

– Извините, может быть, вам нужна какая-нибудь помощь? А то вот дочь прибежала и сказала, что вы тут чуть в обморок не упали. Я, правда, не врач, а всего лишь медсестра, пришла с дежурства покормить её, а она вот вас лечить собралась. Что с вами произошло? Вы давно ели?

– Нет, нет. Со мной всё в порядке, не беспокойтесь, так, общая слабость, – проговорил я, уставившись немигающим взглядом в её глаза.

И когда она перестала моргать, я ей сказал:

– Если хочешь, чтобы дочь твоя осталась жива, под любым предлогом не посылай её в эвакуацию. Особенно оберегай её 15 июня в час дня, – потом провёл ладонью перед её глазами и проговорил уже спокойным голосом: – Да ты, голубушка, сама чувствуешь себя неважно. Вон на ходу засыпаешь, видно умаялась на дежурстве. Ступай к себе, отдохни и поспи немного. Всё будет хорошо.

С этими словами я развернулся и пошёл неспешной старческой походкой.

* * *

Не имея никакого артистического таланта, я тем не менее старался идти степенным небыстрым старческим шагом, шагом пожилого уставшего и больного человека. Мимо меня проходили редкие прохожие, но я не чувствовал от них никаких энергетических посылов. Не было никакого намёка на тот шок, который я испытал, держа за руку девочку. Я уже не думал и не сокрушался о моей изменённой внешности, я думал сейчас только о том, чтобы ещё раз попробовать прикоснуться к кому-нибудь и узнать, сработает ли моё ясновидение на этот раз или нет.

Впереди себя я увидел старого пожилого человека, которому было трудно перейти через вывороченные взрывом трамвайные пути, и я решил помочь ему. Он посмотрел на меня сверху вниз и хорошо поставленным голосом произнёс замечательную фразу:

– Ты, дед, можешь помочь мне только в одном случае, если будешь идти впереди меня и посыпать дорогу песком, который сыпется из тебя, как из пожарного ящика.

Оценив этот юмор, я ответил ему в том же духе:

– По правде говоря, я уже успел состариться, глядя на то, как вы прыгаете через эти барьеры.

Он внимательно посмотрел на меня и разразился лёгким смехом, которым, наверное, не смеялся с самого начала войны.

– Ну что ж, мой верный Санчо Панса, помоги своему Дон Кихоту протоптать дорогу к Дульсине! – театрально произнёс мужчина.

Я подошёл к нему и подал свою руку для рукопожатия, одновременно представляясь своим настоящим именем, – Архип. Прошла, наверное, целая вечность, прежде чем он освободил свою правую руку от нескольких вязаных перчаток, наполовину дырявых от старости и моли.

– Райков Павел Степанович, – представился он, и наши руки соединились в крепком рукопожатии.

И в тот же миг, как и в случае с девочкой, в меня начала поступать информация о жизни Райкова.

Я увидел его, ещё совсем маленького, на коленях матери. Вот он уже выступает на подмостках губернского театра. Годы революции, стрельба на улицах города и в театре. Смерть родителей и жены от тифа. Недели запоя и полная безысходность в жизни. Потом в его жизни

появилась женщина, которая становится его женой. Снова театр, цветы, поклонники и поклонницы. День объявления войны и обезумевшие от страха глаза жены, её решение не уезжать и остаться рядом с ним. Голод и холод блокадных ночей. Стояние в очередях за хлебом. Смерть супруги. И наконец смерть самого Райкова тёплым сентябрьским днём в своём любимом кресле-качалке 5 сентября текущего года в полном одиночестве под грохот бомбёжки и артиллерийской канонады.

Но мало того, что я видел и знал об этом человеке всё, что с ним было, и то, что ещё произойдёт, в момент ясновидения я ощутил всю гамму чувств, пережитых человеком в самые важные моменты его жизни. И от этого водопада эмоций мне стало нехорошо. Я был к этому ещё не готов. «Странно, – подумал я, – теперь я могу знать всё о жизни любого человека, к которому прикасаюсь, а о том, что будет со мной через час или два, не могу».

Распрошавшись с артистом, я решил пойти к старшему лейтенанту Гаврилову. Во-первых, по его реакции можно будет проверить узнаваемость моей новой внешности, а во-вторых, узнать, чем закончилась разборка с Булькиным и близнецами.

Добравшись до нужного мне отделения милиции, я устроился в подворотне дома напротив и стал ждать появления Гаврилова. Солнце припекало, и я, подставив под его лучи спину, нежился в этом первом весеннем тепле. Никто не обращал на меня никакого внимания. Ну, сидит себе старик и сидит, никого не трогает. Мимо меня два раза проходил военный и милицкий патруль, но ни у кого из них не возникло желание проверить у старика документы. Оказывается, с внешностью старика очень легко затеряться среди людей или наоборот быть у всех на виду, но в тоже время быть для всех незаметным. «И это совсем неплохо», – сделал я своё умозаключение.

Людей на улице было совсем мало, и я немного расслабился. Изредка проезжали полуторки, гружённые снарядами для передовой, да вот нищенка прошла дважды из конца в конец улицы. И когда она в третий раз прошла мимо меня, мне показалось, что эти хождения не просто так, а ей что-то нужно здесь. Может, в этой подворотне что-то спрятано, и она сейчас при виде меня боится это забрать? И я решил, что если она ещё раз пройдёт мимо, то я её окликну.

Не прошло и тридцати минут, как она появилась снова.

– Эй, тёнька, может, вам помочь чем-то? – прокричал я.

– Кто это тёнька? Ты на себя посмотри, старый хрыч. Сам старше меня лет на двадцать, а всё туда же.

Я сразу узнал голос небезызвестной мне Софьи Павловны: баронессы, гадалки и по совместительству немецкой шпионки. А старухе как будто только того и надо было, чтобы я заговорил. Она презрительно плюнула в мою сторону и довольно бойко побежала по направлению к развалинам, видневшимся в конце улицы.

«Ладно, старая карга, мы с тобой ещё поквитаемся», – подумал я, обратно устраиваясь на своё пригретое место, чтобы не пропустить Гаврилова.

А Гаврилов появился только часа через четыре. Он задвинул на затылок фуражку, зажмурился и подставил под солнечные лучи своё небритое огрубевшее лицо. Потом достал из кармана шинели кисет, скрутил самокрутку и с удовольствием сделал первую затяжку.

Выбрав удачный момент, когда рядом никого не было, я вышел из подворотни и пошёл по противоположенной стороне улицы мимо отделения своей обычной походкой. Через несколько секунд я услышал за своей спиной голос Гаврилова:

– Эй, парень, как тебя там, Архип, стой! – но я продолжал идти, как ни в чём не бывало.

– Стой, стой! Кому говорю, остановись! – и я услышал шаги бегущего за мной милиционера.

А я всё иду и иду, как будто меня это не касается. И вот слышу, шаги всё ближе и ближе, и вот его рука ложится мне на плечо, я немного приседаю и оборачиваюсь... Надо было видеть

в этот момент лицо Гаврилова! Он чуть в обморок не упал от удивления. В растерянности отступил от меня на несколько шагов и прошептал:

– Извини отец, ошибся! Просто невероятно, как вы похожи сзади на одного паренька. Но тому всего лишь лет двадцать будет, а вам-то, наверное, уже за семьдесят? А со спины выглядите точно, как он. Такая же телогрейка, шапка и сапоги, рост, да и походка такая же, как у него. Если бы кто другой мне об этом рассказал, а не сам я это увидел, не за что бы не поверил. Может, вы с ним какие-нибудь дальние родственники? Кстати, дед, как твоя фамилия? Документы есть? – и Гаврилов моментально превратился в милиционера.

А в карманах у меня ничего нет, даже клочка бумаги. И дотронуться до него я не могу, поскольку стоит он от меня в трёх шагах. Думаю, будь что будет. И только я поднял на него глаза, вижу, как из-за его спины выходит неизвестно откуда взявшаяся Софья Павловна, которая достаёт наган и прицеливается в меня. Гаврилов по выражению моего лица понимает, что у него за спиной что-то происходит, поворачивается, и в этот момент раздаётся выстрел, и пуля попадает мне в грудь. Какое-то время я ещё слышал вокруг себя крики, беготню, ругань, но мне это уже было безразлично. Спустя секунду я провалился в темноту.

Часть четвёртая Лубянка

Глава 1. Взаперти

– Боже! Да заткните вы глотку этой собаке. Задолбала она тут уже всех. Лаает и лаает целыми днями. Был бы сейчас пистолет, самолично пристрелил эту тварь. Пошла вон отсюда. Чего лаешь? Видишь, нет у нас ничего, чтобы дать тебе пожрать. Ступай на кухню, может, там тебе что-нибудь перепадёт. Вот каналья! Каждый день приходит сюда в одно и то же время, хоть часы по ней сверяй. И всё лаает и лаает. Вот ведь зараза какая. Надо дохтару сказать, чтобы отвадил её отсель. А то от этого лая людям ещё хуже становится. Эй, Матвейчук! Посмотри деда возле себя. Или мне показалось, или он на самом деле глазом моргнул, а то мне отсюда плохо видно?

– Да кажись, нет. Всё с ним, как прежде. Показалось. Ты мне лучше кисет сюда кинь, а то мне с костылями между кроватями скакать не сподручно... Оп! Поймал. Спасибо, Петрович. А сам засмолить сигарку не желаешь? Уж больно табак душистый мне жинка прислала. Ходь сюды, отсыплю тебе табачку.

– Да-а-а, знатный у тебя, Микола, табачок! Горло дерёт, як гарилка. Я такой табак тильки да войны курил... Во, побачь, Матвейчук, диво якое. Собака брехать перестала и на нас уставилася. Мож, ей скучно было без нас с тобой?.. Га-га-га...

– Тише ты. Разбудишь сейчас всю палату, а особенно вон того деда. Кстати, ты не знаешь, чего это он лежит в госпитале, а не в больнице? Вроде по возрасту его должны были списать из армии ещё лет сорок назад. Га-га-га... Или уже воевать некому, что таких вот дедов на фронт берут?

– Тише ты, придурок. Не дай Бог кто-нибудь услышит. Тогда мы с тобой вместо фронта поедем на другой фронт. Да, да! Именно на тот. Ты всё правильно понял.

– Постой! Вот вроде опять у деда глаз дёрнулся. Ей Богу, дёрнулся. Сам видел. Эй, сестричка, позови дохтара. Скажи ему, что у нас тут дед лежачий моргать начал. Во, во, смотри, глаза открыл...

– И точно. Открыл. А всё говорили, что уже никогда не откроет. Вот чудеса якие дивные Господь творит. Вернул все-таки его заблудшую душу назад.

...Послышался топот ног. В палату вбежало несколько человек, и кто-то сильным волевым голосом скомандовал:

– Быстро несите его в смотровую. Расступитесь. Не мешайте, освободите проход. Осторожней. Не дрова несёте...

– Дайте ему ещё нашатыря. Достаточно. Вроде бы пришёл в себя. Товарищ военврач! Вы отвечаете за него головой. Немедленно освободить для него отдельную палату, а я распоряджусь, чтобы у дверей выставили часового. Вы, и только вы будете иметь доступ в его палату, и никто другой. С этого момента для всего персонала госпиталя вводится особый режим. Лично вам покидать госпиталь запрещается. Обо всех изменениях с пациентом докладывать лично мне незамедлительно, независимо от времени суток. Соответствующий приказ получите в течение часа. Вам всё понятно?

– Да, товарищ капитан государственной безопасности!

– И немедленно сообщите мне, когда его можно будет допросить. Самому в разговор не вступать...

* * *

Я проснулся внезапно. Открыл глаза и сразу зажмурился от чрезмерно яркого света. Все предметы вокруг меня были выкрашены в белый цвет. Надо мной висела белая люстра, слева от меня стояла белая тумбочка, а справа располагалась большая белая ширма, за которой, по-видимому, находилась входная дверь. Через какое-то время, этот стерильно белый цвет, стал меня раздражать. И я подумал, что тот, кто меня поместил в это помещение, сделал это специально и намерено. В белой комнате взгляд человека не задерживается долго на одном предмете, а находился в постоянном блуждающем состоянии, чем мешает мозгу сосредоточиться на собственных мыслях. Поэтому, я снова закрыл глаза, чтобы постараться вспомнить события, предшествующие моему ранению. Под руками я нащупал приятную прохладу простыни и попытался вспомнить, когда же это я последний раз спал на простынях. И к моему стыду не вспомнил. Давно это было, наверно, ещё до войны.

И тут мои размышления прервал звук открывшейся двери. Кто-то вошёл в комнату, подошёл ко мне сзади, увидел мои открытые глаза и заторопился к выходу, не проронив ни слова.

– Странное обращение с больным, – проговорил я, пытаясь повернуть голову назад и рассмотреть помещение за изголовьем кровати. Но, оказалось, что сделать это было нельзя, из-за тугой повязки, которую я первоначально принял за бандаж. Немного подёргавшись, я обнаружил, что ноги мои и руки тоже привязаны, и я лишён возможности встать с постели. Стало понятно, что вокруг меня происходят странные вещи. И вообще, где я нахожусь, у своих или врагов? И как мне себя надо вести с теми, кто придёт допрашивать меня? А то, что они появятся в скором времени, я даже не сомневался.

Ждать пришлось действительно недолго. Дверь в комнату снова открылась, кто-то подошёл с обратной стороны ширмы, подвинул стул и сел.

Приятный мужской баритон произнёс:

– Здравствуйте, Архип Захарович. Как вы себя чувствуете?

– Вообще то, культурные люди сначала представляются, и только потом начинают задавать вопросы, – проговорил я назидательным тоном, стараясь сбить незнакомца с толку и взять инициативу в свои руки.

– Хорошо, давайте вы будете называть меня, товарищ Василий. Вас это устроит?

– Вполне. Только, я хотел бы видеть собеседника перед собой, а не за спиной. Вам не кажется странным, что наша беседа будет проходить таким образом?

– Давайте не будем торопить события и забегать вперёд, поскольку всё что сейчас делается, делается в ваших же интересах. И так, я повторяю свой вопрос. Как вы себя чувствуете?

– Я не могу ответить на ваш вопрос, поскольку не знаю с чем сравнить моё теперешнее состояние. Если это касается физической боли, то её нет. А если брать во внимание тот факт, что я привязан к кровати, то моё состояние желает быть лучше. Вас устроит такой ответ?

– А вы оказывается демагог, Архип Захарович!

– А кто вам сказал, что я Архип Захарович? После ранения у меня полностью отшибло память, и я абсолютно не помню, не своего имени, ни фамилии. А то, что вы меня так назвали, абсолютно созвучно с тем, что вы назвали себя, товарищ Василий. Ведь признайтесь, это не ваше настоящее имя?

– Ох, и шутник же, вы. Прямо даже не знаю, что мне с вами делать. Чувствую, что вы превратно понимаете меня. Но нам всё равно надо с вами наладить диалог, для того, чтобы поставить все точки над «i».

Собеседник поднялся и стал прохаживаться по комнате, стараясь не попадаться мне на глаза. Немного помолчав и подумав, он произнёс:

– Хорошо! Я понимаю вашу озабоченность, поэтому постараюсь открыть перед вами свои карты. Если у вас ко мне после этого будут вопросы, я на них отвечу, а потом, вы ответите на мои. Договорились?

– Договорились, – проговорил я, закрывая глаза, чтобы лучше сосредоточиться на словах незнакомца. – Только ради Бога, перестаньте ходить, туда-сюда, а то это меня раздражает. Собеседник остановился, сел на стул, раскрыл папку и начал читать.

Совершенно секретно

ПРИКАЗ № 1926/234

5 декабря 1934 года, г. Москва

В связи с убийством 1 декабря 1934 года члена ЦК ВКП(б), секретаря ЦК ВКП(б), первого секретаря Ленинградского обкома ВКП(б), товарища Кирова С. М.

ПРИКАЗЫВАЮ:

Всем подразделениям НКВД СССР провести на подконтрольных территориях тотальную проверку в отношении лиц, попадающих под категорию: гадалок, гипнотизёров, магов, целителей и т. п. с целью выявления фактов их психологического воздействия на руководителей советской власти, государственных служащих, военнослужащих РККА, сотрудников НКВД. Всех задержанных направлять в областные фильтрационные лагеря для выяснения уровня их способностей. В случае обнаружения фактов вредительства и дестабилизации обстановки на местах принимать в отношении задержанных лиц самые жёсткие меры вплоть до высшей меры. Особо «одарённых» направлять в распоряжение Центрального аппарата НКВД.

Народный комиссар внутренних дел Г. Г. Ягода

** * **

Свидетельские показания Дмитрия Дурова, 1923 года рождения.

«...находясь в банде Серого с декабря 1934 по февраль 1937 года, я совместно с другими членами банды обнаружил в июле 1936 года в одном из пустых вагонов на сортировочной станции «Ленинград» мальчика очень маленького роста, которому впоследствии была дана кличка «Недоносок». Этот мальчишка обладал даром, угадывать то, что находилось внутри опломбированных вагонов. В период его нахождения в банде мы неоднократно совершали удачные налёты на целый ряд железнодорожных станций города и области. «Недоносок» определял нужные вагоны, после чего его сразу уводили с места преступления. Серый лично его опекал и запрещал нам с ним общаться. Никто не знал его настоящего имени и фамилии. Осенью 1936 года «Недоносок» неожиданно пропал из банды. Между нами ходили слухи, что его зарезали или продали другой банде за большие деньги. А было ли так на самом деле или нет, я не знаю...»

– Кстати, этот Дуров обладал незаурядными художественными способностями и по нашей просьбе нарисовал портрет разыскиваемого нами лица, который приобщён к делу. Не хотите взглянуть на него? Нет? Ну как хотите.

Другой немаловажный документ, который я хочу вам зачитать, является показаниями старшего лейтенанта Гаврилова.

«...В конце декабря 1941 года, точную дату не помню, в отдел милиции № 1 по улице Якубовича, где я проходил службу, прибежал паренёк. Из его сбивчивых объяснений я понял, что в квартире, расположенной по адресу переулок Пирогова, дом 4, квартира 9, было совершено убийство. Прибыв по указанному адресу, я совместно с понятными произвёл осмотр места преступления. В квартире, принадлежащей академику Климову, находилось два трупа: подростка и женщины. Из свидетельских показаний соседки, убитыми были Климова Вера Николаевна – жена академика, – и её сын, Климов Сергей Петрович. Убийство было совершено неизвестными лицами с особой жестокостью и цинизмом. Ввиду отсутствия в достаточном количестве сотрудников милиции, следственные и розыскные мероприятия по этому делу не производились. Тела убитых были захоронены в тот же день, квартира опечатана. В качестве понятых на месте преступления присутствовали: местный дворник Фазулин С. Ф. и гражданин Кулагин А. З.

Этого паренька, Кулагина, я видел ещё два раза. В первый раз это было в январе – феврале 1942 года, я тогда столкнулся с ним возле нашего отделения, когда он проходил мимо по своим делам. Во второй раз – за два дня до известных событий. Он был в компании майора по фамилии Иванов, предъявившего в момент проверки документов предписание за подписью наркома внутренних дел. Через день этого майора мы нашли застреленным в квартире гражданина Булькина, там же были задержаны два немецких диверсанта. В упомянутой квартире находилось большое количество произведений искусств из коллекции Эрмитажа, Русского музея. Следствие по этому делу было передано следователю НКВД Сомову Н. Г.

На другой день в районе обеда я увидел со спины человека, как две капли воды похожего на Кулагина. Однако, когда я его догнал, выяснилось, что я ошибся. Человек, которого я остановил, был лет на пятьдесят старше того паренька. И в тот момент, когда я хотел проверить у него документы, раздался выстрел, в результате которого пуля попала старику прямо в грудь. Стрелявшую женщину задержать не удалось. Как только она увидела, что попала в старика, то моментально раскусила ампулу с ядом и скончалась на месте. Прибывшие сотрудники госбезопасности отстранили меня от расследования и арестовали. В ходе допроса мне был показан портрет человека, по которому я опознал парня, известного мне по фамилии Кулагин. Больше к вышесказанному мне добавить нечего.

С моих слов записано верно.

Подпись: *Гаврилов»*

– Как видите, у нас есть неопровержимые доказательства вашего сотрудничества с немецкой разведкой. А по законам военного времени предателей и пособников расстреливают на месте. Кстати, тело настоящего майора Иванова было выловлено в Неве 12 мая 1937 года, –

отвлёкся от своего чтения незнакомец. – Скажите, это ваших рук дело? Молчите? Хорошо, слушайте дальше.

Спустя три дня Гаврилов снова попросился на допрос к следователю. В этот раз он добавил:

«В первых числах апреля 1942 года я совместно с представителями Гражданской обороны участвовал в рейде по выявлению незахороненных тел умерших от голода ленинградцев. При обходе квартир по адресу переулок Пирогова, дом 4 я обратил внимание на то, что оставленная мною печать на дверях квартиры № 9, где произошло убийство Климовых, сорвана. Зайдя в квартиру, я обнаружил в одной из комнат непонятный рисунок на полу, сделанный мелом (рисунок прилагается). Кто его рисовал и когда, мне не известно.

Подпись: Гаврилов»

Я ничего не ответил, а лихорадочно пытался свести к единому знаменателю услышанную мной информацию. Между тем, чтобы дать себе время на размышление, я попросил прекратить на сегодня допрос, ссылаясь на появившееся недомогание. Собеседник согласился со мной, сказав напоследок, что наша следующая встреча состоится завтра.

– Постойте, я хочу попросить вас кое о чём.

– Слушаю вас.

– Во-первых, я хочу, чтобы меня развязали. Во-вторых, я хочу свободно перемещаться по палате, ходить самостоятельно в туалет и по возможности иметь прогулки на свежем воздухе. В-третьих, я не хочу разговаривать с тем, кого я не вижу.

– В свою очередь, – отметил мой собеседник, – вы должны гарантировать мне, что не будете использовать в разговоре с собеседником гипноз и свою магию. Что касается вашей просьбы, я должен сообщить о ней своему руководству. Если будет принято положительное решение, вы узнаете об этом очень скоро.

Дверь тихо закрылась, а я остался лежать в шоковом состоянии, глядя на белый потолок.

* * *

*23 июля 1942 года, Москва, Народный комиссариат внутренних дел,
кабинет наркома Берии Л. П., 23 часа 46 минут.*

Лаврентий Павлович ходил по зелёной ковровой дорожке кабинета и обдумывал только что полученную шифрограмму от глубоко законспирированного агента советской разведки в Берлине, «Зевса». «Зевс» в очередной раз передал информацию, что высшее руководство фашистской Германии продолжает активно заниматься вопросами «чертовщины». Что это, провал советского разведчика, который под пытками принял условия противника и включился в радиоигру по дезинформации разведцентра? Или всё то, о чём он сообщает, имеет место, и данную информацию нельзя сбрасывать со счетов?

В последнее время ему всё больше и больше приходилось сталкиваться с информацией подобного рода.

Всё началось с того момента, когда археологи за день до начала войны вскрыли в Самарканде могилу Великого Тимура. По древнему пророчеству следовало, что как только откроют могилу «Великого хромого», тотчас же должна начаться война. Но ведь война началась задолго до этого события, три года назад, в сентябре 1939. Видимо, произошло роковое стечение обстоятельств. Эта информация оставила неизгладимый след в сознании «Хозяина». Уж кто-кто, а он заметил это сразу. После неудач Красной армии в первые месяцы войны, когда немцы почти

дошли до Москвы, «Хозяин» обратился к Богу. Именно тогда по его указанию был совершён облёт линии фронта самолётом с иконой Казанской Божьей матери на борту. Но ведь враг был отброшен от стен Москвы не молитвами и волей Божьей, а мужеством и героизмом солдат Красной армии и советского народа. Но «Хозяин» уже повёлся на эту мистику, и его было не остановить. Он разрешил попам вернуться в храмы и совершать там богослужения. Часть священников пришлось выпустить из лагерей, а Госхрану вернуть конфискованные предметы культа. И вот теперь новая информация о появлении очередного пророка на Руси. Что теперь прикажете делать? Всё бросить и искать этого «Рентгена»? Мало, что ли, было проблем со слепой Матроной? Одно время вся Москва на ушах стояла. Но объявив старуху сумасшедшей, удалось сгладить последствия религиозного всплеска.

То, что Гитлер помешан на оккультизме, знали все разведки мира, тут нечему было удивляться. Психическая неуравновешенность и шизофрения способствовали такому поведению фюрера. Но как прикажете понимать тягу руководителя Советского государства к информации подобного рода? Да, проблема! И опять разгрести это дерьмо придётся ему. И опять надо будет сделать так, чтобы комар носа не подточил.

Он подошёл к столу, сел в кресло и стал заново перечитывать сообщение.

«22 июля 1942 года на дипломатическом приёме в посольстве Японии, мною была получена информация, от высокопоставленного офицера СС, что по личному указанию фюрера создано специальное подразделение по поиску объекта «Рентген», бесследно исчезнувшего в Ленинграде, в апреле текущего года. Учитывая важность объекта для нужд III рейха, задействована вся немецкая резидентура на территории Советского союза. В случае обнаружения «Рентгена» будет предпринята попытка по его переброске в Берлин. Операции присвоено кодовое название «Пророк» и высший гриф секретности.

Зевс»

Берия позвонил начальнику 4 Управления НКВД, старшему майору госбезопасности Судоплатову П. А. и попросил его явиться к нему с докладом по делу «Рентгена».

Когда через пять минут Судоплатов вошёл в кабинет, Лаврентий Павлович продолжал перечитывать шифровку от «Зевса».

– Павел Анатольевич, какие будут соображения по поводу последней шифровки «Зевса»? Можно ли этому верить? – он приподнял над столом листок с текстом шифрограммы.

– Лаврентий Павлович. Агент «Зевс» является самым надёжным и проверенным нашим агентом. Через него поступает самая важная информация о том, что творится в кулуарах Гитлера.

– Я тебя спрашиваю сейчас не об этом. Я тебя спрашиваю о реальности существования этого самого «Рентгена». Если мне не изменяет память, то, кажется, лет пять назад уже давалось поручение по розыску кого-то по имени «Рентген». Это один и тот же человек или случайное совпадение псевдонимов? Что у тебя там есть на него?

После этих слов Судоплатов раскрыл одну из принесённых с собой папок и начал читать её содержимое.

Совершенно секретно

Г. Москва

Только для лиц списка № 1

1. Докладная записка начальника управления НКВД г. Вологда.

3 июля 1936 года дежурным милиционером линейного отделения станции Вологда, старшиной Пуteniным Н. С. был задержан за бродяжничество подросток. До выяснения личности задержанного он был помещён в камеру предварительного задержания. Из документов при себе имел справку о рождении на имя Кулагина Архипа Захаровича, 1920 года рождения, уроженца деревни Тереховка Архангельской губернии.

Во время пребывания в камере им было совершено жестокое и циничное убийство своих сокамерников, гражданина Холопкина Г. Ф. и гражданина Мурзаева А. Г., которые были помещены в эту же камеру до момента выяснения обстоятельств кражи личных вещей у гражданки Самойловой Ю. В. Гражданин Кулагин А. З. обманным путём заманил работников милиции в камеру и закрыл их на ключ, а сам сбежал с места преступления, оставив в отделении справку о рождении.

Предпринятые розыскные мероприятия результатов не дали. По всей видимости, преступник смог бежать из города по железной дороге в направлении Ленинграда или Москвы.

05.07.36 г.

Майор госбезопасности Фёдоров В. С.

2. 17.07.36 г. Управление НКВД по г. Ленинград. Из донесения осведомителя «Сапожник».

«Несколько дней назад в банде Серого появился молодой человек примерно 15-17 лет. Особые приметы: маленький рост, не более 140 сантиметров, оттопыренные уши, лицо покрыто веснушками, имеет характерный вологодский говор. По словам членов банды, обладает уникальными способностями по поиску любых предметов, скрытых от глаз. В банде Серого используется в качестве поисковика продуктов в товарных вагонах на станциях Ленинграда и Выборга. Находится под непосредственной опекой и охраной Серого. В личный контакт, вступить не удалось, имеет кличку Недоносок.

3. Выписка из стенограммы секретного совещания у начальника НКВД г. Ленинграда, комиссара 1 ранга Степанова Э. К. 19.09.36 года.

«...По оперативной информации, за период с июля по август текущего года на железнодорожных станциях г. Ленинграда и области неизвестными лицами было похищено более 20 тонн продовольствия, в основном тушёнки и рыбных консервов, предназначенных для нужд Ленинградского военного округа. Предпринятые меры по усилению охраны железнодорожных составов, прибывающих на товарно-сортировочные станции, положительных результатов не дали. Местные силы железнодорожной милиции с поставленной задачей не справляются. Налёты происходят быстро и молниеносно. Из всего состава вскрываются только вагоны с продуктами, будто бы преступники заранее предупреждены о перевозимых грузах. Проведённая внеплановая проверка должностных лиц железной дороги, имеющих доступ к документам, содержащим сведения о характере перевозимых грузов, выявила наличие среди этой категории служащих классово чуждых элементов. Среди персонала железной дороги выявлено 37 человек, написавших в своих биографиях недостоверные данные о себе и своих близких. Так, 18 человек из этого списка ранее работали в государственных учреждениях царской России на руководящих должностях, 5 человек в

прошлом служили в чине унтер-офицеров на кораблях императорского флота, 4 человека имели дворянское происхождение. Налицо имеется факт саботажа и диверсии. Все вышеперечисленные вредители были осуждены и расстреляны. Вместе с этим прекратились кражи на железной дороге. Сейчас ситуация по доставке грузов нормализована».

4. Шифрограмма от резидента советской разведки «Инга», Берлин, 20.11.36 г.

«По оперативным данным, полученных от надёжного источника, стало известно, что немецкая разведка активизировала свою работу по поиску на территории европейских государств людей, обладающими редкими природными способностями в области спиритизма, магии и экстрасенсорики. Особый интерес вызывает информация о нахождении в г. Ленинград человека, обладающего способностью видеть предметы сквозь стены. Ему присвоен оперативный псевдоним «Рентген». Для его поиска в Ленинграде расконсервирована часть немецкой резидентуры, которой поручены поиск и тестирование объекта. Учитывая важность данного человека для нужд рейха, о нём был проинформирован сам фюрер. Руководство по его поиску возложено на руководителя Абвера адмирала Канариса».

5. Секретное Указание Генерального комиссара госбезопасности НКВД Ежова Н. И., г. Москва. 25.11.36 г.

«Учитывая важность объекта «Рентген» для нужд внешней разведки, приказываю создать специальную группу по его поиску и вербовке. Командиром группы назначается: майор госбезопасности Иванов А. О. Группа наделяется особыми полномочиями и подчиняется непосредственно мне».

– На основании секретного приказа бывшего наркома Ягоды № 1926/234 от 5 декабря 1934 года, с декабря 1934 по сентябрь 1936 года по всей территории Советского Союза, органами НКВД была проведена работа по выявлению лиц, попадающих под категорию гадалок, магов, целителей и гипнотизёров. Выполнение приказа было возложено на майора госбезопасности Иванова Аркадия Олеговича. Сам Иванов был незаурядным гипнотизёром, увлекался всякого рода чертовщиной, спиритизмом, был, так сказать, нашим внештатным консультантом по вопросам магии. Именно под его руководством в сентябре 1936 года в Ленинграде были развёрнуты поисковые мероприятия по выявлению вышеупомянутого «Рентгена». В поле зрения наших органов попала небольшая прослойка граждан, которая по той или иной причине не попала под нашу зачистку после убийства товарища Кирова, и которая продолжала свою подпольную практику. Просеяв этот контингент через следственный отдел, мы пришли к заключению, что человека, обладающего поистине неординарными способностями, который мог бы заинтересовать немецкую разведку, среди арестованных нами лиц нет. В лучшем случае кто-то из них мог бы работать фокусником в цирке.

В мае 1937 года тело майора Иванова было выловлено в Неве без каких-либо признаков насильственной смерти, никаких документов и оружия при нём обнаружено не было. Следственная группа сделала заключение, что смерть наступила по вине самого пострадавшего, а документы и оружие пропали в период нахождения тела в воде. В конце тридцать седьмого операция по поиску «Рентгена» была свёрнута, но не прекращена. В то же время было разослано секретное указание во все областные управления НКВД Советского Союза о задержании всех лиц, которые в той или иной мере могли попасть под категорию разыскиваемого нами лица. Однако до начала войны «рыбка» в наши сети тоже не попала. И только в середине апреля текущего года при проверке документов милицейским патрулём в Ленинграде снова всплыла фамилия погибшего майора Иванова. Предписание за вашей подписью, Лаврентий Павлович, которое мы ранее выдавали Иванову, было предъявлено майором Красной армии.

Однако сотрудники милиции проявили халатность и отпустили этого майора. А на следующий день в 1 отдел милиции Ленинграда пришёл гражданин Булькин, он же вор-рецидивист по кличке Франт, который принёс собственноручно написанное признательное письмо. Из текста этого письма следовало, что это он застрелил майора Красной армии, который пришёл к нему в сопровождении двух немецких шпионов. При проверке этой информации в квартире Булькина было действительно обнаружено тело майора, предъявлявшего накануне документы на фамилию Иванов. Предписание за вашей подписью лежало у убитого на лице. Милиционеры, находившиеся тогда в патруле, опознали тело убитого. Как в дальнейшем выяснили наши эксперты, само предписание было подлинное. Только на нём фамилия Ежова была исправлена на фамилию Берия, и сделано это было на самом высоком профессиональном уровне. Также в квартире Булькина были обнаружены два немца, которых он в своём признательном письме называет диверсантами, находящихся в состоянии гипнотического сна. В квартире было много предметов антиквариата, картин из собрания Эрмитажа, золотые и серебряные украшения, бриллианты и золотые червонцы, а также большое количество продовольствия и два миллиона советских рублей. Проверка по этому делу продолжается. Булькин и двое немцев сейчас находятся у нас на Лубянке в подвале. С ними работают наши лучшие следователи, Родос и Эсаулов. У задержанных немцев полная потеря памяти. Применённый к ним профессором Михайловым из института судебно-психиатрической медицины сеанс регрессивного гипноза положительных результатов не дал. У них стёрты все личностные данные. Профессор Михайлов заявляет, что такого сделать не мог ни один гипнотизёр, и мы имеем дело со случаем спонтанной амнезии.

В ходе расследования этого дела в поле нашего зрения попал молодой человек по имени Архип. До середины января этого года он работал токарем на ленинградском тракторном заводе. Потом внезапно исчез. На заводе посчитали его погибшим, поэтому поисками его не занимались, поскольку родных и близких у него не было, но он каким-то образом связан с убитым майором. Участковый 1 отдела милиции, старший лейтенант Гаврилов в своих показаниях утверждает, что майор, представившийся Ивановым, и молодой человек по имени Архип, были вместе в момент проверки документов. В первый раз Гаврилов встретился с Архипом, когда произошло убийство семьи академика Климова. Этот Архип пришёл на квартиру Климовых разыскивать своего ученика Климова-младшего и обнаружил его убитым вместе с матерью. Он сообщил об убийстве в милицию и присутствовал в квартире Климовых в качестве понятого при составлении протокола. Через день после того, как мы арестовали Булькина и немецких диверсантов, Гаврилов на улице увидел со спины человека, как две капли воды похожего на Архипа. Подбежав к нему, он обнаружил, что этот человек лет на пятьдесят старше. Всё в нём было, как у Архипа: и походка, и верхняя одежда, и обувь, и даже голос был такой, как у того молодого человека. Когда Гаврилов попросил его предъявить документы, раздался выстрел, и пуля попала старику в грудь. Старик потерял сознание и впал в кому. Роковой выстрел произвела пожилая женщина. Во время её задержания она успела перекусить ампулу с ядом. При выяснении личности стрелявшей нами установлено, что это была Покровская Софья Павловна 1865 года рождения. В поле зрения наших органов она не попадала и в нашей картотеке не числилась. Гаврилова и старика доставили в Москву. Старик был помещён в центральный госпиталь Красной армии, а Гаврилов в камеру Бутырки. Всё это время со стариком работали наши лучшие врачи. По их заключению, налицо имеет место ярко выраженная медицинская аномалия: когда внешность человека изменилась до неузнаваемости, а состояние внутренних органов осталось без изменения. Медицинские светила утверждают, что такие изменения с человеком не могут произойти мгновенно, они происходят постепенно, на протяжении пяти-шести или более лет в случае редкого заболевания, называемого «прогерия». Таким образом, на сегодняшний день у нас нет твёрдой уверенности, что разыскиваемый нами Архип и этот дед являются одним и тем же лицом.

Вчера утром старик вышел из комы и пришёл в себя. По моему указанию его перевели в отдельную медицинскую палату в цокольном этаже нашего управления и выставили у дверей караул охраны. Сегодня в десять часов утра был проведён его первый допрос. Допрос проводил мой заместитель, старший майор Эйтингон. Однако делать какие-то выводы пока преждевременно. Старик просит, чтобы его развязали и разрешили перемещаться по палате. Сейчас мы проводим консультации со специалистами в области гипноза на предмет принятия мер предосторожности, чтобы он не смог загипнотизировать собеседника.

Берия вышел из-за стола и начал прохаживаться по ковровой дорожке.

– Павел Анатольевич, а ты помнишь, как в прошлом году мы тестировали способности одного еврея, который перебежал к нам из Польши? Напомни мне его фамилию.

– Вольф Мессинг, Лаврентий Павлович.

– Точно, Вольф Мессинг. Забавная штучка этот еврей. «Хозяину» его фокусы очень понравились. А где он сейчас?

– После проверки мы поселили его в гостиницу «Москва» и устроили на работу в Москонцерт.

– А как ты смотришь на то, чтобы воспользоваться способностями этого Мессинга для тестирования старика? Кстати, а ты сам веришь в способности Мессинга?

– По правде говоря, Лаврентий Павлович, я уже давно не верю ни в Бога, ни в чёрта. Что касается Мессинга, то я думаю, что наши эксперты правы, называя его «индуктором». Он считывает информацию о людях благодаря своей уникальной способности улавливать еле заметные нюансы психического состояния человека и правильно их интерпретирует. Конечно, надо отдать ему должное, делает это он виртуозно. Но ваше предложение о привлечении к этому делу Мессинга очень оригинально. Мы даже не рассматривали такой сценарий. Завтра же и приступим.

Судоплатов замолчал, наблюдая за тем, как ходит по кабинету нарком, боясь потревожить его размышления. А Берия в этот момент думал о том, надо ли докладывать об этом Сталину или всё-таки стоит повременить и дождаться первых результатов допроса старика. Вслух же он произнёс:

– Займитесь этим делом лично. Жду вас с докладом по этому вопросу ежедневно. Если ситуация начнёт проясняться раньше, информируйте меня немедленно. Запросите резидента в Берлине о деталях операции «Пророк». На сегодня достаточно. Вы свободны.

Когда дверь за Судоплатовым закрылась, Берия положил перед собой толстую папку текущих документов, которые надо было сегодня просмотреть и подписать. Часы в углу показывали полвторого ночи...

* * *

Придя к себе в кабинет, Судоплатов приказал дежурному офицеру разыскать своего заместителя Наума Эйтингона.

Эйтингон явился незамедлительно.

– Наум Исаакович, доложи мне всё по делу «Рентгена». Я только что был с докладом у наркома, и поверь мне, дело принимает нешуточный оборот. Я думаю, что Лаврентий Павлович будет докладывать о нём «Хозяину», а у нас пока нет никаких конкретных результатов.

– Товарищ старший майор...

– Наум Исаакович, перестань. Не надо мне разводить здесь солдафонство, мы с тобой не на параде. И тем более мы с тобой в одном звании. Будь проще, продолжай...

– Павел Анатольевич. Сегодня в десять часов утра я провёл первую беседу с объектом. Во время беседы за ним наблюдали при помощи сложной системы зеркал наши консультанты – психологи, Малиновский и Лифшиц...

– Они слышали ваш разговор? – прервал Эйтингога Судоплатов.

– Нет. Они видели только нашего пациента. По результатам их наблюдения было написано заключение. Вот оно, – Эйтингон протянул Судоплатову написанный от руки документ.

«...Комиссия в составе академика Лившица В. И. и доктора медицинских наук Малиновского Р. М. провела дистанционный осмотр пациента (X) на предмет его психологической адекватности и вменяемости. Во время наблюдения за пациентом нами было отмечено:

1. Представленный для осмотра пациент (X) своим примерным поведением стремится создать себе образ безобидного и доброго человека. Несмотря на то, что он находится в связанном состоянии, он продолжает оставаться спокойным, ведёт себя сдержанно, контролирует свои эмоции и поведение. Однако это поведение обманчиво. Постоянно суженные зрачки глазных яблок говорят о высоком уровне адреналина в крови и его готовности в любую минуту вступить в открытое противостояние с применением силы.

2. Пациент быстро адаптировался в помещении, в котором преобладает белый цвет, и сумел дезавуировать его влияние на своё подсознание, что свидетельствует о его познаниях в вопросах медицины и психологии;

3. На пятой минуте допроса обследуемый нами объект неожиданно и пристально посмотрел в замаскированное зеркало. От этого взгляда доктор Малиновский на десять секунд потерял сознание, а у академика Лившица пульс кратковременно поднялся до 180 ударов в минуту. Всё это свидетельствует о том, что обследуемый нами пациент обладает неизвестными науке способностями;

В связи с тем, что дальнейшее наблюдение за пациентом (X) стало небезопасным, наблюдение было прекращено...»

– А какое твоё мнение о старике? Ты ведь сам опытный психолог и хорошо чувствуешь собеседника. Давай, выкладывай свои соображения.

– Тяжело судить о человеке, когда не видишь его лицо, а слышишь только голос. Но я думаю, что старик что-то скрывает. В нём чувствуется, какая-то непонятная сила. Понимаете, Павел Анатольевич, у меня сложилось такое впечатление, что это не я проводил допрос, а он. Есть такое понятие, как внутренняя энергетика человека. Так вот, у нашего старика эта «энергетика» зашкаливает все мыслимые пределы. Уж насколько я являюсь подготовленным человеком, и с кем мне только не приходилось работать, начиная от уголовников и заканчивая руководителями партии, поверь мне, такого невидимого давления со стороны оппонента я не испытывал никогда.

– А это не опасно? – Судоплатов пристально посмотрел в глаза Эйтингона. – Ты ведь должен понимать, что не сегодня-завтра с ним захочет побеседовать Берия, а потом, возможно, и сам «Хозяин». Помнишь, как это было с Мессингом? Кстати, о Мессинге. Лаврентий Павлович предложил воспользоваться его способностями для тестирования старика. Как ты смотришь на это?

– Интересная идея, но она требует подготовки Мессинга к предстоящему разговору. И я думаю, что это займёт не один день.

– Да как ты не понимаешь, нет у нас столько времени. Наверху, – Судоплатов выразительно показал указательным пальцем на потолок, – требуют результата. Для поиска «Рентгена» немцы задействовали все свои агентурные резервы, а это значит, они знают о нём то, чего не знаем мы. Нам в самый кратчайший срок надо выяснить, кто этот старик, какими способностями он обладает, и если предположить, что этот старик и «Рентген» одно и то же лицо, то ты должен узнать об этом первый. Ты меня понял?

- Так точно, товарищ старший майор!
- Действуй, делай с ним, что хочешь, но к двадцати часам завтрашнего дня, когда я пойду на доклад к наркому, у меня должен быть конкретный результат.

Глава 2. Проверка

Ещё не забрезжил рассвет, когда лампочка над моей головой зажглась, и у входной двери послышалась какая-то возня. Вошли несколько человек, и через секунду ширмы не стало. В центре комнаты стоял мужчина с удивительно умными, пронизательными глазами и следами усталости на лице. Несмотря на раннее время суток, он был тщательно выбрит, его белая рубашка была накрахмалена, а галстук был явно не советского производства. Во всём его внешнем виде чувствовалась «порода», которой обладают люди, чувствующие своё превосходство над окружающими. Я узнал его по голосу. Это был мой вчерашний собеседник. Он жестами приказал «санитарам» освободить меня от пут, после чего положил на тумбочку рядом с кроватью свою толстую красную папку. «Санитары» были в резиновых хирургических перчатках, поэтому при прикосновении к моему телу считывания информации не происходило. Вся процедура проходила при полном молчании, которое никто не спешил нарушить. Принимая предложенные правила игры, я ждал момента, когда нас оставят наедине. Мужчина подошёл к окну, для вида подёргал оконную решётку и, развернувшись ко мне, произнёс:

- Как вам спалось?
- Спасибо за заботу и за то, что выполнили мою просьбу касательно освобождения меня от пут.
- У вас будут ещё какие-нибудь принципиальные просьбы? – он театрально обвёл комнату рукой.
- Нет, спасибо. То, что вы сделали для меня, говорит о том, что вы человек слова. А этого для меня в настоящий момент более чем достаточно.
- Вы знаете, у меня к вам есть предложение. Давайте мы для начала позавтракаем, поскольку на голодный желудок у нас разговор явно не получится, – и он громко хлопнул в ладоши три раза.

Дверь тотчас отворилась, «санитары» внесли в комнату круглый стол, поставили на него несколько блюд, закрытых баранчиками, чайник и два стакана в подстаканниках. Когда «обслуживающий персонал» скрылся за дверью, мужчина жестом пригласил меня к столу.

Усевшись друг напротив друга, мы напоминали шахматистов, которым предстояло сыграть в интеллектуальную игру, в которой призом для одного из них могла стать жизнь.

– Давайте для начала вернёмся к нашей вчерашней беседе и определимся, как мы будем друг к другу обращаться. К сожалению, я не могу вам назвать своего настоящего имени, поэтому зовите меня просто Иван Сергеевич.

– Я назову вам своё имя позже, после того, как вы расскажете мне, почему я нахожусь здесь. Кто я, подозреваемый, арестованный, осуждённый?

– Я буду с вами откровенен, как никогда, – проговорил мой собеседник, – думаю, вы поймёте меня правильно и будете благодарны за мою откровенность. Вы согласны с такой постановкой вопроса?

Я мотнул головой в знак согласия, поскольку мой рот в этот момент был полон еды. Вместе с поглощаемой пищей ко мне пришло чувство восстановления сил, как после тяжёлой и изнурительной работы. Собеседник, напротив, ел немного и больше для поддержания компании. Когда я заканчивал вторую порцию, он начал наливать для меня чай из чайника, произнося фразу:

– Для вашего возраста у вас очень хороший аппетит и отменное состояние зубов. Таким зубам позавидуют даже молодые.

Когда с чаем было покончено, опять появилась обслуга, которая быстро убрала остатки посуды со стола.

Положив перед собой на стол принесённую красную папку, Иван Сергеевич предложил вернуться к тому месту нашего разговора, на котором мы остановились вчера.

Из радиоперехвата радиogramмы германского посла в Японии Отта Ойгена в Берлин, 28 декабря 1938 года.

«За период с мая по октябрь 1938 года специальным подразделением военной разведки Японии выявлены и доставлены в специальную лабораторию в пригороде Токио, 42 «объекта» из районов Юго-Восточной Азии, континентального Китая и Тибета, обладающих способностями в области медитации, левитации, целительства и предсказания. Для изучения и обобщения методов их работы привлечены более ста научных сотрудников различных министерств и ведомств. Считаю необходимым форсировать работы по данной тематике в Европе, Африке и в странах Ближнего Востока.

Подпись: *Рамзай»*

– Как видите, уважаемый, все разведки мира пытаются использовать в своей работе людей, обладающих в той или иной степени неординарными способностями. В нашей стране в силу того, что мы с самого начала поставили заслон различным псевдонаучным учениям, данная тематика не разрабатывалась и во внимание не принималась, поэтому в этой области исследований мы безнадежно отстали. Однако наши аналитики, обобщив поступающие материалы по линии разведки, пришли к заключению, что работа по данному направлению может иметь как научное, так и прикладное значение.

Поэтому сейчас мы вынуждены семимильными шагами форсировать образовавшийся пробел в нашей работе, тратя на решение этих задач колоссальные физические и материальные ресурсы страны. Страны, которая ведёт в настоящее время кровопролитную войну с жестоким и беспощадным врагом. И чтобы победить в этой войне, мы готовы заключить договор хоть с Богом, хоть с самим чёртом.

Вы, может быть, сейчас задаётесь вопросом, «Какого чёрта он зачитывает мне совершенно секретные документы и выбалтывает государственные тайны?» А я Вам отвечу без утайки. Если в самое ближайшее время вы не пойдёте с нами на сотрудничество, я прикажу вас расстрелять. Вот видите, до какой степени я с вами откровенен!

В комнате повисла долгая мучительная пауза. Иван Сергеевич не торопил меня с ответом. Он отрешённо поднялся из-за стола и начал прохаживаться по комнате, заложив руки за спину. И когда молчание дошло до своего пика, я нарушил его первый.

– Иван Сергеевич, скажите мне честно. Вы сами-то верите в Бога и во всю эту чертовщину?

– Откровенно сказать, нет.

– А как же вы будете определять у людей сверхспособности, если вы сами в это не верите? Как вы сможете отделить зёрна от плевел? – я вопросительно посмотрел в его глаза.

Он выдержал мой взгляд, что свидетельствовало о железной выдержке этого человека. И я в очередной раз убедился, что передо мной стоит очень порядочный, сильный и честный «противник», с которым мне надо быть по одну сторону баррикады.

– Если мне будет продемонстрировано и показано что-то из того, что сможет сразить меня наповал, – продолжил он, – то, возможно, я изменю своё мнение по данному вопросу. Но в моей жизни я ничего подобного никогда не видел. И ещё! В это тяжёлое для нашей страны время я прошу вас проявить максимальную сознательность и понимание относительно нашей с вами беседы и сделать правильные выводы.

Я понял, что наш разговор подошёл к завершающей черте, и теперь всё будет зависеть только от меня.

– Хорошо! Вы убедили меня, я готов пойти на сотрудничество с вами. Что вы хотите услышать?

– Первое, кто вы есть на самом деле?

– Я не знаю.

– Постойте. Минуту назад вы заявили, что готовы к сотрудничеству, а теперь идёте в отказ?

– Я говорю вам чистую правду. По документам я Кулагин Архип Захарович, но на самом деле эта фамилия не моя. Возможно, и отчество не моё. Для того, чтобы вы всё поняли, я должен для начала рассказать о себе...

И я начал рассказывать Ивану Сергеевичу автобиографию в укороченном виде. Я сознательно упустил тот факт, что я был в банде у Серого, что вместе с Чистяковым мы искали клады и где находится найденное золото. Я также рассказал ему о том, что по непонятной для меня причине со мной произошла мгновенная метаморфоза, в результате которой я в одночасье превратился в старика. И в завершение своего повествования я признался, что если бы не та дурацкая пуля, то я бы в тот день обо всём рассказал Гаврилову, поскольку именно для этого я шёл к нему в отделение.

Трудно было понять по невозмутимому лицу моего собеседника, верит ли он тому, что я рассказал, или нет. Поэтому после окончания моего монолога я поинтересовался:

– Этого будет достаточно?

– Всё, что вы сейчас рассказали, и вправду интересно. Хоть прямо сейчас садись и пиши книгу о ваших похождениях. Но мне нужны факты, а я их пока не вижу. Я слышу лишь пустые слова. Вы можете мне сейчас, прямо здесь, продемонстрировать свои способности, о которых вы говорили? Только, я прошу, делайте это без гипноза.

– Хорошо! Хозяин – барин! – я окинул взглядом комнату и попросил разрешения встать.

– Давайте начнём вот с этого. Здесь, на противоположенной стене, напротив кровати находится потайное зеркало, которое можно принять за белую металлическую пластину. При помощи неё, не далее, как вчера, двое ваших людей наблюдали за мной во время нашей с вами беседы. Один из них выше среднего роста с залысинами на голове. У него нос с горбинкой. Второй, наоборот, роста небольшого, но зато носит усы и бороду, сильно картавит и не выговаривает букву «л». В вашем левом нагрудном кармане лежит удостоверение красного цвета, в правом кармане пиджака платок и связка ключей. Сейчас, подождите секунду... с пятью ключами. На брючном ремне вы два дня назад собственноручно сделали дополнительное отверстие, поскольку ваши штаны начали спадать. Галстук вам купил ваш друг, которого зовут Василий. Ну что, достаточно?

– Впечатляет, ничего не скажешь. Но я, по правде говоря, ожидал не этого. То, что вы сейчас сказали, могут многие. С одним таким человеком вы познакомитесь чуть позже. Мне нужны более весомые доказательства вашей исключительности.

– В таком случае я попрошу вас снова сесть за стол. Мне нужны только ваши руки. Не бойтесь. Я знаю, что за нами наблюдают в зеркало, а также то, что за дверью стоят шесть человек, готовые в любую минуту ворваться и скрутить меня в случае малейшей для вас опасности. Поверьте, я не самоубийца.

Мой собеседник сел за стол и протянул мне свои руки. Через секунду я их выпустил и, посмотрев ему в глаза, проговорил:

– Вас зовут Наум Исаакович. Вам 42 года. У вас было два брака, в следующем году вы женитесь ещё раз, и это будет ваш последний брак. В настоящее время от прежних браков у вас есть сын и дочь. Сыну 18 лет, а дочери 15. Сын с прошлого года служит в НКВД. Но в будущем браке у вас родится ещё двое детей. И снова это будут сын и дочь. На вашей совести смерть

многих довольно известных людей, в том числе и Троцкого, и за это вас щедро наградили. Но это не спасёт вас от тюрьмы. Помните поговорку «От сумы и от тюрьмы не зарекайся»? Так вот, она касается вас, самым непосредственным образом. Два раза вы будете сидеть в тюрьме. Первый раз недолго, а потом придётся посидеть 11 лет. А хотите знать дату своей смерти и её причину?

– Ну что ж, валяйте!

– Вы умрёте в кругу своих родных и близких в результате остановки сердца 3 мая 1981 года, – я выжидающе смотрел в глаза собеседнику, пытаюсь понять его реакцию на происходящее.

Но он был невозмутим, и я даже позавидовал его выдержке.

– Для того, чтобы убедить вас в моих исключительных способностях, этого будет достаточно? – задал я свой последний вопрос.

Иван Сергеевич, или как там его, Наум Исаакович, через непродолжительную паузу встал и произнёс:

– Этого пока будет достаточно. А сейчас мне надо вас покинуть. Отдыхайте. Всё, что вам будет нужно, вам немедленно доставят. Для этого надо будет только нажать на кнопку звонка, которую вы найдёте в прикроватной тумбочке. Только я прошу вас, ради Бога, не делайте никаких необдуманных поступков, которые наши люди могут неправильно истолковать. В ближайшее время к вам в «гости» заглянет ещё один посетитель, про которого я говорил. Мне бы хотелось, чтобы вы «нарисовали» его портрет наподобие того, который вы сейчас составили обо мне. Помните, что такая же задача будет поставлена и перед ним, – и он быстрыми шагами направился в сторону двери.

– Когда мы увидимся с вами снова? – спросил я вдогонку.

– Всё будет зависеть от того, какое впечатление произведёт на моё руководство содержание нашей беседы, – и он стремительно вышел, оставив меня одного.

* * *

День тянулся медленно. После обеда ко мне пришёл врач, который жестами объяснил, что мне надо сделать укол и осмотреть шрам от ранения на груди. По всей видимости, всем, кто в той или иной степени был связан со мной, в приказном порядке было запрещено разговаривать со мной.

Через закрашенные стёкла окон я наблюдал, что день близится к вечеру, а ко мне больше так никто не приходил. Я лежал на кровати, уставившись в потолок, прекрасно понимая, что через систему зеркал с меня не спускают глаз наблюдатели, фиксируя все мои движения. Чтобы успокоить их, я закрыл глаза и притворился спящим. Через какое-то время сквозь полудрёму я услышал, как кто-то робко вошёл в комнату, кашлянул и в ожидании моей реакции застыл у двери. Приподняв веки, я увидел переминающегося с ноги на ногу черноволосого кудрявого человека чуть старше сорока лет. Он очень волновался, и по всему было видно, что он не знает, как ему себя вести в подобной ситуации. Решив помочь ему, я заговорил первым:

– Проходите, присаживайтесь, – проговорил я, поднимаясь с кровати и указывая ему жестом на стул возле стола.

Он быстрыми шагами проследовал на указанное место и поднял на меня свои пронзительные глаза.

– Здравствуйте, – это было первое произнесённое им слово, которое выдало в нём иностранца.

– Вот это да! – я с удивлением уставился на него. – Я так понимаю, что вы и есть тот таинственный незнакомец, о котором мне говорили с утра, который должен прийти и протестировать меня.

– Да, наверное, это я, – промямлил мужчина.

– Ну и как, любезный, вы будете тестировать меня? – поинтересовался я у своего гостя, пытаюсь проникнуть вглубь его сознания.

Однако я натолкнулся на непробиваемую «стену».

– Мне сказали, что вы обладаете редкостным даром. И я, как человек, долгое время работающий в этой области, хотел бы увидеть это собственными глазами. Если вы позволите? – он смотрел искренне и доверительно. – В свою очередь, я могу вам продемонстрировать кое-что из своего репертуара. И полагаю, что обмен опытом ни мне, ни вам не помешает. Ну что, вы согласны?

– Мне терять нечего, я порядком уже заскучал, находясь здесь в полном одиночестве. Поэтому, конечно же, я согласен обсудить с вами все вопросы.

– Хорошо. С чего начнём? – он задумался, пытаюсь на ходу придумать сценарий нашего общения. – Я предлагаю сделать так. Сначала я покажу вам свои заготовки, а в ответ на это вы продемонстрируете мне ваши. И после каждого такого опыта мы обменяемся своими впечатлениями.

– Принимается, – проговорил я, усаживаясь за стол напротив него.

– Как вы понимаете, мне запретили называть своё имя. Поэтому я чувствую себя неловко. Но нам надо как-то себя обозначить, чтобы было удобнее общаться.

– А зовите меня просто «Дедушка», – пришёл к нему на помощь я.

– В таком случае зовите меня «Фокусник».

И мы с ним засмеялись, довольные тем, что ловко выкрутились из сложившейся ситуации. А вместе с этим смехом лёд в наших отношениях начал таять, и скоро мне показалось, что я знаю этого человека уже давно.

– Давайте начнём с самого простого. Загадайте какое-нибудь число про себя. Загадали? А теперь посмотрите мне в глаза. Так. Хорошо! Это цифра 51!

– Правильно.

– А теперь, – «Фокусник» достал из нагрудного кармана записную книжку, вырвал оттуда листок и вместе с карандашом положил на стол, – напишите втайне от меня задание, а также последовательность, в какой я должен его выполнить.

Он встал из-за стола и, отвернувшись, подошёл к окну, чтобы не видеть, что я пишу на листке. Выждав паузу, когда я закончу писать, он попросил меня сложить листок вчетверо и положить его напротив себя.

– Вы знаете, «Дедушка», мне сказали, чтобы я к вам не прикасался, поэтому я вынужден держать дистанцию. Надеюсь, это не заразно?

– Не беспокойтесь, это абсолютно не заразно и вообще не связано с медициной.

Он подошёл к столу, взял листок в свои руки, закрыл глаза и на несколько секунд ушёл в себя. Потом подошёл к кровати, взял подушку и переложил её в ноги, а одеяло повесил на спинку изголовья. Затем открыл тумбочку, нажал на кнопку звонка, дождался, когда в комнату зайдёт дежурный офицер, и попросил его принести два стакана чая.

Я был поражён его способностями к чтению скрытых текстов и мыслей. Так значит, я не один такой, значит, помимо меня есть ещё такие же люди, и один из них сейчас стоит передо мной! Как это здорово!

У меня было такое чувство, которое испытывают дети, находясь в первый раз в цирке. Это был водопад эмоций, восторга и удивления. Мои размышления прервал офицер, который принёс чай. После этой внезапной паузы до меня дошло, что я не должен сейчас восхищаться собеседником, а должен создать у него впечатление, что его психологические опыты являются жалким подобием моих возможностей.

– Я поражён вашим умением и талантом, – проговорил я искренне и в то же время отметил, что сидящий передо мной человек тщеславен и любит лезть в свой адрес.

Кто он? Шарлатан, умелый мистификатор или гений, нанятый чекистами для выполнения своих корыстных целей? «Ладно, мы сейчас это выясним», – проговорил про себя я.

Любуясь собой и вытирая пот со лба, «Фокусник» уселся на своё место за столом.

– Теперь ваша очередь, «Дедушка», показывать свои способности, – проговорил он, как будто мы играли с ним в детскую игру.

– Вы знаете, я никогда не пробовал делать то, что вы сейчас продемонстрировали мне, – начал я издали. – Это просто гениально и восхитительно, – я сейчас был тем удавом, который усыплял бдительность своей жертвы и поэтому не скупился на похвалу. – Если бы мы с вами встретились в более приватной обстановке и по другому поводу, то, поверьте мне, я бы просто умолял вас поделиться со мной своими секретами. Но поскольку, как я понимаю, времени у нас особенно нет, да и обстановка настраивает на серьёзный лад, то я просто продемонстрирую вам свои способности. Например – я сделал театральную паузу. – На вас сейчас надет костюм, купленный вами три месяца назад в магазине, расположенном в том же здании, где вы живёте. Простите, я не знаю названий улиц в этом городе. В правом нагрудном кармане пиджака лежат часы в золотом корпусе с цепочкой, которые вам подарила одна очень милая особа. Она в своё время имела на вас большие виды, но вы не ответили ей взаимностью. В память о себе она сделала вам этот дорогой подарок. В потайном кармане ваших брюк, вот здесь, – я изобразил у себя на поясе место размещения кармана, – лежит золотой перстень. Этот перстень вам подарил ваш «импресарио», я не знаю значения этого слова, но вы зовёте этого человека именно так. Раньше вы носили этот перстень везде и всегда, но сейчас, узнав, что носить золотые кольца и перстни в нашей стране не принято, вы стали прятать его в карман. И надеваете его только перед своими выступлениями, поскольку считаете, что он приносит вам удачу. Так, далее, – я внимательно посмотрел ему в глаза и обратил внимание на то, что он весь внутренне напрягся и даже вспотел.

«Значит, волнуешься, товарищ «Фокусник». Хорошо, что волнуешься, мне это только на руку».

– Под левой лопаткой на спине у вас есть шрам. Вы получили его давно, ещё в детстве, когда с мальчишками лазили в сад воровать яблоки. После этого вы получили от отца хорошую трёпку за порванную рубашку. Я закончу этот раунд тем, что скажу, вы уж не обижайтесь, но у вас на правом носке большая дырка. Наверное, в силу небольшого недостатка вы не привыкли выбрасывать вещи, которые отслужили свой срок. Поэтому ваш гардероб полон всякого старого и рваного белья. Но и это ещё не главное, – я просто впился в него своими глазами и стал подниматься из-за стола.

Я уже понял, что он сломался, и решил добить его окончательно. Положив свою ладонь на его руку, я в тот же миг узнал о нём всё.

– Скажите, Вольф, а зачем вы ввели в заблуждение чекистов о своей жизни за границей? Ведь то, что вы рассказали им, во многом не соответствует действительности.

Тут мой собеседник зарделся краской и, как чревовещатель, не шевеля губами, умоляющим тихим голосом произнёс:

– Ради бога, тише. Я вас умоляю. Вы погубите меня. Не делайте этого.

Было видно, что этот человек находится на грани нервного срыва.

– Того, что я рассказал вам сейчас, было достаточно для того, чтобы у вас сложилось своё представление обо мне? Или мне продолжить?

– Нет, нет, больше не надо, – взмолился «Фокусник», посматривая на дверь, за которой он видел своё спасение.

– Так что, вы хотите уже уйти?

– Да! Я думаю, что нашей непродолжительной беседы будет более чем достаточно.

– Хорошо. Сейчас я вызову охрану, – я подошёл к тумбочке и нажал на кнопку звонка.

Дверь открылась, на пороге появился дежурный офицер, который вопросительно смотрел на меня.

– Мой друг хочет покинуть меня, – я жестом указал на гостя, – проводите его.

Я подошёл к «Фокуснику», чтобы пожать на прощание его руку, но он отпрянул от меня, как от прокажённого, спрятав руки за спину, и бегом устремился к выходу. Офицер придержал его и помог выйти из помещения. Дверь закрылась, и на этот раз я остался в одиночестве на целых семь дней.

* * *

Казалось, что обо мне все забыли, но через неделю в сопровождении дежурного офицера ко мне привели двоих гражданских, которые сняли с меня мерки. Один из них был портной, другой – сапожник. Отсюда я сделал вывод, что меня хотят показать кому-то ещё, и поэтому решили придать мне более презентабельный внешний вид. В конце концов, не в пижаме же меня показывать людям.

И хотя по своей натуре я молчун, тем не менее долгое нахождение в одиночестве действовало на меня угнетающе. Это было большим для меня испытанием, нежели ожидание дальнейших событий. От нечего делать я возобновил по ночам свои выходы в астральное тело, а также сделал несколько выходов за пределы моей новой «темницы».

А там было всё так, как я и предполагал. За дверью находилось небольшое помещение наподобие тамбура. Возле входа стоял вооружённый часовой, а чуть правее от него располагалось место дежурного офицера с телефоном на столе. Далее следовала металлическая дверь, обитая с двух сторон дерматином, которая выходила в широкий и длинный коридор. В том месте, где коридор соприкасался с лестницей, стоял дежурный, проверяющий документы у всех входящих на этаж. Здание не походило на тюрьму или следственный изолятор, и поэтому я находился в неведении относительно места своего пребывания.

То, что меня на время оставили в покое, не говорило абсолютно ни о чём. Как я понимал, кто-то сейчас на самом верху решал мою судьбу, а может, даже вопрос, жить мне дальше или нет. Поэтому мне надо было быть готовым ко всему.

Как-то ночью, проснувшись от яркого света, я увидел стоящего перед кроватью Эйтингона в военной форме с двумя ромбами в петлицах и двумя звёздами на рукавах.

– Здравствуйте, Архип Захарович, вернее доброй ночи! Извините за столь поздний визит, но сами понимаете, идёт война, и нам отдыхать некогда. Садитесь на стул, сейчас придёт парикмахер, который вас подстрижёт и побреет. У нас с вами сегодня ещё много дел.

Как только я сел на стул, ко мне подошёл молодой парень, который сразу же начал подстригать мои седые волосы. Руки «брадобрея» соприкасались с моей кожей, поэтому скоро я знал о нём всё. И то, что он родом из бедной еврейской семьи, и то, что его устроили на работу по протекции родственника, который служит в аппарате управления НКВД в больших чинах. И то, что в скором времени он совершит головокружительную карьеру, и самое печальное, что в июне 1953 года он будет расстрелян по приговору суда как враг. А пока он старательно намыливал мне лицо и очень аккуратно сбривал щетину с моих дряблых щёк.

После того, как меня побрили, Эйтингон указал мне на ширму, за которой меня ожидала новая одежда и обувь. Через пять минут я выглядел, как новый целковый. Из-за отсутствия зеркала я не смог оценить мастерство портного, который сшил для меня мой первый в жизни костюм, поэтому пришлось довольствоваться оценкой Наума Исааковича:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.